

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

192

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ
КАВКАЗА
И ПРИЧЕРНОМОРСКИХ
СТЕПЕЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

192

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ КАВКАЗА И ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1987

Сборник посвящен проблемам древней истории народов Кавказа и Предкавказья. Он отражает современное состояние и перспективы исследования основных направлений, разработка которых связана с именем А. А. Иссена, известного советского археолога. Приводятся новые материалы и итоги их изучения, обосновывается хронология и эволюция древних культур.

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора), Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

В. С. БОЧКАРЕВ, К. Х. КУШНАРЕВА

СТАТЬИ

К. Х. КУШНАРЕВА

ЗНАЧЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ
(ОРЕНКАЛИНСКОЙ) ЭКСПЕДИЦИИ
ДЛЯ АРХЕОЛОГИИ КАВКАЗА *

Работы Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции — одной из крупнейших археологических экспедиций на территории Закавказья — внесли значительный вклад в археологию Кавказа в целом. Это была совместная экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Института истории АН АзССР — большой и творческий коллектив ленинградских и бакинских археологов. Работы экспедиции неразрывно связаны с именем А. А. Иессена — ее бессменного руководителя в течение восьми лет (1953—1960 гг.). Хронологический и территориальный диапазон исследований, целью которых было воссоздание древних и средневековых вех истории степей Восточного Закавказья, а также постановка и посильное решение ряда узловых историко-культурных проблем региона были обусловлены широтой интересов, блестящей эрудицией и всем складом научного мышления А. А. Иессена — ученого-историка в подлинном смысле этого слова. Будучи участницей экспедиции, считаю возможным подвести главные итоги ее достижений.

До начала работ экспедиции предстояло исследование Мильско-Карабахской степи; позднее в зону работ были включены предгорья Карабаха и район Нахичевани. Наш научный коллектив занимался разработкой следующих проблем: 1) заселение края в эпоху каменного века; 2) возникновение и развитие оседло-земледельческих поселений в эпоху энеолита и бронзы; 3) возникновение и история полукочевых скотоводства и его сосуществование с другими хозяйственными укладами; 4) возникновение и развитие городской культуры, ее связи с оседлым земледелием и полукочевым скотоводством вплоть до позднего средневековья. Для решения этих проблем были необходимы многочисленные маршрутные поздки по Мильско-Карабахской степи, которые в течение всех лет работы экспедиции осуществлялись А. А. Иессеном; дневниковые записки к археологической карте исследуемых районов представляют собой солидную часть его архива. Следовало также систематически накапливать данные для сводной стратиграфической колонки культурных слоев поселений в широких хронологических рамках.

Наибольшие трудности представляли поиски следов каменного века. В степи их установить не удалось; лишь в предгорьях Карабаха были выявлены отдельные находки мустьерского времени, которые в дальнейшем стимулировали открытие принципиально новых памятников в этой зоне¹.

Исключительных успехов добилась экспедиция в области изучения первых оседло-земледельческих культур, о существовании которых в

* Эта и последующие статьи сборника написаны по материалам расширенного заседания сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА, посвященного проблемам археологии Кавказа, над которыми работал А. А. Иессен и сотрудники возглавляемой им экспедиции.

Закавказье в это время ничего не было известно. Решающую роль в этой проблеме сыграло накопление стратиграфических данных на поселении нахичеванского Кюльтепе. Работы осуществлялись О. А. Абибуллаевым под постоянным руководством А. А. Иессена, интерес которого к осмыслению этого памятника воплотился в его блестящей статье «Кавказ и древний Восток в IV—III тыс. до н. э.»² Именно на этом памятнике впервые было установлено, что считавшейся самой древней на Южном Кавказе земледельческой культуре так называемого куро-аракского энеолита предшествовал длительный период собственно энеолита — времени развития ранних оседло-земледельческих обществ. Его документирует нижняя восьмиметровая толща горизонтов Кюльтепе, характеризующая различные стороны материальной культуры, хозяйства и образа жизни его обитателей. Экспедицией были открыты первые земледельческие поселения и в Мильской степи. Своим общим обликом они входят в ареал юго-восточной древнеземледельческой культуры иранского круга. Сейчас это широко известный для Закавказья период, тогда же его открытие явилось подлинной сенсацией в археологии Кавказа.

На свите древних горизонтов на том же поселении Кюльтепе покоился не менее мощный слой «куро-аракского энеолита». Именно здесь с открытием стратиграфического положения этих двух разновременных слоев было установлено, что представленная верхними напластованиями высокоразвитая культура с производящим хозяйством, яркими признаками металлопроизводства и преобладанием малоазийских связей должна быть отнесена не к энеолиту, а к периоду ранней бронзы. Такой атрибуцией был устранен терминологический разнобой в хронологически близких южнокавказских и переднеазиатских культурах. Сейчас это воспринимается как само собой разумеющееся положение, лежащее в основе всех последующих исследований. Однако впервые сформулированное на базе материалов экспедиции, оно внесло принципиально новый подход в изучении двух последовательных ступеней культурно-хозяйственного развития населения Закавказья.

Исключительно важным для установления социальной структуры общества конца III тысячелетия до н. э. явились раскопки кургана в урочище Учтепе — одного из трех гигантов, возвышающихся в Мильской степи. Раскопками руководил А. А. Иессен. Несмотря на плохую сохранность древнего захоронения, на месте которого позднее был погребен хазарский воин, сам факт сооружения такого огромного погребального памятника свидетельствовал о наличии уже в этот период глубокой дифференциации общества и существовании института племенных вождей, зафиксированных для этого времени тогда лишь знаменитым Майкопским курганом. Для Закавказья это был первый памятник такого рода, с которого началось открытие «царских» или «княжеских» погребений последней четверти III тысячелетия до н. э. Итоговая статья А. А. Иессена «Раскопки большого кургана в урочище Учтепе»³ является, с моей точки зрения, редким, классическим образцом реконструкции памятника. По глубине и доскональности исследования, предельной максимальной уровня извлечения информации из материалов и воссозданной на их базе картины сооружения и последующей истории кургана статью А. А. Иессена можно, пожалуй, сравнить лишь с последним трудом М. П. Грязнова, в котором реконструирован «царский» курган в Туве⁴.

Следующий этап в изучении земледельческих культур региона был в значительной мере восстановлен материалами впервые систематически изученного в Закавказье поселения эпохи средней бронзы Узерликтипе, около Агдама. Раскопки осуществлялись отрядом К. Х. Кушнаревой под постоянным наблюдением А. А. Иессена. Раскопки Узерликтипе позволили восстановить материальную культуру и экономический облик поселения степного типа первой половины II тысячелетия до н. э. Проживавшая здесь община вела многоотраслевое хозяйство, основанное

на земледелии и скотоводстве, виноградарстве и садоводстве; на поселении занимались металлообработкой, гончарством, изготовлением изделий из камня и кости. В Мильской степи поселение оказалось не одиноким. Узерликтепе имеет особую судьбу — оно и сейчас остается единственным бытовым памятником Южного Кавказа периода средней бронзы, на котором осуществлены систематические и крупномасштабные раскопки.

Включение области Нагорного Карабаха в зону наших работ было необходимо для решения проблемы возникновения и развития полукочевого скотоводства. Лишь параллельное изучение памятников степных и горных районов могло ответить на вопрос, какие сдвиги произошли в хозяйстве населения к концу II тысячелетия до н. э. и в какой зависимости были эти две различные вертикальные зоны. В решении этой проблемы большую роль сыграли раскопки поселения Учтепе в Мильской степи (руководители А. А. Иессен и И. Г. Нариманов) и разведочные работы в Ходжалах, в Карабахе (руководитель К. Х. Кушнарера). Рядом с известным Ходжалинским могильником, расположенным на магистральном пути скотоводов, ведущем из Мильской степи на высокогорные пастбища Карабаха, была выявлена каменная ограда, окружавшая площадь в 9 га; это, скорее всего, был загон для скота в периоды возможных нападений. Сам факт существования крупного курганного могильника на скотопроезном пути, а также большое количество оружия в могилах Карабаха указывали на интенсификацию скотоводческого хозяйства и существование в этот период яйлажной формы, способствовавшей накоплению больших богатств, углублению дифференциации общества, усилению военной ситуации. Для подкрепления этого вывода надо было вернуться в степь с целью изучения поселений, куда на зимние месяцы скотоводы спускались с гор. Такие поселения раньше не были известны. В качестве объекта для раскопок было выбрано поселение около большого Учтепинского кургана; здесь была открыта группа небольших землянок-зимников. Отсюда с весны скотоводы перебирались в горы, а глубокой осенью возвращались обратно. И сейчас форма хозяйства здесь осталась прежней, причем часть землянок современных скотоводов располагается на том же месте, где находилось древнее поселение. Таким образом, работами экспедиции был выдвинут и обоснован тезис о времени сложения отгонного скотоводства и о культурно-хозяйственном единстве степного Миля и горного Карабаха уже в конце II — начале I тысячелетия до н. э., единстве, основанном на общей экономике.

Следующий период представлен в степи «Малым курганом», разнообразный инвентарь которого делает этот комплекс опорным для VII в. до н. э. и побуждает к пересмотру некоторых, прочно вошедших в обиход датировок. Примерно этим же временем датируются нижние слои небольшого укрепленного поселения Каратепе, исследованного под руководством О. Ш. Исмизаде. Здесь во второй половине I тысячелетия до н. э. существовало оседлое поселение с сырцовой архитектурой, земледелием, скотоводством, садоводством и высоко развитой материальной культурой.

Таким образом, экспедицией установлено, что в древности степь жила многоукладным хозяйством — в оазисах, орошаемых каналами, процветало земледелие и скотоводство; здесь располагались крупные и небольшие стационарные поселения с прочной сырцовой архитектурой. В пустынных межозисных районах в зимние месяцы обитали скотоводы; они создавали недолговечные поселения другого типа — землянки, которые с весны до осени пустовали. Между обитателями этих функционально-различных поселений осуществлялись постоянные экономические связи.

В заключение кратко останавлиюсь на блестящих результатах изучения памятников средневековья. Здесь главным объектом стала Оранкала — одно из самых крупных городищ междуречья Куры и Аракса.

Руководителем раскопок был А. Л. Якобсон; позднее раскопки возглавил Г. А. Ахмедов. Работы носили крупномасштабный характер и осуществлялись в течение всех сезонов. Было установлено, что 1) городище Оранкала является городом Байлаканом, известным по письменным источникам; 2) город был основан в период раннего средневековья, чем и подтвердилась письменная версия; 3) так называемый Малый город с его могучими крепостными стенами был выделен лишь в постмонгольское время; 4) за пределами города располагался крупный ремесленный район (руководитель раскопок Н. В. Минкевич-Мустафаева). Раскопки дали огромный материал, касающийся различных сторон жизни средневекового города. Значение этого материала заключается в его массовости, позволяющей делать объективные выводы; в его строгой документальности, что придало надежность датировкам различных комплексов и позволило проследить динамику развития основных форм материальной культуры; в возможности установления связей Азербайджана с соседними областями Закавказья и Ирана.

Азербайджанская экспедиция ввела в научный оборот огромный, принципиально новый материал, позволивший реконструировать основные этапы культурного и социально-экономического развития населения Восточного Закавказья, начиная с эпохи энеолита и кончая поздним средневековьем. Собранный за восемь лет интенсивных работ материал составил основу трех томов трудов экспедиции⁵, большой серии статей ее сотрудников⁶ и вышедшей позднее монографии О. А. Абибуллаева⁷. Благодаря высокому уровню полевых исследований, а также творческой атмосфере, созданной руководителем экспедиции А. А. Иессеном, она стала подлинной школой в деле воспитания молодых ученых, вышедших ныне в передовые ряды археологов-кавказоведов. В этом научное значение Азербайджанской экспедиции в развитии кавказской археологии.

¹ См. статью И. Г. Нариманова и А. К. Джафарова «Палеолитические находки в Борсунлу» в настоящем сборнике.

² Иессен А. А. Кавказ и Древний Восток в IV—II тысячелетиях до н. э.//КСИА. 1963. Вып. 93. С. 3—14.

³ Иессен А. А. Раскопки большого кургана в урочище Учтепе//МИА. 1965. № 125. С. 153—194.

⁴ Грязнов М. П. Аржан. М.; Л., 1980. 61 с.

⁵ МИА. 1959. № 67; МИА. 1965. № 125. МИА; 1965. № 133.

⁶ Библиографию трудов Азербайджанской экспедиции см.: МИА. 1965. № 133. С. 106; Кушнарева К. Х., Якобсон А. Л. Основные проблемы и итоги работ Азербайджанской экспедиции//КСИА. 1966. Вып. 108. С. 6—13.

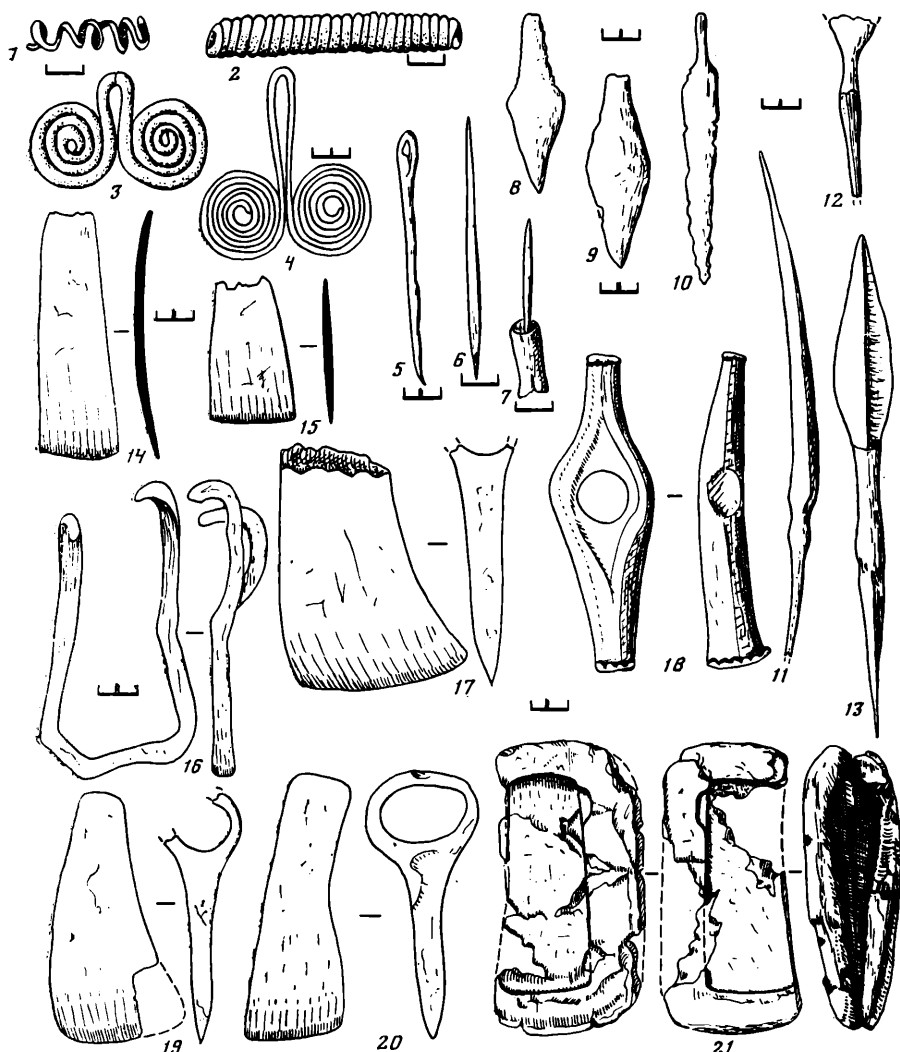
⁷ Абибуллаев О. А. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку, 1982. 265 с.

М. Г. ГАДЖИЕВ

ДРЕВНИЕ ОЧАГИ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В ДАГЕСТАНЕ

Начало освоения местными племенами обработки металлов, очевидно, относится к V—IV тысячелетиям до н. э., когда в горном Дагестане сложилась оседло-земледельческая энеолитическая культура¹, носители которой в отношении технического развития находились примерно на том же уровне, что и закавказские племена той же эпохи, знакомые уже с медью и ее сплавами².

Но подлинный расцвет металлообрабатывающего производства в Дагестане, как и на всем Кавказе, относится к эпохе ранней бронзы III тысячелетия до н. э. Наиболее яркой находкой, доказывающей местное производство металлических изделий, является глиняная, разъемная, из двух половинок литейная форма для отливки топора из поселе-

Рис. 1. Литейная форма и металлические предметы, эпоха ранней бронзы, Дагестан

1, 4, 7—9, 13, 14 — пос. Чиркей; 2, 3 — пос. Геме-тубе II; 5, 10 — Карабудахкентский могильник; 6, 11 — Верхнегунибское поселение; 7, 15, 21 — пос. Галгалатли; 12 — пос. Сигитма; 16 — Даг-Огни; 17 — с. Мекеги; 18 — с. Ругуджа; 19 — с. Хутрак; 20 — с. Новомака

ния 1-й половины III тысячелетия до н. э. Галгалатли I³ (рис. 1, 21). Она, судя по сделанному в ней гипсовому слепку, предназначалась, как и формочки из Шенгабита⁴, Гарни⁵, Кюльтепе⁶, для отливки древнейших типов клиновидных проушных топоров, хорошо известных как в Закавказье⁷, так и на Северном Кавказе⁸. Литейные формочки, тигельки и их обломки, кроме Галгалатли I, в Дагестане найдены на поселении Мекеги, Верхний Гуниб, где выявлены также остатки литейной мастерской⁹. Раннее знакомство местного населения с плавкой металла документирует бесформенный слиток меди из древнейшего слоя Великентского поселения эпохи ранней бронзы.

Развитие местного металлообрабатывающего производства подтверждает также значительное количество металлических предметов (около 60), обнаруженных в ходе раскопок древних поселений и могильников в Дагестане (рис. 1).

Основные формы металлических изделий — продукции дагестанского очага металлообработки в типологическом отношении принципиально не отличаются от аналогичных предметов куро-аракской и майкопской

культур. Особое внимание исследователи уделяли таким изделиям, как топоры-клевцы, наконечники копий с четырехгранным насадом, штыки, топоры проушные, тесла, ножи, некоторые украшения. Одни из них (топоры-клевцы, наконечники копий, штыки) получили большее распространение на Южном Кавказе, другие (тесла) — на Северном, третьи (топоры проушные, ножи) были распространены одинаково как на юге, так и на севере. При этом некоторые типологические и технологические особенности перечисленных выше изделий из Дагестана позволяют говорить об их местном производстве. Так, топор-клевек из Ругуджа и копье с насадом из Чиркея изготовлены из чистой меди, в то время как подобные предметы в Закавказье отливались из медно-мышьякового сплава, тесло из Галгалатли I имеет на своей тыльной стороне дефекты литья, штык из Верхнего Гуниба не имеет традиционного для южных образцов упора у черенка. Но в целом продукция дагестанского очага металлообработки эпохи ранней бронзы, происходящая в основном из памятников северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры, больше тяготеет к закавказскому (по номенклатуре Е. Н. Черных¹⁰) горно-металлургическому центру, который включает куро-аракский металлургический очаг, чем северокавказскому центру с металлом майкопской культуры. К последней в типологическом отношении больше всего близка вилка из Дагестанских Огней, к тому же изготовленная из характерной для майкопской культуры мышьяково-высоконикелевой бронзы.

Кроме указанных предметов, особый интерес представляют очковидные (биспиральные) подвески, неизвестные на Кавказе за пределами Дагестана, где они бытовали не только в эпоху ранней бронзы, но и в последующие (рис. 1, 3, 4). Ближайшие аналоги на юге они имеют лишь в Иране (Тепе-Гиссар)¹¹. Однако точно такие же подвески известны в европейских культурах эпохи раннего металла (среднеднепровская, фатьяновская, абашевская)¹². Это является еще одним показателем известной роли Кавказа (в данном случае его восточных районов) в становлении и первоначальном развитии в Восточной Европе собственной металлургии¹³.

По составу металла предметы эпохи ранней бронзы из Дагестана подразделяются на три химико-металлургические группы: медную, мышьяково-высоконикелевую и мышьяковую¹⁴. Медная состоит из трех предметов: топора-клевца из Ругуджа, наконечника копья из Чиркея и неопределенного предмета из Геме-тубе I. Мышьяково-высоконикелевая группа представлена вилкой из Дагестанских Огней и топором из с. Новомака. Примечательно, что оба предмета и в типологическом отношении хорошо вписываются в категорию соответствующих изделий майкопской культуры, для которой характерен мышьяково-высоконикелевый металл. Наибольшим количеством предметов (19 из 24 анализированных) представлена мышьяковая группа. Обращает внимание, что содержание мышьяка в них не превышает 2,5%, за исключением ножа из Чиркея (4,5%), в то время как одновременные закавказские изделия из памятников куро-аракской культуры содержат его в значительно больших дозах¹⁵. Особенно низкий процент мышьяка (в пределах десятых долей) содержат предметы из памятников Приморского Дагестана (Геме-тубе I, II, Великент). Такое необычно низкое содержание мышьяка является своеобразной традицией дагестанского очага металлообработки¹⁶, отличающей его от майкопского и закавказского (куро-аракского) очагов металлообработки.

Таким образом, находки остатков литейного дела, типологические особенности металлических предметов, а также своеобразие химического состава металла, из которого они изготовлены, не оставляют сомнений в существовании в Дагестане местного очага металлообработки. Начало его функционирования, судя по находкам металлических предметов в древнейших горизонтах поселений Великент, Каякент (Геме-тубе), перекрытых слоями, датированными Р. М. Мунчаевым сере-

диной III тысячелетия до н. э.¹⁷, уходит вглубь 1-й половины III тысячелетия до н. э.

Не решенным еще окончательно остается вопрос о рудной базе местной металлообработки и о существовании здесь самого металлургического производства. В пределах горной части Северо-Восточного Кавказа (Южный Дагестан, бассейн рек Аварское и Андийское Койсу) известно множество месторождений и рудопроявлений полиметаллов, медно-пирротиновых и медно-серноколчедановых руд¹⁸. Но ни одно из них не расположено близко от поверхности. Здесь не выявлены еще наиболее доступные древним металлургам месторождения легкоплавких окисленных руд, или они были исчерпаны очень рано. Полагают, что из-за ограниченности запасов таких руд на Кавказе и быстрого роста потребностей в этом сырье здесь рано перешли к эксплуатации более богатых, но вместе с тем более сложных для плавки сульфидных руд¹⁹. Неизвестны пока и прямые свидетельства металлургического производства — шлаки и плавильни. Из косвенных данных следует отметить многочисленные находки в Дагестане, в частности и на поселениях эпохи ранней бронзы, массивных каменных топоров с желобчатым перехватом²⁰, считающихся орудиями рудокопов²¹. В горнорудном деле, по мнению специалистов, использовались и топоры-клевцы. И наконец, обращено внимание на некоторое отличие дагестанского металла от металла изделий других областей Кавказа в отношении распределения микропримесей химических элементов, что в значительной степени характеризует особенности исходного сырья²².

Во 2-й половине III тысячелетия до н. э. в историко-культурном развитии Северо-Восточного Кавказа происходят значительные изменения, затронувшие почти все сферы культуры (архитектура, гончарное дело, металлообработка, погребальный обряд) и завершившиеся распадом существовавшего здесь в эпоху ранней бронзы культурного единства (северо-восточнокавказский вариант куро-аракской культуры) и сложением на рубеже III—II тысячелетий до н. э. ряда новых археологических культур и групп памятников эпохи средней бронзы (гинчинская, великентская, присулакская и др.)²³. Каждая из них характеризуется своеобразием набора типов металлического инвентаря и технологии его изготовления, позволяющим рассматривать их одновременно и как локальные очаги металлообработки. Наиболее выразительными металлическими комплексами представлены две культуры.

Гинчинская культура выделяется в горных районах юго-восточной Чечни и Дагестана и объединяет два локальных варианта: памятники типа Гинчи и Верхнегунибское поселение в горном Дагестане²⁴, а в юго-восточной Чечне могильники типа Гатын-кале²⁵. Типичными являются горные поселения со ступенчато расположенными многокомнатными прямоугольными домами, бескурганые могильники с круглыми и прямоугольными в плане склепами и гробницами с преимущественно коллективными захоронениями, сероглиняная керамика с гладкой и обмазанной поверхностью, резным и рельефным орнаментом, а также определенный набор типов металлического инвентаря. Ее формирование происходило на базе производственных и культурных традиций местных племен, но в условиях существования тесных контактов с носителями алазано-беденской, триалетской и северокавказской культур. Об этом свидетельствует, в частности, и металлический инвентарь, происходящий в основном из могильников Гинчи, Галгалатли, Гатын-кале. Он представлен вислообушным топором, кинжалами, ножами, иглами, шильями и украшениями (рис. 2), булавками, браслетами, подвесками, пронизками, полусферическими колпачками и бусами.

Булавки подразделяются на три подтипа. Булавки с двуволютными головками, имевшие весьма широкое распространение во времени и пространстве (рис. 2, 14, 15). Своеобразна булавка с плоской головкой и роговыми выступами (рис. 2, 17), имеющая некоторое сходство с булавками из Бедени²⁶ и Триалети²⁷. Ко второму подтипу отно-

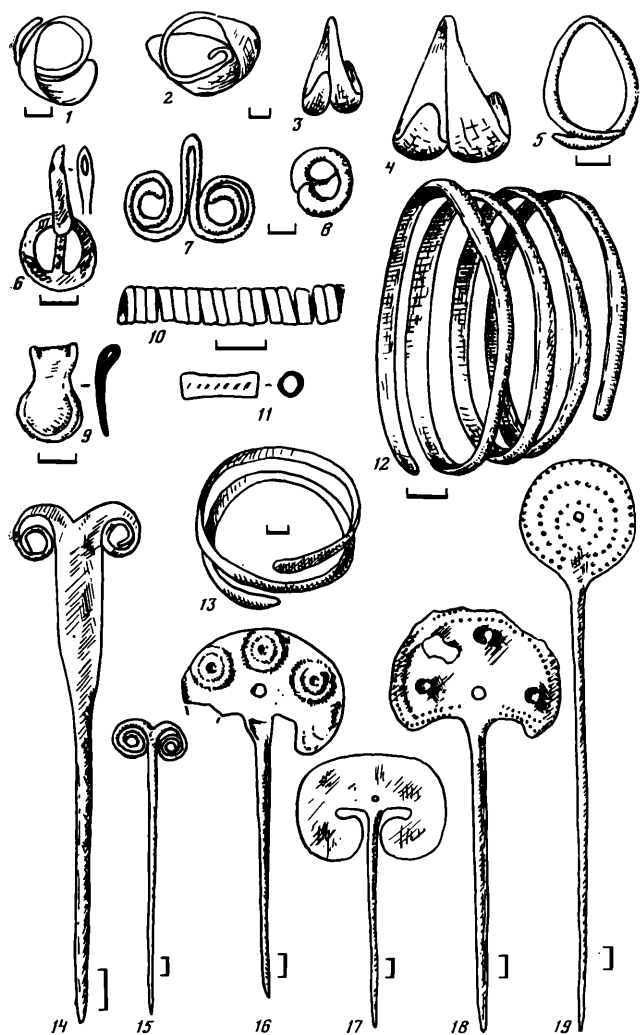
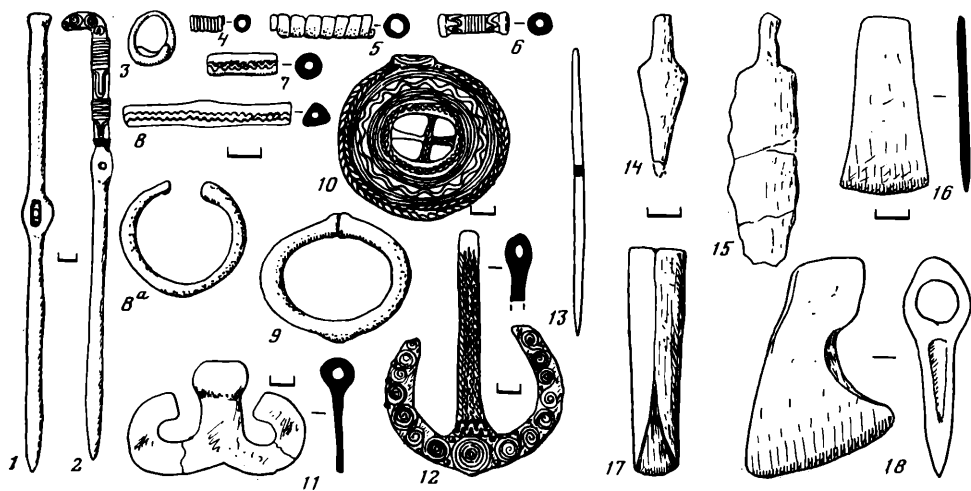

Рис. 2. Металлические предметы, эпоха средней бронзы, Горный Дагестан и юго-восточная Чечня

1, 7, 8, 10, 11 — могильник Галгалатли; 2—5, 13, 15—19 — могильник Гинчи; 6, 9, 12, 14 — могильник Гатын-Кале

Рис. 3. Металлические предметы, катакомба I Великентского могильника (1—18)

сятся булавки с полукруглыми головками и отростками по краям (рис. 2, 16, 18). Третий подтип представлен булавками с дисковидными головками (рис. 2, 19). Эти два подтипа булавок в рассматриваемое время за пределами горной зоны Северо-Восточного Кавказа почти не встречаются и могут считаться специфичными для данного очага металлообработки.

Типичными для этого очага являются также многовитковые браслеты, свернутые в 2—4,5 витка из прута сегментовидного или треугольного сечения, встречаемые в эпоху средней бронзы в других областях Кавказа очень редко (рис. 2, 12).

Из разнообразных подвесок диагностичны для этой культуры височные подвески с лопастями (рис. 2, 3, 4) и лавролистные (рис. 2, 1, 2).

Своеобразие металла восточной группы памятников Северного Кавказа, заключающееся в повышенном содержании примесей сурьмы, было отмечено еще Е. Н. Черных²⁸. И. Р. Селимханов подтвердил эти наблюдения²⁹. С. Н. Кореневским на большем количестве материалов³⁰ выделены две основные металлургические группы. Одна из них, традиционная для Дагестана, мышьяковая, с низким содержанием мышьяка (0,1—3%), неоднородная по содержанию микропримесей свинца, сурьмы, серебра. Другая, мышьяково-оловянистая, отличается от первой высоким содержанием олова (0,1% и больше, до 7%) и мышьяка (в пределах 0,03—3%) и однородностью по содержанию других примесей. Выявлена также некоторая разница между бронзами могильников Гинчи и Гатын-кале по микропримесям олова, которым насыщен металл Гинчи, но обеднен металл Гатын-кале. Наличие различных по своему химическому составу металлов в памятниках данного очага металлообработки находит объяснение, с одной стороны, в возможности использования разных источников сырья³¹, с другой — в существовании некоторых хронологических различий между изученными комплексами (для ранних комплексов характерна мышьяковая бронза, а поздних — мышьяково-оловянистая)³².

Другой очаг металлообработки эпохи средней бронзы локализуется в Приморском Дагестане к северу от Дербента. Представленную здесь археологическую культуру характеризуют материалы верхних горизонтов поселений Великент, Каякент, Мамай-кутан, а также Великентский катакомбный могильник. Бескурганные катакомбы этого могильника, служившие в качестве коллективных усыпальниц, содержали многочисленные погребальный инвентарь. В одной только катакомбе было найдено около 1,5 тыс. металлических предметов, характеризующих великентский очаг металлообработки конца III — первой половины II тысячелетия до н. э.³³ В типологическом отношении этот комплекс состоит из предметов как специфичных для данного очага (топоры, булавки, якоревидные подвески, браслеты, пронизи-трубочки), так и из имевших более широкое распространение (ножи, долота, тесла, шилья, медальоны, пронизи-спирали, подвески в полтора оборота) (рис. 3).

Втульчатые топоры с круглым отверстием для рукояти и оттянутым вниз лезвием, аналогичный экземпляр которых происходит с той же территории (пос. Дагестанские Огни)³⁴, не имеют на Кавказе точных параллелей (рис. 3, 18).

Булавки представляют собой стержни круглого сечения с отверстием выше его середины с двумя типами головок: изогнутый и прямой. По своей конструкции они в целом отличаются от булавок эпохи средней бронзы Северного Кавказа, но могут быть сопоставлены в какой-то степени с посоховидными булавками северокавказской культуры. Специфичным для данной коллекции является также тип якоревидных подвесок с длинным стержнем, орнаментированных шнуровым узором и спиралями (рис. 3, 12).

Браслеты, круглые в сечении, с утолщениями на концах и середине, также не имеют точных аналогов в памятниках эпохи бронзы Северного

Кавказа (рис. 3, 8а, 9). Своеобразны и пронизи-трубочки треугольного сечения, украшенные литыми змейками (рис. 3, 8).

Другая группа предметов, включающая ножи простых форм с черенком и листовидным пером, долота с коваными втулками и с сомкнутыми краями, сравнительно короткие тесла, четырехгранные шилья, медальоны с литым орнаментом в виде шнура, спиралей, зигзагов, манжетовидные пронизи-трубочки, спиральные пронизи, подвески в полтора оборота, широко известна в бронзовом веке на всем Кавказе, в особенности на Северном Кавказе, а также в предкавказских степях.

Состав металла великентской коллекции изучен С. Н. Кореневским на основе 195 химических анализов³⁵. Подавляющее большинство предметов отлито из довольно однородного по геохимическим примесям медного сырья с незначительным присутствием мышьяка — в основном от 0,1 до 5%, а главным образом от 0,1 до 1%, что, как уже отмечалось, весьма характерно для Дагестана. Отдельные браслеты изготовлены из серебра или с добавлением к меди серебра более 30%. Выделяется группа предметов с лигатурой олова в концентрациях от 1 до 10%, которые нельзя считать импортами из какого-либо другого района Кавказа, так как из этого металла отливались украшения, свойственные именно для данного очага (булавка, браслеты). Очевидно, оловянистая бронза была распространена в рассматриваемое время не только в Закавказье, где она широко представлена в алазано-беденской³⁶ и триалетской культурах³⁷, но и, как свидетельствуют данные анализов великентской коллекции, на Северном Кавказе.

Вся коллекция великентских бронз обладает определенным внутренним производственным единством, выражающимся в тенденции отливать крупные украшения, в одинаковых мотивах орнамента, стандартизации размеров орудий и украшений, дополнительных типологическим своеобразием. Она отличается от металла гинчинской культуры не только в типологическом отношении, но в определенной степени и по составу содержащихся в металле микропримесей³⁸.

Другие выделяемые в Дагестане культурные комплексы эпохи средней бронзы пока что не могут быть охарактеризованы как самостоятельные очаги металлообработки ввиду ограниченности имеющихся в нашем распоряжении материалов.

Заканчивая на этом характеристику основных очагов металлообработки эпохи ранней и средней бронзы в Дагестане, следует подчеркнуть, что если в эпоху ранней бронзы он больше тяготел к закавказскому горно-металлургическому центру, то в эпоху средней бронзы наблюдается его определенная переориентация на северокавказский горно-металлургический центр. Изменение характера металлообработки в Дагестане на рубеже эпох ранней и средней бронзы (появление разнообразных многокомпонентных сплавов, в особенности оловянистой бронзы, новых типов изделий, имеющих северокавказский облик, сложение новых очагов металлообработки и т. п.) является одним из проявлений больших культурно-исторических перемен, происходивших в это время на всем Кавказе и выразившихся в закате куро-аракской и майкопской культур и сложении новых культур эпохи средней бронзы с яркими признаками иных культурных традиций.

¹ Гаджиев М. Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетии до н. э. // КСИА. 1968. Вып. 108. С. 50—61.

² Абибуллаев О. А. К вопросу о древнейшей металлургии Азербайджана // МИА. 1965. № 125. С. 67; Селимханов И. Р., Торосян Р. М. К определению энеолита на территории Закавказья по данным анализа металлических предметов // ИФЖ. 1961. № 1. С. 34.

³ Гаджиев М. Г. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и

средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983. С. 34.

⁴ Мартirosян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. С. 25.

⁵ Ханзадян Э. В. Культура Армянского нагорья в III тысячелетии до н. э. Ереван, 1967. С. 47, 48.

⁶ Абибуллаев О. А. К вопросу о древнейшей металлургии Азербайджана. С. 68.

⁷ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. С. 10; Джанпаридзе О. М. К истории грузинских

- племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961. С. 91; *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы... С. 28; *Ханзадян Э. В.* Культура Армянского нагорья... С. 47.
- ⁸ *Корневский С. Н.* О металлических топорах майкопской культуры//СА. 1974. № 3. С. 29.
  - ⁹ *Котович В. М.* Верхнегуниское поселение. Махачкала, 1965. С. 23—25.
  - ¹⁰ *Черных Е. Н.* О терминах «металлургический центр», «очаг металлургии» и других//СА. 1967. № 1. С. 299.
  - ¹¹ *Schmidt E.* Excavations at Tepe-Hissar. Philadelphia, 1937. Pl. LIV. N. 4333, 4326.
  - ¹² *Артемченко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967. С. 35; *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972. С. 162, 163; *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 35.
  - ¹³ *Черных Е. Н.* О некоторых методах установления рудных источников для древнейшего металла//Известия АН Армянской ССР. 1965. XVIII. № 3/4. С. 118—122, 123; *Он же.* Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы//Археология и естественные науки. М., 1965.
  - ¹⁴ *Корневский С. Н.* О металле эпохи ранней бронзы Дагестана//Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978. С. 41, 42.
  - ¹⁵ *Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970. С. 120.
  - ¹⁶ *Гаджиев М. Г., Корневский С. Н.* Металл великентской катакомбы//Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 25.
  - ¹⁷ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 195.
  - ¹⁸ *Бунин Г. Г.* Рудоносность и основные пути металлологии горного Дагестана//Тр. ИГ. Махачкала, 1961. Т. 3, вып. 1. С. 45.
  - ¹⁹ *Котович В. Г.* Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе//СА. 1977. № 3. С. 74, 75.
  - ²⁰ *Марковин В. И.* Каменные орудия с желобчатыми перехватами на территории Дагестана и Северного Кавказа//МД. Махачкала, 1973. Т. 3. С. 9—18.
  - ²¹ *Черных Е. Н.* Металл—человек—время. М., 1972. С. 132—134; *Сунчугашев Я. И.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии хакасско-минусинской котловины. М., 1975. С. 68.
  - ²² *Магомедов С. М.* К вопросу о металлопроизводстве в Дагестане в III—II тысячелетии до н. э.//Тезисы докладов V Крупновских чтений по археологии Кавказа. Махачкала, 1975. С. 26—28.
  - ²³ *Гаджиев М. Г.* Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы//Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11—28.
  - ²⁴ *Котович В. М.* Верхнегунисское поселение...; *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.
  - ²⁵ *Марковин В. И.* Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне//Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 49—135.
  - ²⁶ *Гобеджишвили Г. Ф.* Бедени — культура курганных погребений. Тбилиси, 1981. Табл. XXXVIII.
  - ²⁷ *Куфтин Б. А.* К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии//КСИИМК, 1940. Вып. 8. С. 11, 12. Рис. 4.
  - ²⁸ *Черных Е. Н.* Спектральные исследования металлических изделий из могильника Гатын-Кале//Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 36—38.
  - ²⁹ *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана... С. 162.
  - ³⁰ *Корневский С. Н.* О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы//Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 37—45; *Он же.* Сравнительная характеристика металла гинчинской культуры эпохи средней бронзы//Конф. по археологии Северного Кавказа: XII Крупновские чтения: Тез. докл. М., 1982. С. 22—24.
  - ³¹ *Корневский С. Н.* О металле могильника Гинчи... С. 45; *Он же.* Сравнительная характеристика... С. 23, 24.
  - ³² *Корневский С. Н.* О металле могильника Гинчи... С. 42—45.
  - ³³ *Гаджиев М. Г., Корневский С. Н.* Металл великентской катакомбы. ... С. 7—27.
  - ³⁴ *Котович В. Г., Котович В. М.* Находки древних бронзовых топоров в Дагестане//Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 78.
  - ³⁵ *Гаджиев М. Г., Корневский С. Н.* Металл великентской катакомбы... С. 19—27.
  - ³⁶ *Пицхелаури К. Н.* Культура Центрального Закавказья эпохи бронзы и железа//IV Междунар. симпоз. по груз. искусству. Тбилиси, 1983. С. 3.
  - ³⁷ *Абесадзе Ц. Н.* К истории медно-бронзовой металлургии триалетской культуры//Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Тбилиси, 1974.
  - ³⁸ *Гаджиев М. Г., Корневский С. Н.* Металл великентской катакомбы... С. 25.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ И МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕГО ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

За последние десятилетия достигнуты значительные успехи в изучении истории древнейшей металлургии и металлообработки на территории Азербайджана. Открытием и исследованием большой серии хозяйственно-бытовых и погребальных комплексов накоплен огромный фактический материал, часть которого связана непосредственно с древнейшей металлургией и металлообработкой на изучаемой территории. В частности, в ряде энеолитических и раннебронзовых памятников обнаружено большое количество древнейших металлических предметов и производственных орудий, прямо указывающих на существование у древних племен, населявших территорию Азербайджана, металлургии и металлообработывающего производства. В этом отношении важное значение приобретают металлические изделия из энеолитического слоя Кюльтепе I вблизи Нахичевани (рис. 1), явившиеся первыми данными по древнейшей металлургии не только территории Азербайджана, но и всего Кавказа ¹.

Представлены они маленькой четырехгранной проколкой со стержнем, наконечником стрелы ромбовидной формы, двумя небольшими бусинами и тремя обломками неопределенных форм. Изготовлены данные предметы из металла, выплавленного из местных пород медно-мышьяковистых руд. Заслуживает внимания также находка из энеолитического поселения Хантепе, расположенного на окраине г. Физули, небольшого глиняного тигля со следами плавленной меди и шлака ² (рис. 2).

Нет сомнения в том, что древнейшая металлургия на территории Азербайджана не была изолированным явлением в культурно-историческом развитии Закавказья. Скорее всего, она была следствием общего культурного прогресса.

Известно, что данные, свидетельствующие об энеолитической металлургии на территории Закавказья, получены также из памятников Армении и Грузии. Это поселения Техут ³ и Арухло ⁴, среди материалов которых имеется несколько архаичных медных предметов, являющихся изделиями местного металлургического производства.

Таким образом, древнейший этап металлургии на территории Азербайджана, и в целом Закавказья, восходит к периоду энеолита и хронологически охватывает V—IV тысячелетия до н. э.

Преобразование земледелия и скотоводства в ведущие формы производящего хозяйства, усложнение хозяйственно-бытовых потребностей и тесные контакты с культурными очагами Передней Азии были предпосылками для становления местной энеолитической металлургии. Значительный успех ее, несомненно, был также обусловлен наличием на территории Закавказья, в том числе Азербайджана, местных меднорудных залежей и главное — поверхностные окисленные медноносные руды вполне могли служить основной сырьевой базой для ранних металлургов.

Археологическими исследованиями установлено, что именно в эпоху ранней бронзы в сфере металлургии и металлообработывающего производства произошли глубокие технические сдвиги, которые не только изменили характер их специализации, но и определили новый уровень в их развитии. Полная серия орудий труда, связанных с процессом плавки металла, большое и в то же время разнообразное число бронзовых изделий, являясь частыми находками почти каждого раннебронзового поселения на территории Азербайджана, наглядно свидетельствуют о довольно уже сложившейся форме древней металлургии.

Введение более сложных и в то же время производительных медеплавильных горнов обусловило формирование новой технической базы

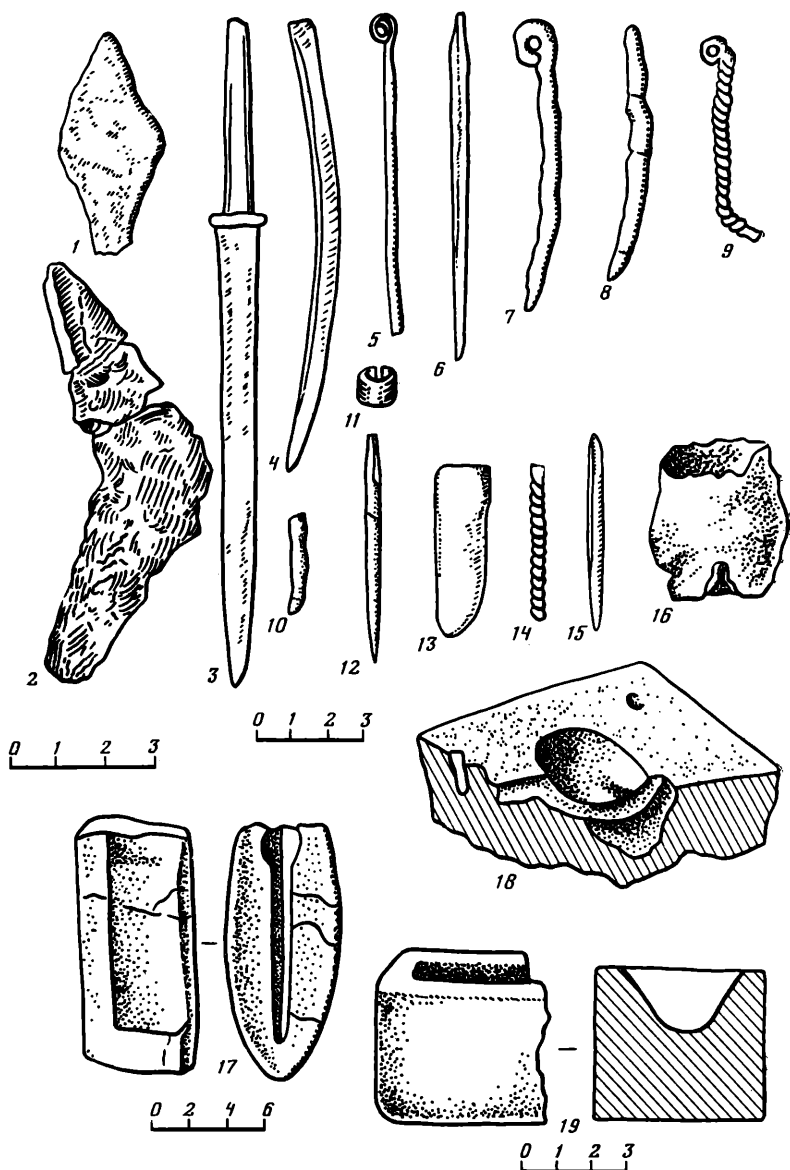

Рис. 1. Металлические изделия (1—16) и обломки литейных форм (17—19), энеолитический и раннебронзовый слой Кюльтепе I, Нахичевань

металлургического производства. В этом отношении особый интерес представляют остатки трех медеплавильных горнов, обнаруженных на втором холме в урочище Баба-Дервиш⁵. Обнаруженные в куро-аракском раннебронзовом слое, они представляли собой различные в плане ямы, вырытые в грунте. Наземные части горнов не сохранились. Вместе с тем в двух горнах было установлено применение техники дутья или воздуходувного устройства посредством специальных канавок — отверстий. Стены и пол ямы были прокалены и имели красно-кирпичный цвет. В заполнении ям и около них были обнаружены производственные отходы в виде шлаков. Спектральным анализом было установлено, что эти отходы образовались при плавке руды⁶. Следует отметить, что такое же сооружение с аналогичными данными нами выявлено и в памятнике Гаракепектепе, расположенном в Физулинском районе⁷. Медеплавильный горн был, по всей вероятности, и в общеизвестном поселении Кюльтепе II⁷. На это указывают куски шлака и ряд других находок из этого

поселения. Напомним, что медеплавильный горн с приспособлением для поддува открыт и в куро-аракском раннебронзовом слое Гарни⁸. Имеются у нас сведения также относительно медеплавильной мастерской раннебронзового поселения Амиранис-гора⁹. О широком распространении медеплавильного производства на территории Azerbaijan свидетельствует и ряд других находок. В частности, в поселениях Кюльтепе¹⁰, Баба-Дервиш¹¹, Мишарчай¹², Геойтепе¹³, Яниктепе¹⁴, Гаракепектепе¹⁵ и других найдено большое количество льячиков, тиглей, сопл, литейных форм и других производственных орудий, прямо указывающих на существование здесь самостоятельного медеплавильного производства.

Освоение и широкое применение плавки металла и способа литья в специальных формах, усовершенствование способаковки были связаны со значительным прогрессом в сфере теплотехники и в познании пластических особенностей бронзы. Это, в свою очередь, открыло широкие возможности для повышения производства как в количественном, так и в качественном отношении новых видов орудий труда, оружия и ряда предметов домашнего обихода. Освоение технологии литья позволило получать такие стандартные серии изделий, как четырехгранные шилья, проушные топоры и много других предметов, встречаемых в памятниках куро-аракской культуры Azerbaijan. Вместе с тем можно предполагать, что стандартизация приемов в изготовлении однотипных предметов была свойственна лишь раннему этапу развития куро-аракской культуры и такой производительный процесс децентрализовал существующее металлообрабатывающее дело. Это в какой-то степени доказывается тем, что почти на каждом поселении, относящемся к начальному этапу раннебронзовой эпохи, было налажено самостоятельное металлургическое производство. Но оно как самостоятельная отрасль ремесла удовлетворяло потребность лишь того поселения, которому принадлежало. Такие ранние очаги металлургического производства, по всей вероятности, были еще маломощными и не могли снабжать соседние поселения своими изделиями и производить предметы для широкого обмена. Они, скорее всего, заимствовали друг от друга лишь формы производимых изделий, а также новые технологические приемы, если таковые были.

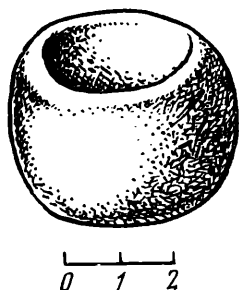

Рис. 2. Тигль, энеолитическое поселение Хантепе близ г. Физули

В настоящее время есть все основания утверждать, что на территории Azerbaijan металлургическое производство раннебронзовой эпохи достигло своего наиболее высокого уровня развития лишь во второй половине III тысячелетия до н. э., т. е. на последнем этапе развития куро-аракской культуры. Возможно, что именно на этом этапе оно полностью превратилось в специализированное производство и ознаменовалось новыми и довольно высокими достижениями.

Усложнение технологических процессов в металлообрабатывающем производстве, безусловно, требовало профессиональной специализации. Это сказалось на значительном расширении ассортимента производимых изделий: новых видов орудий труда, военного снаряжения, предметов домашнего обихода, украшений и ряда других хозяйственно-бытовых предметов, широко распространенных во многих раннебронзовых памятниках. По мнению специалистов, проушные и тесловидные топоры, ножи-кинжалы с выделенным черенком и продольным ребром, спиралевидные браслеты, топоры-клевцы и множество других предметов были местной металлопродукцией¹⁶. Это особенно убедительно доказывается свойством их сплава. Спектральными анализами, произведенными И. Р. Селимхановым и Е. Н. Черных, установлено, что значительная часть бронзовых предметов из куро-аракских памятников Закавказья изготовлена

из искусственного металла, местной меди и примеси мышьяка¹⁷. По мнению Р. М. Мунчаева, именно во второй половине III тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе, в основном на закавказском сырье, усиленно развивается металлообработка¹⁸.

Создание искусственного сплава само по себе было важным технологическим достижением, обусловленным высоким уровнем местного металлургического производства. Но в условиях высокого уровня металлургии и металлообработки продукция не могла быть ограничена только бронзовыми предметами. По всей вероятности, на этом же этапе в Закавказье впервые было налажено производство изделий из других металлов, в том числе из золота. В этой связи заслуживают особый интерес золотые украшения, выявленные в погребальных памятниках Карабаха. Это, в частности, — Степанакертский¹⁹ и Хачанакетский курганы²⁰, относящиеся к последней стадии развития раннебронзовой культуры. Золотое украшение найдено также в Хачбулакском кургане, по времени близко стоящем к вышеуказанным памятникам²¹. Золотые предметы имеются и в раннебронзовых памятниках Армении²² и Грузии²³.

Интенсивное развитие во второй половине III тысячелетия до н. э. закавказского металлопроизводства сопровождалось, видимо, изменениями в самой структуре организации. При налаживании выпуска более сложных и разнообразных металлических изделий, требующих высокой степени профессиональной специализации, оно неизбежно должно было потерять свой децентрализованный характер. И можно предположить, что при возрастании спроса на металлические изделия, значительном расширении обмена мелкие производственные очаги, действовавшие почти на каждом поселении, потеряли свое значение. Они, вероятно, уступили место более крупным очагам, выделенным в результате объединения усилий отдельных мелких очагов, что свидетельствует о процессе централизации закавказского металлопроизводства. Не случайно во второй половине III тысячелетия до н. э. на территории Закавказья выделяются крупные металлопроизводственные центры, обладающие большими возможностями²⁴. Совершенствование металлопроизводящей и обрабатывающей технологии, возрастание объемов производства в таких крупных очагах или центрах все более углубляли и возможно дифференцировали специализацию в этой области производящего хозяйства.

В связи с этим можно думать, что в это же время металлургическое производство в Закавказье, в частности на территории Азербайджана, разделилось на добывающую и производящую ветви. Горнодобывающее производство, возникавшее и развивавшееся непосредственно на местных рудах, отделилось от металлопроизводства, став самостоятельной отраслью.

На территории Азербайджана действовали по тому времени крупные центры металлопроизводства.

Социальная значимость выделившихся центров была довольно большой. Известно, что финальный этап развития куро-аракской раннебронзовой культуры характеризуется социальными сдвигами, приведшими к созданию на территории Азербайджана, а в целом Закавказья, больших племенных объединений. Не исключено, что выделившиеся в это время металлопроизводящие и обрабатывающие центры принадлежали непосредственно в социально-экономическом отношении наиболее сильным племенным объединениям.

Таким образом, становление и развитие металлургии и металлообрабатывающего производства в Восточном Закавказье, в частности на территории Азербайджана, было одним из прогрессивных явлений, связанных с общими закономерностями его культурно-исторического развития, и сыграло решающую роль в организации ремесленного производства на изучаемой территории.

¹ Абибуллаев О. А. Археологические раскопки в Кюльтепе. Баку, 1959. С. 53—55. На азерб. яз.; *Он же*. Некоторые

итоги изучения холма Кюльтепе в Азербайджане/СА. 1963. № 3. С. 161—162. Рис. 4; *Он же*. К вопросу о древ-

- ней металлургии Азербайджана: (По материалам поселения Кюльтепе)// МИА. 1965. № 125. С. 65—73; *Он же*. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку, 1982. С. 78, 79. Табл. XVIII.
- ² *Исмаилов Г. С.* Следы древнейших культур в междуречье Гуручай и Кенделенчай. Баку, 1981. С. 13, 14. Рис. 7. На азерб. яз.
  - ³ *Торосян Р. М.* Раннеземледельческое поселение Техута//Археологические раскопки в Армении. Ереван, 1976. № 14. С. 127.
  - ⁴ *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа (V—IV тысячелетия до н. э.)// Мацне. Тбилиси. 1967. № 6. *Он же*. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970. С. 25—29.
  - ⁵ *Махмудов Ф. Р., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г.* Новые данные о древнейшей металлургии Кавказа//СА. 1967. № 3. С. 17—19.
  - ⁶ Там же. С. 19.
  - ⁷ *Абибуллаев О. А.* К вопросу о древней металлургии Азербайджана... С. 67, 68.
  - ⁸ *Ханзадян Э. В.* Гарни. Ереван, 1969. IV. С. 168, 169.
  - ⁹ *Чубинишвили Т. Н.* Амиранис-гора. Тбилиси, 1963. С. 98.
  - ¹⁰ *Абибуллаев О. А.* К вопросу о древней металлургии Азербайджана... С. 67, 68.
  - ¹¹ *Махмудов Ф. Р., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г.* Новые данные... С. 19, 20.
  - ¹² Там же. С. 19.
  - ¹³ *Burton-Brown T.* Excavations in Azerbaijan, 1948. L., 1951. P. 48.
  - ¹⁴ *Burney C. A.* Excavations at Janik-Tepe North-west Iran//Iraq. 1961. Vol. XXII. 2; Tabl. XXIV. 63.
  - ¹⁵ *Исмаилов Г. С.* Новые материалы по древней металлургии и металлообработке с юго-восточных склонов Малого Кавказа//Изв. АН АзССР. 1974. № 3. С. 86—88.
  - ¹⁶ *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа... С. 121—126.
  - ¹⁷ *Селимханов И. Р.* Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960; *Кашкой М. А., Селимханов И. Р.* Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973; *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
  - ¹⁸ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 403.
  - ¹⁹ *Гуммель Я. И.* Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана//КСИИМК. 1948. Вып. 20. С. 18—20.
  - ²⁰ *Кушнарева К. Х.* Памятники медного века в Нагорном Карабахе//СА. 1954. № 20. С. 167. Рис. 1, 5.
  - ²¹ *Кесаманлы Г. П.* Результаты работ Хачбулакской археологической экспедиции 1960—1962 гг.//СПАЗИ, 1963 г.: Тез. докл. и сообщ. Баку, 1964. С. 14, 15.
  - ²² *Мунчаев Р. М.* Кавказ... С. 404.
  - ²³ *Куфтин Б. А.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949. С. 79. Табл. XV.
  - ²⁴ *Джапаридзе О. М.* Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955; *Он же*. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961; *Абесадзе Ц. Н.* Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969; *Мартirosyan A. A.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964; *Ханзадян Э. В.* О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении//СА. 1964. № 2.

В. А. ТРИФОНОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ СВЯЗЕЙ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проблема переднеазиатских связей майкопской культуры сохраняет свою актуальность как проблема определения роли переднеазиатского культурного компонента в сложении майкопской культуры в целом и на отдельных этапах ее развития. Решение этого вопроса предполагает определение направления связей, их характера, интенсивности и продолжительности.

Первоначально благодаря открытиям Н. И. Веселовского центральной оказалась проблема определения источников происхождения майкопского декоративно-прикладного искусства¹. Позднее с такими же целями был предпринят анализ группы типов бронзовых орудий². Одним из результатов этих исследований была высокая оценка значения переднеазиатского влияния на формирование майкопской культуры. В дальнейшем, однако, это направление получило достаточно одностороннее развитие, когда увлечение поиском отдельных аналогий привело к постепенному сведению многообразия проблемы связей к вопросу о датах

отдельных типов и комплексов³. В результате возникла совокупность сопоставлений, лишенная культурно-исторической ценности. Преодолевая эти трудности, исследователи пошли различными путями. Одни из них стремятся организовать материал прямо через реконструкцию предполагаемого конкретного сложного миграционного движения непосредственно с Ближнего Востока на Кавказ⁴. Другие справедливо считают, что реконструкции конкретных миграций должен предшествовать анализ культурно-исторической ситуации в целом. Такую более предпочтительную позицию занимает М. И. Андреева, которая, развивая взгляды М. И. Ростовцева, стремится выделить на Переднем Востоке единый культурный пласт, производным которого и являются передневосточные элементы майкопской культуры (художественный стиль, традиция керамического производства)⁵.

Основные черты этого перспективного подхода можно обобщить в особом методе анализа, ориентированном на выявление культурно-исторических зон, провинций, областей или «блоков культур» (по терминологии В. С. Бочкарева). Под последним подразумевается особое культурное явление, основной принцип возникновения которого можно выразить положением: культуры не возникают и не исчезают в одиночку. Это значит, что одновременно формируется несколько (группа, блок) культур, по-разному реализующих в своем развитии общие, глубинные для группы в целом традиции. Блок культур является необходимой средой, в которой культуры формируются и вне которой не могут существовать. Каждому блоку присущи особое направление, темп и ритм культурных процессов, что обеспечивает принципиальную синхронность возникновения и смены основных этапов развития культур одного блока. Блок культур характеризует территориальная целостность и высокая интенсивность внутриблоковых межкультурных связей, обеспечивающих свободную циркуляцию культурных стандартов. Как и культура, блок культур проходит в своем развитии период становления, расцвета и кризиса. Периоду становления соответствует культурная ситуация, отличающаяся нечеткостью (подвижностью) внутренних границ, широким распространением ограниченного количества типов при общей типологической неустойчивости, «открытостью» для внедрения генетически разнородных культурных элементов. Время расцвета — это период оформления отдельных культурных центров и, как результат, отчетливых внутренних границ. Резко возрастает количество устойчивых типов; на фоне локализации и сосуществования культур возникает межкультурная конкуренция за доминирующее влияние внутри блока. Кризисные явления наступают одновременно с утратой блоком внутреннего культурного разнообразия (унификация как результат культурного соперничества). Сокращается количество традиционных типов, внутренние связи слабеют, а сепаратные межблоковые усиливаются, на периферии блока возникают культурные гибриды, наконец, происходит коренная перестройка (культурная революция), когда элементы прежде единого блока распадаются, чтобы объединиться уже в новом качестве и сочетании. Складываются предпосылки для формирования новых культурных блоков. Следует подчеркнуть, что при выделении блоков решающим является анализ материала на уровне более общем, чем тип, и соответствующем частично таким понятиям, как стиль, традиция, направление развития. Соответственно возрастает роль внутриблоковых аналогий. Если общие посылы «блокового» подхода верны, то следует признать бесперспективным поиск истоков отдельно взятой культуры раньше, чем будет определен блок культур, в который она входит.

С этих позиций первоначально важно определить, является ли проникновение передневосточных элементов на Северный Кавказ изолированным явлением или это только часть территориально широкого культурного процесса. В настоящее время о раннем комплексе переднеазиатских элементов на Северном Кавказе можно судить не только по Майкопскому кургану. Более того, вполне вероятно, что он представляет

только финал развития так называемого «предмайкопского» энеолитического пласта, существование которого предполагал еще в 1962 г. А. А. Иессен⁶. Сейчас можно допустить⁷, что в круг этих памятников входят поселения Замок⁸, Свободное⁹, частично нижние слои Мешоко, возможно, Ясенова Поляна, Скала, Хаджох и аналогичные им¹⁰. Ряд таких общих для них элементов, как высококачественная лощеная серая и коричневая круглодонная (остродонная) посуда, следы применения медленного гончарного круга, редкий рельефный, прочерченный или вдавленный орнамент, каменные браслеты, часть которых, судя по количеству, размерам, форме, следам обожженности, вероятно, использовались как подставки под сосуды, антропоморфная и зооморфная пластика, характерный набор кремневого и каменного инвентаря, по-видимому, указывают на южное происхождение основных элементов этого культурного комплекса. Он не покажется изолированным, если рассматривать в более широкой системе аналогичных явлений. Так, в Закавказье к этому времени, вероятно, относится группа докуро-аракских позднееолитических памятников. В Западной Грузии они представлены стоянками и поселениями типа Очажного грота Воронцовской пещеры, Самеле-кде, Самерцхле-кде, II слоя Сагварджиле, Дзудзуаны, II, III слоев Даркветского навеса, Тетри Мгвиме и др.¹¹ В южных районах — поселениями типа Сиони (Парехеби)¹² и, возможно, Абастумани (Канобили)¹³. В восточных областях Закавказья — группой поселений, занимающих хронологически промежуточное положение между шулавери-шомутепинской и куро-аракской культурами, — Цопи, Иланлы-тепе, верхних слоев Аликемек-тепеси, Техута¹⁴, Мишарчая, Лейла-тепеси¹⁵. При существующих различиях между этими памятниками для них характерно одновременное появление (как и на Северном Кавказе) высококачественной лощеной, или так называемой пачкающей, серого и коричневого цветов круглодонной, иногда с воронковидным горлом посуды, нередко со следами применения при изготовлении гончарного круга.

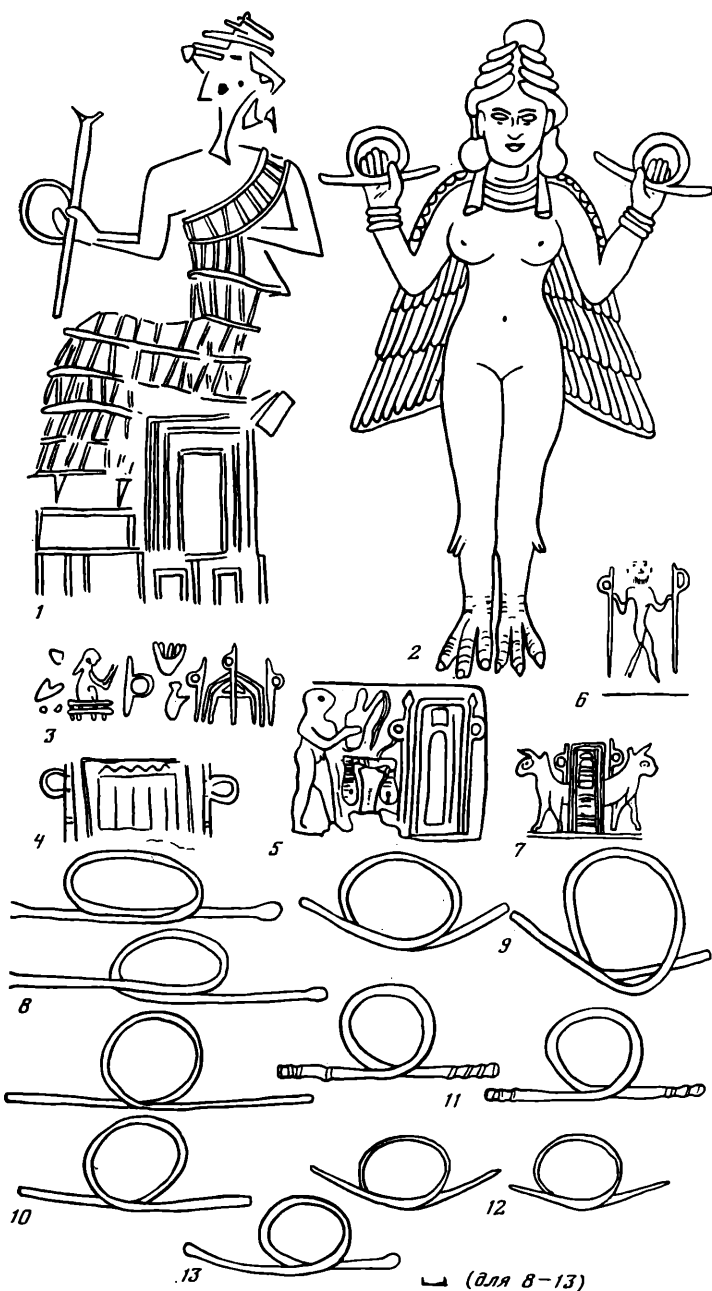
В свою очередь, Закавказье и Северный Кавказ этого времени являются только частью обширного ареала, охваченного сходными культурными процессами, в широком смысле послеубейдского времени. Центры этой культурной зоны, представленные памятниками, аналогичными Тепе Гавра XII—VIII¹⁶, вероятно, располагались в Северной Месопотамии, а область в целом включала Сиро-Киликию (Амук F), Восточную Анатолию (Тильки-тепе I, II, Хисарси IV, Тепечик, Дегерментепе III) и Северо-Западный Иран (Геой-тепе)¹⁷. В этот период здесь почти исчезает расписная посуда и преобладает лощеная круглодонная, подправленная на медленном гончарном кругу. Складывается впечатление, что эти явления отражают процесс формирования в этой области особого культурного блока, северной периферией которого и является северокавказский энеолит.

При таком подходе становится понятным, что сочетание в майкопском комплексе «амукской» керамики и предметов «месопотамского» додинастического искусства¹⁸ является прямым следствием формирования майкопской культуры как составной части переднеазиатского «гаврского» блока культур. Показательно, что погребение Майкопского кургана сохраняет целый ряд черт, характерных для собственно гаврского погребального обряда: скорченное на боку (руки перед лицом) положение погребенных, ориентированных, как и храмы, по линии северо-запад — юго-восток, присутствие в инвентаре керамики, в ряде случаев золотых ленточных диадем с розетками (Гавра ХА — VIIIB, погребения 109, 110, 114)¹⁹ и богатых ожерелий, составленных во многом из аналогичных майкопским бус (золотые цилиндрические, «дутые») и каменных подвесок. Интересны находки в кладе из XII слоя Гавры прямо и наклонно каннелированных золотых бус²⁰. Возможны и более общие обрядовые и типологические сопоставления. Не исключено, например, что сочетание в майкопском комплексе золотых и серебряных бычков с металлически-

ми трубками (ритуальные стрелы?) отражает один из сюжетов (борьба с небесным быком?) древневосточного эпоса²¹. Следует также отметить цилиндрическую гагатовую печать, найденную в одном из близких Майкопскому кургану комплексе, с изображением оленя и орнаментом, выполненными в стиле, близком характерному для периода Джемдет-Наср²². В итоге можно допустить, что первоначальная связь северокавказского энеолита, и в частности майкопской культуры, с Передней Азией была прямой, тесной и поддерживалась блоком родственных культур. Следует подчеркнуть, что локальное многообразие внутри этого блокового единства, связанное с особенностями предшествующего развития, не позволяет говорить об одной культуре²³. Тем не менее Северный Кавказ в этот период можно рассматривать как северную периферию древневосточной цивилизации. Одновременно он оказался в роли прямого посредника между последней и степным энеолитом хвалынского-средне-стоговского облика²⁴.

Культурное единство Северного Кавказа и Передней Азии вряд ли было продолжительным. Вероятно, его нарушение следует связывать с формированием в Закавказье и — шире — в Передней Азии нового блока культур с характерной черной и красной лощеной керамикой (куро-аракская, кирбегкеракская и родственные им культуры). Широкой полосой от Каспия до Средиземноморья он «отрезал» майкопскую культуру от родственных ей северомесопотамских центров, изменил культурную ситуацию в Восточной Анатолии и Северо-Западном Иране. Несколько позднее, по-видимому, изоляция майкопской культуры от древневосточной ойкумены еще более усилилась в связи с достаточно быстрым распространением куро-аракских памятников в северные области Грузии, в зону центральнокавказских перевалов. На подобную реконструкцию культурного процесса как будто указывают, в частности, докуро-аракский характер сионигремской «пачкающей» керамики, сопоставимой с майкопской, с одной стороны, и совместное залегание на поселении Луговое позднемайкопской керамики с ранней куро-аракской, дидубе-кикетского облика — с другой²⁵. Процесс изоляции майкопской культуры начался, вероятно, в конце урукского — начале раннединастического времени (по месопотамской периодизации), в период, соответствующий Амуку Н (для Сиро-Киликии)²⁶. Предположительно в это же время майкопская культура испытала сильнейшее европейское влияние, приведшее к формированию новосвободненского типа памятников. В восточноевропейской степи в этот период доминируют ранние усадовские и кемпиобинские памятники, нижнемихайловские, поздние среднестоговские, константиновские, а к концу периода раннеямные. В новой исторической ситуации, сложившейся к северу и югу от ареала майкопской культуры, изменился и характер связей последней с Передней Азией.

На новосвободненском этапе развития в условиях возросшей социальной дифференциации общества основным стимулом для сохранения дальних переднеазиатских связей стали, вероятно, потребности «нового» вождества, интересы которого были избирательны и нацелены в основном на драгоценные, престижные и культовые предметы. Показательно, что погребальный обряд этого времени представляет сложное сочетание двух культурных традиций — европейской и древневосточной, причем в нерядовых погребениях наиболее дорогие, престижные и культовые типы инвентаря восходят к переднеазиатским прототипам, а традиционно европейским проявлением социального ранжирования является размах монументального строительства (мегалитические гробницы, насыпи курганов). В настоящее время в литературе достаточно хорошо показано, что основные типы украшений из драгоценных металлов (бусы, подвески, булавки), частично оружие (копья, отдельные типы топоров), орудия (долота), а также отдельные типы утвари (например, бронзовые зеркала), безусловно, переднеазиатского происхождения²⁷. Однако в большей степени роль переднеазиатского компонента в обряде новосвободненского времени проявляется через инвентарь, отражающий элемен-

Рис. 1. Переднеазиатские культовые изображения и майкопские «псалии»

1, 3, 4—6, 7 — фрагменты изображения на печатях, по Д. Вайсману, П. Амье; 2 — фрагменты рельефа, по М. Т. Барреле; 8—13 — «псалии» из майкопских погребений, по Р. М. Мунчаеву, А. А. Иессену, Х. Х. Биджиеву, А. Д. Резепкину

ты древневосточной религии и мифологии. К числу таких предметов можно отнести, по-видимому, парные петлеобразные предметы, согнутые из бронзового прута, — так называемые псалии²⁸. Своеобразная форма этих предметов и их обязательная парность заставляют обратить внимание на широко распространенную в месопотамском искусстве группу изображений культовых символов в виде колец (полуколец) со стержнем (рис. 1). Ван Бурен, специально занимавшаяся классификацией древневосточной символики, выделяет несколько их типов²⁹. К их числу относятся парные привратные столбы, выставляемые перед храмами не-

которых верховных божеств (Ану, Иннана), и так называемые «символы справедливости», бывшие первоначально, вероятно, атрибутами Иннаны-Иштар, а позднее ставшие символом божественной силы и власти³⁰. Не отождествляя эти символы, отметим, что их иконографическая близость может быть естественным отражением тематического и сюжетного родства. Возникает подобная символика достаточно рано, еще в урукское время, и, частично видоизменяясь, продолжает существовать довольно долго благодаря преемственности в развитии религиозных представлений и мифологических сюжетов. В ряду месопотамских изображений отмеченных атрибутов особое внимание привлекает терракотовый рельеф, на котором представлено женское божество, держащее в руках пару «символов справедливости» (рис. 1, 2). М.-Т. Барреле, проследившая иконографическое развитие этого сюжета в течение III тысячелетия до н. э., вслед за Ван Бурен³¹ считает, что перед нами, судя по птицеподобным чертам фигуры и сопровождающим изображениям львов, богиня Иштар в одной из своих ипостасей, а именно в момент путешествия по стране Мертвых³². Г. Франкфорт, не отрицая правдоподобности такой интерпретации, одновременно допускает и возможность другой³³, предложенной Э. Кренлингом, который полагает, что на рельефе изображено демоническое существо Лилит — «Приносящая смерть»³⁴. Для нас в данном случае важно, что исследователи сходятся в главном — изображенное божество, безусловно, связано с загробным, потусторонним миром³⁵.

Таким образом, если между майкопскими «псалями» и изображенными атрибутами существует содержательная связь, то использование первых в погребальном обряде получает определенное смысловое обоснование.

Возможно, другой древневосточный мифологический сюжет отражает обнаруженная в одной из новосвободненских гробниц пара собачек, отлитых из бронзы и серебра³⁶ (рис. 2, 1). В маленьких фигурках отчетливо передана разнородность животных и особенности их экстерьера³⁷. Сюжетной параллелью этой оригинальной паре могут служить изображения, появившиеся на месопотамских, сузианских и иранских печатях еще в убейдское время, известны они и позднее³⁸. В качестве наиболее полной аналогии следует указать на находки из дворца в Мари³⁹ (рис. 2, 4, 5, 6). Здесь на культовых керамических формах в парном сочетании изображены собаки, очень близкие по экстерьеру новосвободненским.

Менее определенно можно высказаться о другой находке из новосвободненских гробниц — бронзовом крюке с двумя мужскими фигурами⁴⁰. Кажется, что переднеазиатская линия их сопоставлений предпочтительнее европейской⁴¹. Фигурки на крюке, представляющие, по-видимому, не борцов, а адорантов, по типу и стилю одежды (длинная узкая юбка со свисающими концами пояса, обнаженный торс), позе (поднятые вверх руки) и некоторым деталям моделировки (крупные, выступающие носы) напоминают мужские фигуры, изображенные на ранних сузианских печатях или месопотамских рельефах⁴².

Среди новосвободненского инвентаря отметим еще комплексы с каменными шарами из полудрагоценных камней⁴³. Подобные им «игральные» наборы хорошо известны в Северной Месопотамии (Гавра XI)⁴⁴.

В итоге складывается впечатление, что на новосвободненском этапе переднеазиатские связи майкопской культуры сохранили прежнее направление, но утратили, несмотря на яркие проявления, первоначальную культурную глубину. Переднеазиатское наследие в это время осмысленно и глубоко осваивается генетически чуждым европейским компонентом культуры⁴⁵. Это наследие явилось реальной культурной, технологической базой, предпосылкой блестящего расцвета культуры на новосвободненском этапе, проявившегося не только в территориальном распространении, но и во влиянии на восточноевропейскую степь. Благодаря ее посреднической роли из Передней Азии в степь проникли важнейшие технологические (металлообработка) и технические изобретения, в частности, вероятно, повозка⁴⁶. Не исключено, что культурная миссия май-

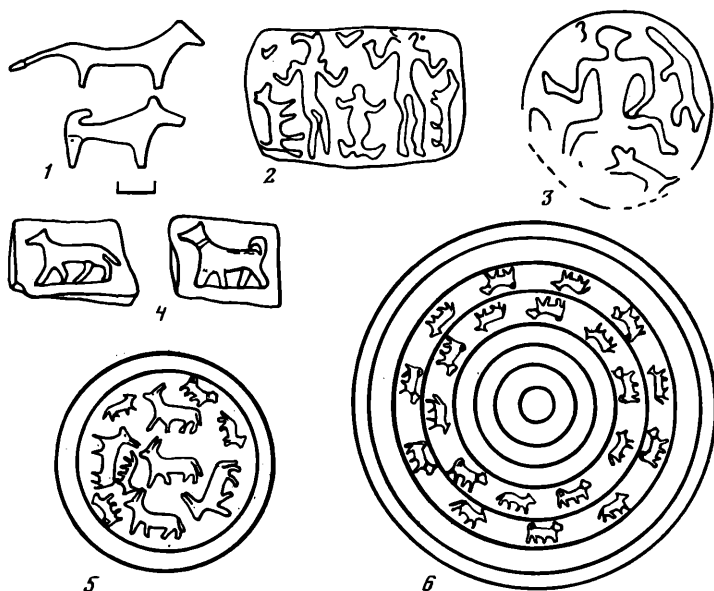

Рис. 2. Майкопские и переднеазиатские парные изображения собак

1 — бронзовая и серебряная фигурки собак из новосвободненской гробницы, по А. Д. Резепкину; 2, 3 — изображения на печатях, по П. Амье; 4, 5, 6 — изображения на культовых керамических формах, по А. Парро

копской культуры отразилась на распространении новых рослых пород крупного рогатого скота, может быть, новых сортов культивированных растений. Вместе с тем, оказавшись оторванной от родственных блоков переднеазиатских и европейских культур, майкопская культура не дала в своем развитии отчетливых эволюционных ступеней и неожиданно быстро сошла с исторической арены. Исходя из южной и северной линии синхронизации, ее верхней границей можно считать середину III тысячелетия до н. э., а нижней — конец IV — рубеж IV—III тысячелетий до н. э.⁴⁷

- ¹ Фармаковский Б. В. Архаический период в России//МАР. 1914. N 34. С. 50—76; Rostovzev M. I. L'age de cuivre dans le Caucase et les civilisations et de l'Egypte protodynastique//RA. 1920. P. 1—37; Idem. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. P. 17—34.
- ² Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе//ИГАИМК. 1935. Вып. 120. С. 80—92; Он же. К хронологии «больших кубанских курганов»//СА. 1950. XII; Child G. The Maikop culture axes: Annals of archaeology and anthropology. Liverpool, 1936. Vol. XXIII.
- ³ Попова Т. Б. Дольмены станицы Новосвободной//Тр. ГИМ. М., 1963. Вып. 34; Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. С. 133—157; Betancourt Ph. F. The Maikop cooper tools and their relations to Cretan Metallurgy//AJA. 1970. Vol. 74, N 4. P. 351—358; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 133—157. 390—408.
- ⁴ Сафронов В. А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источ-

никам//Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982. С. 63—104.

- ⁵ Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры//СА. 1977. № 1. С. 39—56; Она же. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах//СА. 1979. № 1. С. 22—34.
- ⁶ Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 76. С. 5. Текст доклада А. А. Иессена, прочитанного 31 марта 1962 г. в ЛОИА АН СССР.
- ⁷ На хронологическую близость перечисляемых памятников и одновременно их место в системе европейских энеолитических культур указывают, в частности, находки на п. Свободное керамики, аналогичной раннесреднеэгейской и «послемариупольской» (типа п. Раздорское, слой IV), костяных орнаментированных бус, близких бережковским (Бережковка II, 9/16), подвесок из кабаньих клыков, типа нальчикских; на п. Замок — так называемых роговых цурок, известных в трипольских (Б1) поселениях и раннесреднеэгейских погребениях; на п. Ясенова Поляна — обломка каменного зооморфного скипетра схематического типа. Судя по этим

- данным, «предмайкопский» пласт следует относить ко времени бытования хвалынской, раннесреднепалеолитической и трипольской (триполье Б₁ — кукутени А₃) культур. В зависимости от хронологии последней он может быть датирован в пределах IV тысячелетия до н. э. См.: *Нехаев А. А.* Новое поселение майкопской культуры // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1983. С. 16—32; *Он же.* Некоторые вопросы изучения поселения Свободное // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984. С. 69—79; См. статью В. Я. Кияшко в этом же выпуске. КСИА; *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974. Рис. 12, 2, 3; *Рунин А. П.* Энеолитическое поселение близ Кисловодска // СА. 1967. № 1. С. 228—233; *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974. С. 96, 97.
- ⁸ *Рунин А. П.* Энеолитическое поселение... С. 228—233.
- ⁹ *Нехаев А. А.* Новое поселение... С. 16—32.
- ¹⁰ *Формозов А. А.* Каменный век... С. 64—73.
- ¹¹ *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 38. Рис. 13; *Киладзе Н.* Многослойный археологический памятник Сагварджиле // ВАН СССР. 1953. Т. 14. № 9; *Тушамбрамишвили Д. А.* Итоги работ археологической экспедиции в Квирильском ущелье в 1969 г. // Археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тбилиси, 1971. С. 137—138; *Он же.* К итогам работ археологической экспедиции Квирильского ущелья // Археологические исследования в Грузии в 1971 г. Тбилиси, 1972. С. 74, 75; *Небиеридзе Л. Л.* Даркветский многослойный навес. Тбилиси, 1978; *Каландадзе А., Каландадзе К.* Раскопки в Белой пещере // Полевые археологические исследования в 1974 г. Тбилиси, 1976. С. 7—10; *Они же.* Тетри Мгвиме // Полевые археологические исследования в 1975 г. Тбилиси, 1979. С. 8, 9. См. также отчеты К. Каландадзе и другие о работе Цхалтубской экспедиции за 1976—1980 гг., опубликованные в сборнике «Полевые археологические исследования» за соответствующие годы (Тбилиси, 1979—1982).
- ¹² *Менабде М. Д., Кизурадзе Т. В.* Археологические памятники с. Сиони. Тбилиси, 1981.
- ¹³ *Каландадзе К.* Остатки древнейшего поселения из Абастумани // Полевые археологические исследования в 1973 г. Тбилиси, 1974. С. 11, 12; *Пхакадзе Г. Г.* и др. Результаты работ Абастуманской экспедиции // Полевые археологические исследования в 1980 г. Тбилиси, 1982. С. 20, 21.
- ¹⁴ *Кизурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры восточного Закавказья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1965.
- ¹⁵ *Нариманов И. Г.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана: (эпоха энеолита VI—IV тысячелетий до н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1982.
- ¹⁶ *Speiser E. A.* Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1935. Vol. I; *Tobler A.* Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950. Vol. II; *Perkins A.* The relative chronology of Mesopotamia // Relative chronologies in old world archaeology. Chicago, 1954. P. 46; *Porada E.* The relative chronology of Mesopotamia // Chronologies in old world archaeology. Chicago, 1965. P. 145—149.
- ¹⁷ *Braidwood R. J., Braidwood L. S.* Excavations in the plain of Antioch: The earlier Assemblages. Phases A-J // OIP. 1960. Vol. LXI; *Jenny W. Schamiramalti* // PZ. 1928. Bd. XIX, N 3/4. S. 280—304; *Relly E. B.* Tilktepe ilk Kazilar // TTAED. 1937. 1940. P. 145—178; *Ufuk Esin.* Zur Datierung der vorge-schichtlichen Schichten von Degirmentepe bei Malatya in der Ostlichen // Beitrage zur Altertumskunde Kleinasien. Mainz, 1983. S. 175—190; *Формозов А. А.* Каменный век... С. 137—139; *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях... С. 39—56; *Она же.* Об изображениях... С. 22—34; *Нариманов И. Г.* Культура древнейшего... С. 27—29.
- ¹⁸ *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях... С. 39—56.
- ¹⁹ *Tobler A.* Excavations... Pl. LVIII a, b.
- ²⁰ *Ibid.* Pl. XCI, a.
- ²¹ См. статью М. И. Чернопицкого в этом же выпуске КСИА.
- ²² Приношу искреннюю благодарность А. А. Нехаеву, познакомившему меня с этой замечательной находкой. Среди стилистически близких ей укажу, например, на опубликованные Г. Франкфортом. См.: *Frankfort H.* Stratified cylinder seals from the Dryla region // OIP. 1955. Vol. LXXII. Pl. 4.
- ²³ По-видимому, нет достаточных оснований все памятники Северо-Западного Кавказа этого времени, включая Западное Закавказье, Южную Грузию и целиком ареал майкопской культуры, объединять в одну западнокавказскую культуру. См.: *Небиеридзе А. Д.* Даркветский... С. 94—102; Предпочтительнее точка зрения тех исследователей, которые за хронологическим единством и типологической близостью видят культурную общность, а не одну культуру. См.: *Менабде М. В., Кизурадзе Т. В.* Археологические памятники...
- ²⁴ Степные связи северокавказского энеолита, может быть, восходят к еще более раннему, мариупольскому времени. По крайней мере, в северокавказской степи известны материалы этого времени или традиции — прямоугольные пластины из кабаньих клыков, обнаруженные в Прикубанье (см.: *Гей А. Н.* Развиги представлений об энеолите — раннем бронзовом веке Западного Предкавказья в связи с новыми работами на новостройках Краснодарского края // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации: Тезисы научной практической конференции. Л., 1985); булава из Ставрополя (см.: *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. С. 51. Рис. 26, 5), подвеска из мергеля с двумя отверстиями из погребения у г. Грозно-

- го (см.: Милорадович О. В. Новые археологические находки в Грозненской области//КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 132, 133), обнаруженный в подкурганном погребении у г. Моздока сосуд с маленьким плоским дном, сохранивший в пропорциях и форме черты посуды прикаспийской культуры (Благодарю Н. Гиджрати, любезно познакоmintвшего меня с этим еще не опубликованным комплексом).
- ²⁵ Кавтарадзе Г. К. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983. С. 59—81.
- ²⁶ Braidwood R. J., Braidwood L. S. Excavations..
- ²⁷ Так называемые бронзовые диски. См.: Корневский С. Н. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии//СА. 1981. № 1. С. 277—280.
- ²⁸ В достаточно правдоподобной интерпретации этих предметов как псалиев (Мунчаев Р. М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе// Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 71—73), к сожалению, не хватает конкретных наблюдений. В настоящее время ни на Кавказе, ни на Древнем Востоке нет данных о столь раннем использовании лошадей для верховой езды или запрягании в колесницы. Упряжные быки в псалиях не нуждались, а для онагров применялся капцуг. Древнейшие достоверные псалии в европейской степи и Передней Азии относятся к первой половине II тысячелетия до н. э., они принадлежали лошадям, запряженным в колесницы. См. напр.: Littauer M. A., Crowell J. H. Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East. Köln: Leiden, 1979.
- ²⁹ Buren E. D. van. Symbols of the gods in Mesopotamia art//An. Or. 1945. Vol. XVII, N 23.
- ³⁰ Idem. Symbols...
- ³¹ Idem. A father note on the Terra-Cotta relief//AFO. 1936—1937. Bd. XI. S. 354—357.
- ³² Barrelet M.-T. A-propos d'une plaquette trouvée à Mari. Syria, 1952. Vol. XXIX. P. 285—293.
- ³³ Frankfort H. The Burney relief//AFO. 1938. Bd. XII, N 3. S. 128—135.
- ³⁴ BASOR. 1937. Vol. 67. P. 16—18.
- ³⁵ Frankfort H. The Burney relief... S. 134, 135.
- ³⁶ Раскопки А. Д. Резепкина, 1979, курган 31, погребение 5.
- ³⁷ Ермолова Н. М., Резепкин А. Д. Гробница III тысячелетия до н. э. в Прикубанье//Природа. 1981. № 7. С. 58, 59.
- ³⁸ Amiet P. La Glyptique Mesopotamienne archaïque. P., 1980. Pl. 6, 116, Pl. 7, 146, 147, 152. Pl. 114, 1516. Pl. 115, 1541.
- ³⁹ Parrot A. Le palais. Mission archéologique de Mari. P., 1959. Vol. II. P. 42—56. Fig. 34—36, 38, 39, 48.
- ⁴⁰ Попова Т. Б. Дольмены... Табл. III.
- ⁴¹ Там же. С. 25—27; Формозов А. А. Эпический сюжет в причерноморском искусстве бронзового века//КСИА. 1970. Вып. 123. С. 48—50. Рис. 10.
- ⁴² Amiet P. La Glyptique ... Pl. 6, 121, 122. Pl. 48 bis. C.
- ⁴³ Например, Попова Т. Б. Дольмены ... Табл. I.
- ⁴⁴ Tobler A. Excavations ... Pl. XCVI, a.
- ⁴⁵ См. статью А. Д. Резепкина в этом же выпуске КСИА.
- ⁴⁶ В северокавказской степи (Прикубанье) наиболее ранние повозки появляются в погребениях ранних этапов ямной и нововотитаровской культур, частично синхронных новосвободненскому этапу майкопской культуры. Здесь же наблюдается наиболее высокая концентрация погребений с повозками (приблизительно каждое 10 погребение).
- ⁴⁷ Тезисы этой статьи были опубликованы в сборнике «Археология зарубежной Азии» (Л., 1985. С. 35—38).

А. Д. РЕЗЕПКИН

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОСПИСИ ИЗ ГРОБНИЦЫ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЛИЗ СТАНИЦЫ НОВОСВОБОДНАЯ

В 1982 г. Майкопским отрядом Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР при раскопках курганного могильника «Клады» под станицей Новосвободной (Адыгейская АО Краснодарского края), в кургане 28 была обнаружена двухкамерная мегалитическая гробница с типичным для новосвободненской группы памятников инвентарем. Три стены первой камеры были покрыты росписью. Четвертая, передняя, состояла из четырех плит, одна из которых также была покрыта росписью, но не с внутренней стороны, как предыдущие плиты, а с внешней. Роспись двухцветная, охристо-красного и черного цветов, нанесена на основу белого цвета, тонким слоем которой были покрыты стенки гробницы, состоящие из плит песчаника. Роспись занимает 5,5 м² общей площади.

В настоящей статье публикуются только две плиты с наиболее интересными изображениями.

Юго-восточная стенка гробницы (рис. 1, 1). Расколота на три части. Верхний угол, ближний к поперечной плите с отверстием, утрачен. По периметру плиты расположены вытянутые в цепочку изображения бегущих «лошадей». Пять из них размером от 19 до 24 см хорошо сохранились, еще от 9 заметны следы краски. Изображения выполнены красной краской, только короткие гривы, копыта, концы морд и хвостов выполнены черной. Центр плиты занимает сидящая в анфас человеческая фигура с раскинутыми в обе стороны и слегка согнутыми в коленях ногами. Руки с растопыренными пальцами также раскинуты в обе стороны. Верхняя часть туловища сохранилась плохо, но по оставшейся части видно, что вместо головы имеется выступ, от которого и отходят обе руки. Среднюю часть туловища занимает выполненный черной краской прямоугольник, в который вписан второй, разделенный посередине продольной линией. Высота сидящей фигуры 67 см. Руки и выступ на месте головы выполнены красной краской, ноги — черной, но по всему периметру обведены красной полосой шириной 2—3,5 см.

Поперечная плита с отверстием (рис. 1, 2). С левой стороны плиты изображена стилизованная фигура человека без головы с вытянутой правой рукой, простертой над колчаном и луком. Левая рука согнута так, что часть руки висит параллельно туловищу. На верхнюю часть туловища наброшено что-то типа «накидки», образующей собой прямоугольник длиной 48 см, шириной 20 см. Нижний ее край обрамлен «бахромой» из коротких длиной 2—3 см линий, выполненных черной и красной красками. Туловище в нижней части плавно сходит на конус и раздваивается на две ноги, стоящие на фигуре овальной формы. Длина ног: левой — 43 см, правой — 47 см. Длина правой руки от «накидки» до кончиков пальцев 46 см, общая длина левой 47 см. Кисти рук трехпалые. Общая высота фигуры 82 см, вся она выполнена черной краской, только кисти рук и линии, которые проходят посередине всего туловища и ног, выполнены красной. Красной же краской выполнены линии, идущие посередине рук и по «накидке»: две — с правой стороны, две — с левой. По «накидке» они проходят сверху вниз и параллельно друг другу. Ширина линий в среднем 1,5 см. Овал, на котором стоит фигура, нижней частью уходит под каменный пол камеры и выступает над ним на 33 см, поперечный диаметр овала 38 см. Он весь заполнен красной краской с нанесенными на нее черной краской фигурами в виде четырехугольников с закругленными углами, кругами, рядами черточек. Сверху и с левой стороны овала имеются выступы, выполненные черной краской. Высота верхнего 7 см, ширина 3 см. С правой стороны плиты — колчан. Он расположен вертикально, общая длина 80 см. Колчан состоит из трех частей: первая расположена в верхней части и представляет собой выполненный черной краской прямоугольник, открытыми концами упирающийся в тулово колчана. Изнутри и снаружи он обведен тонкой красной чертой. Высота прямоугольника 23 и ширина 18 см. Общая ширина линии, образовавшей его, в среднем 2,5 см. Верхняя часть имеет подтрапециевидную форму со слегка вогнутыми короткими сторонами. Ширина по верху 50,5 см, по низу 35 и высота 22 см. С обоих краев нижней части этой трапеции опущены концы в виде конусов вершинами вниз. Их ширина у основания 4 см, высота 4,5—5 см. Вся площадь этой части изображения окрашена в черный цвет и покрыта крупными, 2—2,5 см в диаметре, круглыми красными пятнами. И на нее еще нанесен прочерченный орнамент в виде трех лент, причем каждая лента состоит из трех прочерченных линий. Две крайние ленты проходят от верхних углов к середине нижней части «трапеции», третья лента расположена вертикально и проходит посередине «трапеции». Нижняя часть имеет подпрямоугольную форму, длина 34 см, ширина внизу 15 см. Эта часть расписана сложным геометрическим орнаментом, состоящим из черных и красных линий шириной 2—3 см, и по периметру обведена тонкой красной полосой.

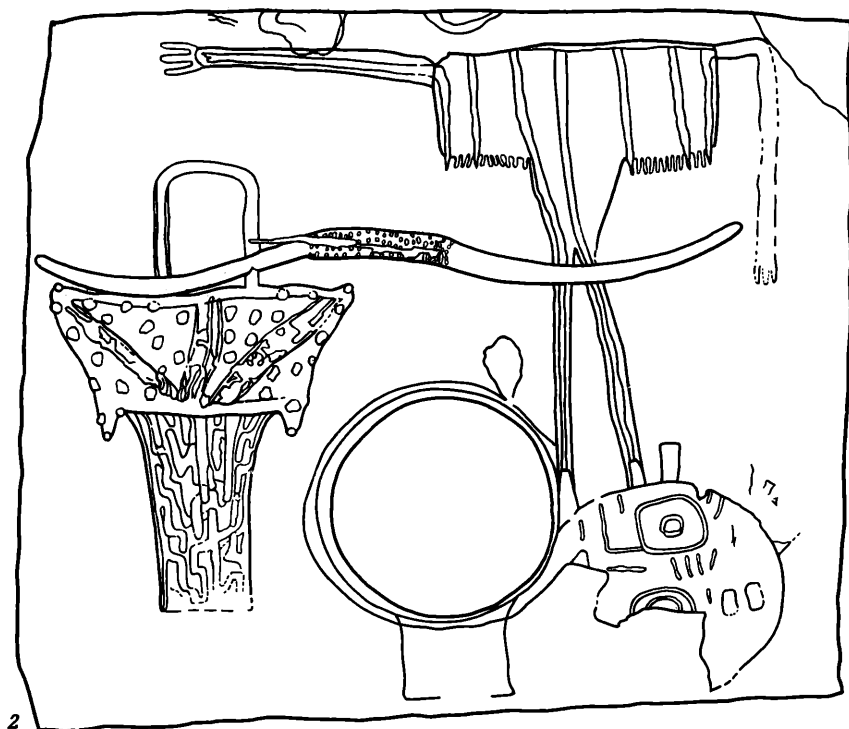
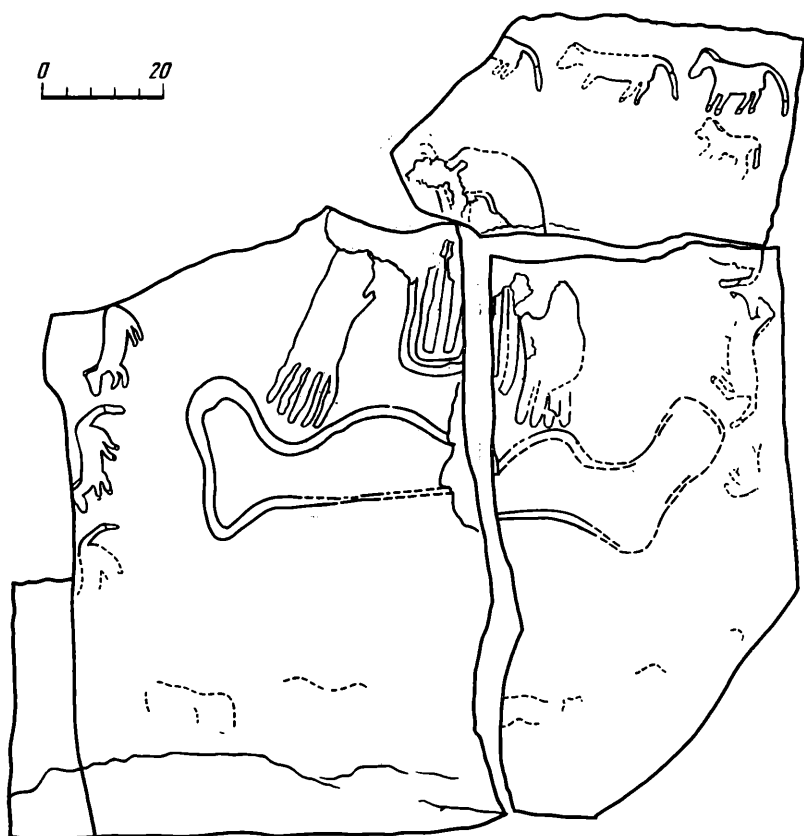

Рис. 1. Роспись на стенах гробницы, курган 28

1 — юго-восточная стена; 2 — поперечная плита с отверстием

«Колчан» и изображение человека перекрывались «луком», судя по двойному изгибу, сложным. Рисунок расположен горизонтально, выполнен красной краской с бессистемно нанесенными на нее черными точками, расположенными в середине предмета. Общая длина лука 122 см, толщина в центральной части 5 см, длина заполненного черными точками пространства 24 см.

Наряду с публикацией материала целью работы является поиск более или менее определенного места, которое занимает эта роспись среди памятников подобного рода, и попытка интерпретации хотя бы части сюжета.

В подходе к расшифровке семантики любого сюжетного изображения наиболее важным, на мой взгляд, должно быть соблюдение прежде всего двух принципов.

1. Привлечение аналогий из круга памятников одного культурно-хронологического пласта.

2. В основе интерпретации должна лежать достаточно обоснованная идея, подкрепленная возможно большим количеством материала неизобратительного характера.

Прямых аналогий всему сюжету росписи нет, что и вынуждает обратиться к широкому кругу памятников.

По конструктивным особенностям погребальных сооружений, погребальному обряду, некоторым категориям инвентаря ближайшие аналогии новосвободненской группе памятников находятся в ареалах культур воронковидных кубков и ранних шаровидных амфор Центральной и Северной Европы. Для них, помимо схожих погребальных сооружений и обрядов, характерно наличие в погребениях таких форм керамики, как чернолощенные кубки, чаши, амфоры¹. Чернолощенная керамика встречается также в энеолитических погребениях всей полосы южно-русских степей вплоть до предгорий Северного Кавказа. В Поднепровье и Приазовье это «нижнемихайловский» тип². На Нижнем Дону погребения VI типа, по В. Я. Кияшко³, ряд могил Койсугского могильника и второй вариант 8-го типа, по В. А. Трифонову⁴, на Северо-Западном Кавказе все основные погребения и погребения в гробницах в «Кладах» под станицей Новосвободной⁵.

Эти факты позволяют предположить наличие широкого более или менее однородного энеолитического пласта. Общее, что позволяет объединить их в блок культур, это, во-первых, чернолощенная, иногда серолощенная керамика (основные формы: кубок, чаша, амфора), орнамент на кольчатый, штамп, чаще без орнамента. Во-вторых, погребальный обряд — скорченно, чаще на правом боку, руки перед лицом. Ориентация в основном в южный сектор. В-третьих, погребальные конструкции — мегалитические одно-, двухкамерные гробницы, редко деревянные срубы в 1—2 венца, погребения на древней дневной поверхности, прямоугольные или овальные ямы с перекрытием.

Если принять во внимание предположение о существовании более или менее однородного блока культур с чернолощенной керамикой, то гораздо более понятным становится тот факт, что ближайшие аналогии росписи из гробницы у ст. Новосвободная находятся в Центральной Европе. Прежде всего это сюжетная аналогия колчану и луку из гробницы эпохи позднего неолита, раскопанной в 1750 г. близ деревни Лейне-Гелич у г. Халле в ГДР (рис. 2)⁶. Часть изображений в этой гробнице была выполнена в гравировальной технике, часть нанесена красной и черной красками. Как считают немецкие археологи⁷, мегалитические гробницы центрально- и северонемецких земель генетически восходят к галерейным гробницам культуры СУМ северной Франции и южной Бельгии. На одной из плит гробницы ст. Новосвободная изображена в фас сидящая фигура человека без головы. На том месте, где должна быть голова и верхняя часть груди, черной краской нанесена прямоугольная решетка. Ближайшие и наиболее многочисленные аналогии этому типу изображения мы находим среди мегалитических культур Франции, в том числе и в

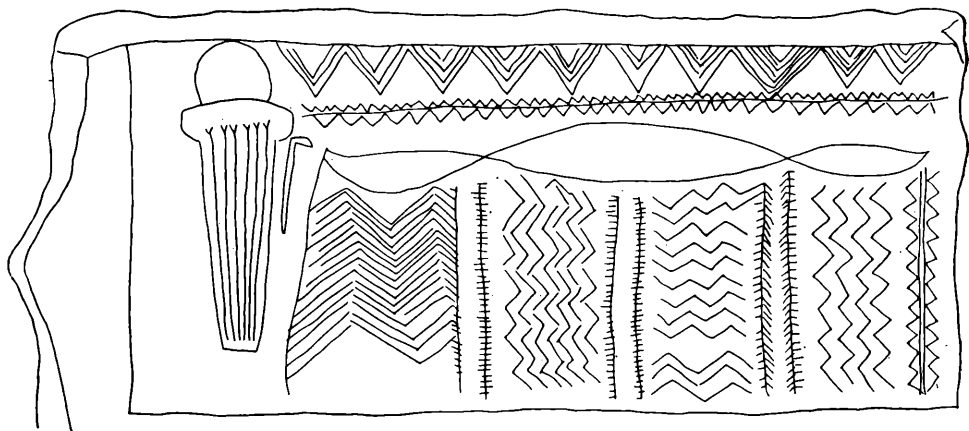

Рис. 2. Гравировка на плите, гробница близ Лейне-Гелич у г. Халле (ГДР)

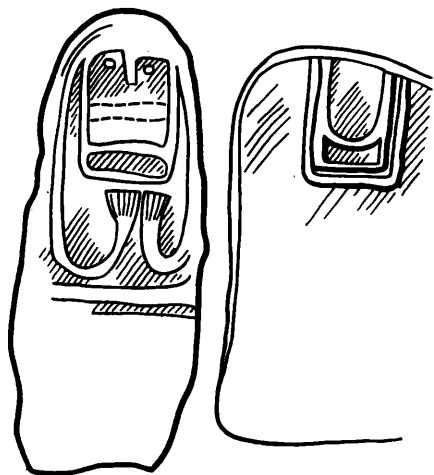

Рис. 3. Стелы, департаменты Франции Ардеж (1) и Авейрон (2)

культуре СУМ (рис. 3) ⁸. Причем изображение из гробницы у ст. Новосвободная так же, как и в галерейных гробницах культуры СУМ, расположено у входа в камеру, где находился погребенный. Приведенные данные подтверждают также точку зрения немецких археологов о западноевропейских корнях северо- и центральноевропейских мегалитов, с одной стороны, а с другой — свидетельствуют в пользу моего предположения о едином блоке куль-

тур с чернолощеной керамикой, простирающемся от Центральной Европы до Северного Кавказа. Этому не противоречат и данные антропологии. А. В. Шевченко, занимавшийся антропологическим материалом из могильника «Клады», считает, что население новосвободненской культуры Северо-Западного Кавказа, судя по черепам из могильника «Клады», тоже принадлежало к антропологическому типу, характерному для культуры воронковидных кубков Европы ⁹.

Как на промежуточный пункт между изображениями на плитах центральноевропейских гробниц и гробниц новосвободненского круга памятников Северного Кавказа можно указать на гравировки на плитах кромлеха у с. Вербовки ¹⁰. А. Хейслер связывает их с гравировкой на плитах мегалитических сооружений культур шнуровой керамики в Центральной Европе ¹¹. А. А. Формозов также признает некоторое сходство, но склоняется к мысли, что оно конвергентно ¹². Хотя при этом он отмечает, что на пяти плитах гробницы, раскопанной у г. Нальчика ¹³, также относящейся к новосвободненской группе памятников, гравировка похожа на ту, что нанесена на плиты кромлеха у с. Вербовки ¹⁴. Сейчас, учитывая новые данные, мысль о конвергентности изображений представляется еще менее вероятной.

Очертив, насколько это возможно, тот ареал, в котором находится круг аналогий росписи, попытаюсь хотя бы частично объяснить семантику изображений.

Как известно, на месте энеолитических культур степной зоны Восточной Европы сложилась ямная культурно-историческая общность и пред-

шествующие культуры явились доминирующим компонентом в ее формировании¹⁵. Сейчас на повестку дня поставлен вопрос о ее индоевропейской принадлежности¹⁶. Работами лингвистов, начиная с О. Шрадера и А. Мейе¹⁷, было установлено, что терминология, связанная с колесным транспортом, является общиндоевропейской, а ямная культура является самой ранней, где зафиксирован колесный транспорт в Европе¹⁸. И коль скоро ямная культура сформировалась в основном на базе предшествующего энеолитического блока, куда входила и новосвободненская группа памятников, логично будет, если мы предположим, что истоки формирования индоевропейской общности уходят в этот энеолитический пласт. Соответственно наиболее реальной будет попытка интерпретации сюжетной росписи станицы Новосвободная в свете древнейших из дошедших до нас мировоззренческих представлений индоевропейцев. В этой связи особенно интересна роспись на одной из плит гробницы, где изображена сидящая человеческая фигура. Вместе с ней изображены также и лошади, бегущие слева направо по периметру плиты. Если мы обратимся к мифам и преданиям различных индоевропейских народов, то увидим, что у хеттов, например, богом грозы и смерти был Пирва, атрибут которого был конь¹⁹. В западноевропейском этнографическом материале, исследованном в этой связи Л. Мальеном²⁰, представления о коне как о спутнике бога смерти оказались очень живучими. Например, у древних греков они восходят еще к догомеровскому времени и со временем переходят в представления о коне как о спутнике смерти, спутнике умершего человека. Очень подробно описано жертвоприношение коня греками в «Илиаде» (XXIII, 165 и сл.). При сожжении Патрокла «Трижды вокруг тела они долгогривых коней обогнали...». Пережитки жертвоприношения коня ясно видны в осетинском погребальном обряде: специально украшенного коня подводят к могиле, повод дают в руки мертвецу со словами: «Пусть это будет твой конь», затем коня трижды слева направо обводят вокруг могилы, обрезают ему хвост и делают надрез на ухе²¹. В ведийских заупокойных обрядах (шраддха) движение вокруг объекта производится «против солнца», справа налево, держась к объекту левым боком²².

Человекообразная фигура на плите изображена сидящей, а в «Ригведе», в похоронном гимне (I, 14), в обращении к Яме, владыке царства мертвых, звучат такие слова:

- 4 ...Яма, садись на солому
в единении с Ангирасами, отцами!..
5 Приди с Ангирасами, достойными жертвы!
О Яма, радуйся здесь с Вайрупами!
Я призываю Вивасвата, кто тебе отец.
Когда ты сел на солому при (этом) жертвоприношении²³.

Здесь важно отметить, что сидящая фигура была изображена на стене камеры, являющейся как бы входом к погребенному. И в этой входной камере у плиты с изображением сидящей человекообразной фигуры у ее ног стоял сосуд с пищей.

Количество аналогичных примеров из индоевропейской мифологии и погребальных обрядов можно увеличить, но, пожалуй, и приведенных достаточно, чтобы предположение о человекообразной фигуре как о божестве смерти с бегущими вокруг нее слева направо конями можно было считать достаточно обоснованным.

Помимо росписи, в гробницах близ станицы Новосвободной найден и собственно археологический материал, который несет дополнительные аргументы в пользу интерпретации сюжетной росписи в системе индоевропейских мировоззренческих представлений. В одной из гробниц были найдены две фигурки собачек, одна бронзовая, другая из серебра²⁴. Они находились у головы погребенного, у передней плиты с отверстием, соединяющим погребальную камеру со входной. В «Ригведе», в похоронном

гимне, (X, 10, 11) говорится о двух псах, которые стерегут путь к Яме и провожают умерших к нему:

10. Спешим мимо двух псов, потомков Сарамы,
Четырехглазых, пятнистых по верному пути
И достигни отцов, которых легко найти.
Которые веселятся на общем пиру с Ямой
11. Два твоих пса, сторожа,
Четырехглазые, стерегущие путь, надзирающие за
                                людьми
Им его передай, о царь,
И надели его благополучием и здоровьем²⁵.

Примечательно, что фигуры собачек изготовлены из различных металлов, а в индийской мифологии две собачки, охраняющие душу покойного на пути в царство Ямы, различаются мастью, их имена Шьяма (Темная) и Шабала (Серая)²⁶.

Второй микрокомплекс из этой же гробницы опубликован²⁷. Примечательно, что его структура также может быть интерпретирована на основе культурного материала. Он состоит из бронзового сосуда типа ковчежка и лежащего на нем бронзового колеса с четырьмя плоскими в сечении спицами. Мотив металлического колеса со спицами, которое, беспрерывно вращаясь над сосудом с живой водой — амритой, охраняет ее, представлен в древнеиндийском эпосе «Махабхарата»²⁸.

До сих пор практически вся аргументация о принадлежности той или иной археологической культуры к индоевропейскому этносу сводилась к лингвистическим построениям и соответственно к наличию или отсутствию таких решающих признаков, как конь — повозка²⁹. Информация, полученная при раскопках курганного могильника «Клады», позволяет расширить список признаков, включая в них собственно археологические, такие, как погребальный обряд и ряд категорий инвентаря, что делает их особенно ценными. Все вышесказанное позволяет высказать предположение о выделяемом блоке культур с чернолощенной керамикой как носителе индоевропейского этноса. Новосвободненские гробницы, по моему мнению, представляют собой восточную ветвь развития северо-центральноевропейских галерейных гробниц, которые включают в себя и северные варианты культур воронковидных кубков³⁰. И соответственно отправной точкой в распространении культур с чернолощенной керамикой между Центральной Европой и Северным Кавказом нужно считать Центральную Европу.

¹ *Preuß I.* Die Baadlberger Gruppe in Mitteledeutschland. B., 1966. Taf. 22—24; 35; 51, 1; 61, 2.

² Шарфутдинова И. Н. Северная курганная группа у с. Соколовка//Археологические памятники Поингуля. Киев, 1980. С. 93—95. Рис. 11, 1, 2.

³ Кияшко В. Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 13; Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.

⁴ Максименко В. Е. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону. — СА. 1973. № 1. С. 249—254. Рис. 1—3.

⁵ Резепкин А. Д. Проблема развития и преемственности культур эпохи ранней и средней бронзы на Северном Кавказе//Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Ереван. 1982. С. 132, 134.

⁶ Schrickel H. Westeneropäische elemente im Neolithikum und in der frühen Bron-

zezeit Mitteldeutschland. Leipzig, 1957.
Bd. 5, H. I. S. 92.

⁷ Behrens H., Tasshauer P., Kurchner H. Ein neues innenverriertes Dölauer Heide bei Halle (Saale) Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. Halle; B., 1956. Bd. 40. S. 40—42, 45—48.

⁸ *Annal I. Les statues-menhirs de la France*//Boll. centro camuno studi preistorici, capo di Ponte. 1979. N 17. S. 47—76.

⁹ Шевченко А. В. Палеоантропологические данные к проблеме происхождения индоевропейцев//Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. М., 1984. Ч. 1. С. 18—20.

¹⁰ Рудинский М. Я. К вопросу о наскальных изображениях каменной могилы// КСИА АН УССР. Киев, 1955. № 5. С. 73. Рис. 3.

¹¹ Häusler A. Die Felszeichnungen der Kamenaja Mogila bei Melitopol und der megalitischen Einflüsse in Südrussland. Halle, 1958. S. 507.

- ¹² *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1965. С. 159.
- ¹³ *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973. Рис. 13 (вкладыш).
- ¹⁴ *Формозов А. А.* Очерки... С. 160.
- ¹⁵ *Мерперт Н. Я.* Энеолит степной полосы европейской части СССР//L'Europe à la fin de l'âge de pierres. Praha, 1961; *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974. С. 31, 32, 104.
- ¹⁶ *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения Южно-Русских степей// ВДИ. 1974. № 4. С. 68, 85.
- ¹⁷ *Шрадер О.* Индоевропейцы. СПб., 1913; *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- ¹⁸ *Трифонов В. А.* Погребения с повозками эпохи палеометалла в степном Прикубанье: Новые экспедицион. исслед. археологов Ленинграда: (Тез. докл. к Всесоюз. совещ. «Археология в XI пятилетке»). Л., 1984. С. 28.
- ¹⁹ *Otten H.* Pirva. Der Cott auf dem Pferd// Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung. Heidelberg, 1951. Bd. 21.
- ²⁰ *Maitenh.* Das Pferd im totengraben// JDAI. 1914. Bd. XXXX. S. 179—255.
- ²¹ *Гатиев Б.* Суевверия и предрассудки у осетин//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Т. IX.
- ²² *Ch. Sen.* A distrionary of the Vedie rituals. Delhi, 1982. P. 151, 161.
- ²³ Ригведа: Избранные гимны//Пер., коммент. и вступ. ст. Т. Я. Елизаренковой. М., 1972.
- ²⁴ *Бокчарев В. С., Резепкин А. Д.* Работы Кубанской экспедиции//АО. 1980. С. 98.
- ²⁵ Ригведа: Избранные гимны... С. 199.
- ²⁶ *Stevenson S.* The rites of the Twuceborn. Oxford, 1920. P. 193, 238.
- ²⁷ *Бестужев Г. Н., Резепкин А. Д.* Новые находки из гробницы у станицы Новосвободной//КСИА. Вып. 176. С. 198.
- ²⁸ The Mahabharata, for the first time critically edited by V. S. Sukthanuar. Poona: The Adiparvan, 1943. Vol. I, N 29. P. 157.
- ²⁹ *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт...
- ³⁰ *Preuß I.* Die Baalberger Gruppe....

М. П. ЧЕРНОПИЦКИЙ

МАЙКОПСКИЙ «БАЛДАХИН»

В комплекс основного погребения Майкопского кургана входили составные металлические трубки неясного назначения. По отчетам Н. И. Веселовского обнаружены шесть трубок длиной 103 см каждая: две серебряные с золотыми окончаниями, на которых были насажены золотые фигурки быков, две такие же серебряные с золотыми нижними частями без фигурок и две целиком серебряные с серебряными бычками. Трубки лежали пучком вдоль костяка, причем фигурки находились со стороны черепа, т. е. были перевернуты по отношению к скелету. Наличие на верхних концах трубок рельефных изображений обвивающих их лент (так называемой «винтовой насечки») и вертикальных прорезей привело Веселовского к мысли о том, что эти предметы «можно признать за жезлы, знамена или за знаки власти (скипетры)»¹.

Однако впоследствии в основу их интерпретации был положен иной образ, созданный Б. В. Фармаковским. В докладе на Лондонском международном конгрессе историков (март 1913 г.) с опорой на ассиро-вавилонские и персидские изображения им была предложена, а в 1914 г. и опубликована идея балдахина. По его реконструкции, найденные на костяке золотые нашивные бляшки в виде львов и быков были украшениями матерчатой части балдахина, четыре трубки с бычками — его вертикальными стойками, а две без бычков — горизонтальными перекладинами. Причем серебряные бычки в реконструкции Фармаковского крепятся иначе, чем указано в отчете автора раскопок: не на серебряных целиком трубках, а на трубках с золотыми окончаниями, которые, по Веселовскому, бычков не имели. Этим сразу же снимается вопрос о горизонтальных перекладинах, если бы в реконструкции было соблюдено исходное (по отчету) распределение фигур и окончаний, смысл украшения золотом закрытых от глаза элементов был бы неясен. Кроме того, эти трубки с золотыми окончаниями превращены здесь уже в «серебряные с золотыми вставками, снабженные на серебряных нижних концах фигурами сере-

бряных быков...», чем устраняется другое противоречие, возникающее при таком переносе фигур, — не нарушается соответствие металлов. Ведь сохрани Фармаковский окончания этих трубок целиком золотыми, как о том сказано в отчете, серебряные бычки оказались бы пересаженными с серебра на золото. Итак, реконструкция содержит два существенных расхождения с отчетами: в локализации серебряных бычков и в оформлении нижних частей второй пары трубок с золотыми элементами². Заметим, что без этих перестановок балдахин выглядел бы совершенно неубедительно.

Вдохновленный своей идеей, Фармаковский был вынужден сделать ряд допущений и в связи с расположением находок. Трубки, как известно, лежали на некотором расстоянии от костяка, а нашивные бляшки встречались только среди костей скелета, в том числе и под ними (как недвусмысленно указано в отчете, все они происходят «от платья покойника»³). По Фармаковскому, балдахин поместили в могилу разобранным: стойки и перекладины отдельным пучком положили сбоку от погребенного (притом еще и перевернув), а самого его обернули тканью балдахина, как саваном.

Эта последовательная цепочка домыслов и предположений обнажает чисто умозрительный характер такой трактовки. Очевидная нехватка в балдахине поперечных (горизонтальных) элементов, сомнительные манипуляции с компонентами, весьма странный способ помещения в могилу, предполагающий еще более странный обряд, наконец, остающееся необъясненным столь необычное для древнего искусства крепление фигурок животных — все это не могло удовлетворить даже тех, кто, не будучи знаком с материалом, хотя бы основательно изучил печатный отчет Веселовского. Возможно, именно поэтому советские авторы, рассматривая данный комплекс, о балдахине не упоминают⁴. Однако этот образ популярен в западной литературе, где он не раз воспроизводился в общих и справочных изданиях. Критический разбор его не проведен, видимо, из-за отсутствия иных идей реконструкции. Он потребует более тщательного анализа всей совокупности данных об этой удивительной находке.

Фармаковскому принадлежит ряд безусловно верных наблюдений, и прежде всего то, что все трубки образуют единый комплект. Немаловажной деталью, как будет видно, является и подмеченная им особенность нижних концов трубок с фигурами: они удобны для захвата рукой — бычки отстоят от края ровно на ширину ладони, а их копытца оформлены таким образом, что сами фигурки образуют подобие эфесов. Удивляет, однако, другое — то, чего не заметил Фармаковский, хотя не заметить этого при изучении данного погребения практически невозможно. Рискованно соединяя в одно целое достаточно отдаленные друг от друга трубки и бляшки на костяке, он не заметил лежавших к трубкам много ближе кремневых наконечников стрел. А ведь в опубликованном уже в 1900 г. отчете Веселовского совершенно ясно указано: наконечники эти лежали «у верхних концов трубочек...»

Скудная графическая документация комплекса все-таки дает возможность провести элементарный анализ его микропланиграфии. Существуют два чертежа погребения. Первый — акварель, выполненная специально для доклада Фармаковского Н. К. Рерихом, как сообщается, «на основании указаний Н. И. Веселовского» в 1897 г.⁵ На ней наконечники изображены в некотором отдалении от верхних концов трубок лежащими на продолжении их осей со смещением в одну сторону (рис. 1, 2). Второй, куда более грубый рисунок сделан рукой самого Веселовского в его отчете за 1896—1897 гг.⁶ Этот очень схематичный эскиз принципиально не отличается от рериховского, но показательны некоторые нюансы. Здесь наконечники изображены лежащими в ряд, по ширине соответствующий пучку трубок. При этом наконечники не просто продолжают линии трубок — они строго ориентированы по их осям: черенком к трубкам, острием в другую сторону. Здесь же находятся небольшие кремневые сегменты, неверно понятые Веселовским как наконечники полулунной формы (рис. 1, 1).

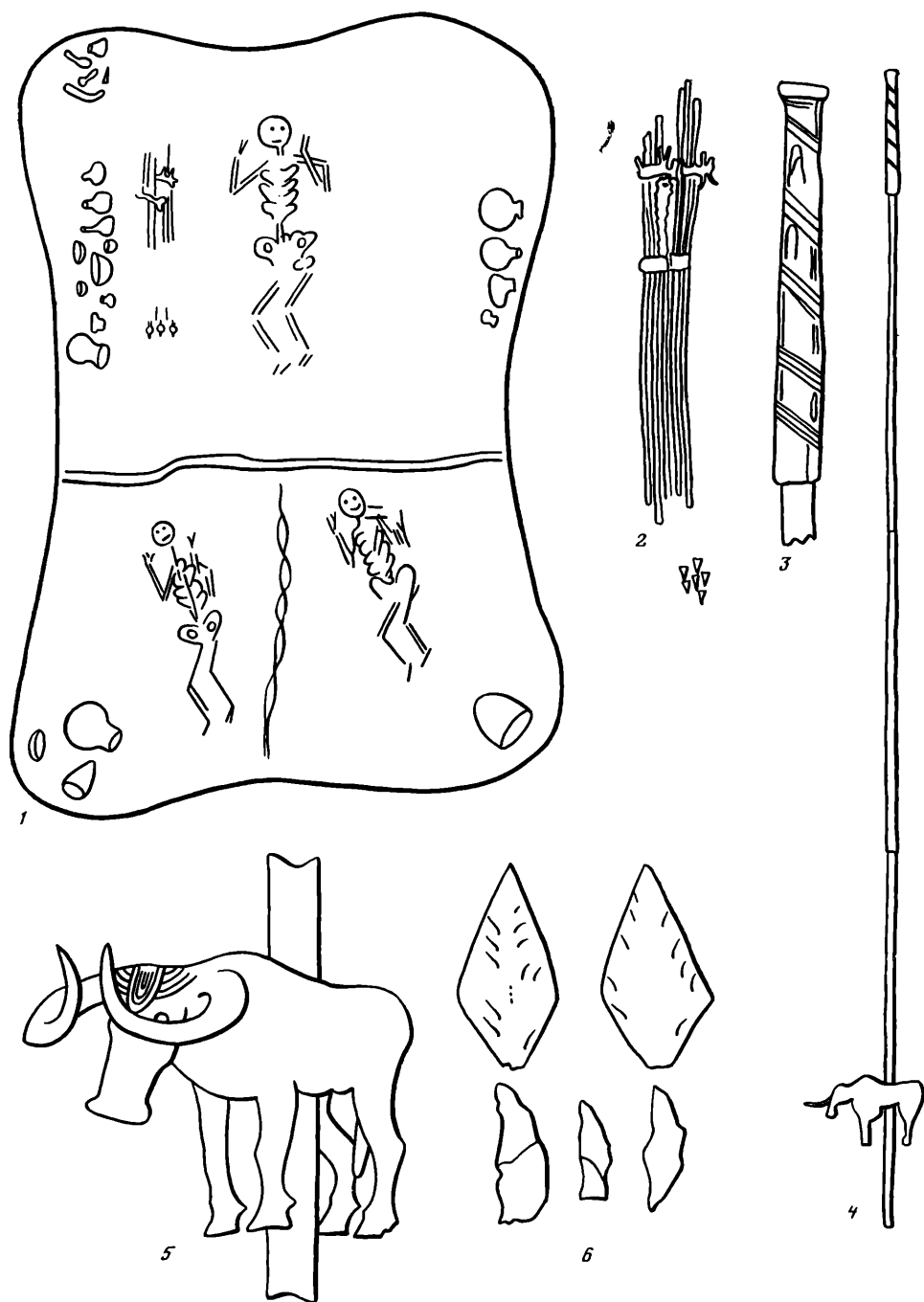

Рис. 1. Комплекс предметов, Майкопский курган

1 — план основного погребения по рисунку Веселовского; 2 — расположение металлических трубок и наконечников стрел, с рисунка Рериха в МАР, 34; 3 — навершие трубки; 4 — общий вид трубки с золотым окончанием и фигуркой; 5 — фигурка быка на трубке; 6 — наконечники и сегменты; (3–6 — прорисовки фотографий в ОАК и МАР)

Важно выяснить количество всех предметов. В Эрмитаже хранится 12 ромбических наконечников длиной 2,9—3,7 см и 17 вкладышей-сегментов длиной 1,2—2,0 см⁷, т. е. всего 29 кремневых изделий — больше, чем указано в единственной из трех описей Веселовского, где суммарно отмечены 25 наконечников⁸ (даже в отношении числа золотых предметов описи нередко расходятся)⁹. Сложнее установить первоначальное количество

трубок, повсеместно определяемое в шесть единиц. В Золотой кладовой выставлены 4 трубки с золотыми окончаниями — 1 целая и 3 во фрагментах. Ни одна не имеет даже признаков крепления серебряных элементов снизу, так что превращение двух золотых окончаний во «вставки» следует признать произвольным. В фондах ОИПК хранятся крупные серебряные фрагменты (4), судя по навершиям, трубок и несколько десятков мелких обломков. Суммарная длина всех сохранивших трубчатую форму частей и фрагментов составляет ныне не менее 750 см, плюс обломки. Длина же трубок, по Веселовскому, 103 см. Таким образом, в Эрмитаже находятся фрагменты восьми трубок, в том числе 4 с золотыми окончаниями и 4 серебряных¹⁰.

Наконец, в отчете сообщается, что с трубками найдены обломки серебряной обивки какого-то предмета. Они присутствуют в коллекции ОИПК и при ближайшем рассмотрении (фрагменты хорошо подбираются) оказываются двумя сложенными вдвое прямоугольными пластинами (в таком виде размеры 62×38 мм) с отверстиями для гвоздиков вдоль сходящихся сторон, а также несколькими обломками более узкой полоски с такими же отверстиями. Сохранился и серебряный гвоздик, четырехгранный, с небольшой шляпкой, длиной около 3 мм. Судя по всему, накладки охватывали древко или рукоять диаметром 30—40 мм.

Итак, в погребении было 8 трубок, у верхних концов которых на продолжении их осей лежало 12 наконечников стрел и 17 сегментов; с трубками же связаны обломки накладок. Эти моменты и представляются важнейшими из того, что не было замечено Фармаковским.

Обратимся теперь к некоторым позднейшим реалиям, проливающим свет на этот комплект находок. Иранистам хорошо известен так называемый барсом — барсан — брасман — баресман, ритуальный пучок прутьев зороастрийского жреца, неперменный атрибут богослужения перед алтарем огня. Эти прутья, изготовлявшиеся из веток ивы или тамариска, известны уже Страбону (XV, III, 14). Они использовались для разжигания священного огня и при гадании. Сам термин «барасман» имеет два значения: 1 — священный огонь, 2 — пучок ритуальных прутьев¹¹. Изображения таких пучков в иранском искусстве известны начиная с луристанских бронз¹². Очень показательны фигуры магов с барсомами в руках на пластинах Амударьинского клада, где они повторены 24 раза¹³. Семантика пучка иллюстрируют сасанидские изображения: на рельефе Арташира II их держит Митра, причем прутья символизируют его стрелы — солнечные лучи¹⁴. По Фрейману, «эти жертвенные ветки — *baresman* — являются отражением небесного высшего огня, который в них заключен в основном, первоначальном значении этого слова, значении, вытекающем из его этимологии *baresman* (*brazman*), *brahman*...»¹⁵. Установление этимологического родства авестийского термина с ведическим «брахман»¹⁶ вводит этот символ в широкий круг важнейших мировоззренческих понятий индоариев: «Брахман — это и сам абсолют, и персонификация высшего божества, и его священнослужитель, и идеальная мировая субстанция («Брахмо — обряд приношения, Брахмо — жертва, приносимая Брахмо в пламя Брахмо... В вечное Брахмо идут те, кто вкушает амриту остатков жертвы...» и т. д. — Бхагаватгита, IV, 24, 32¹⁷). Индийские ритуалы знают близкий аналог баресмана — палочки для ароматических воскурений, а на более высоком, знаковом уровне таким является пучок стреловидных молний — ваджра (санскр. *vajra* — молния), медное, золотое или железное оружие Индры¹⁸, находящая соответствие в славянских языческих перунах (слово «перун» означало и молнию, и громовержца, и, возможно, в одном из ранних значений стрелу — оружие с оперенным древком: отсюда и Перун — бог, метаящий огненные стрелы¹⁹, у хеттов и других народов древности).

Связка прутьев, за которой стоит обширный мир образов и понятий, была распространена не только у иранцев и индусов. Хорошо известно сообщение Геродота (IV, 67)²⁰ о скифских энареях — жрецах и прорицателях, гадающих на ивовых прутьях, а в случае обмана сжигаемых в по-

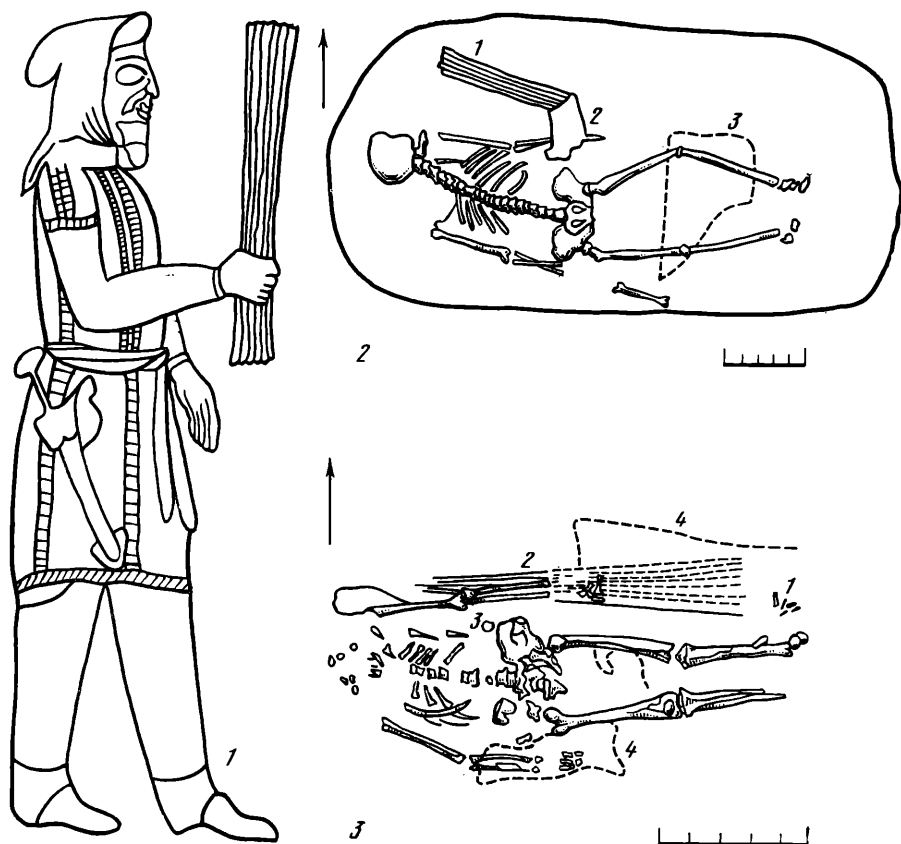

Рис. 2. Сравнительный материал

1 — жрец с пучком прутьев (изображение на пластине из Амударьинского клада); 2 — погребение 4 кургана 4 могильника Мечет-Сай, по К. Ф. Смирнову; 1 — деревянные прутья, 2 — часть блюда, 3 — органический тлен; 3 — погребение 12 кургана 3 группы Брюховецкая I: 1 — наконечник стрел, 2 — железные прутья, 3 — кремь, 4 — органический тлен

возке с такими же прутьями. До недавнего времени археологи знали лишь одно погребение с этими прутьями — не скифское, а савроматское, в кургане 4 Мечетсайского могильника в Оренбуржье (раскопки К. Ф. Смирнова). Здесь с необычно пышным огневым ритуалом (могила была буквально завалена горящим деревом) похоронили явно сакральное лицо. Благодаря обугливанию прекрасно сохранились часть деревянного жертвенного блюда и лежавший под ним пучок прутьев из веток тополя длиной примерно по 60 см. Автор однозначно связывает их с текстом Геродота и авестийским баресманом²¹ (рис. 2, 2). В 1978 г. Кубанской экспедицией ЛОИА было раскопано сарматское погребение с набором из 8 железных прутьев и лежавших на их линиях железных наконечников стрел (рис. 2, 3). Если прутья были древками стрел, то такие стрелы не могли использоваться как боевые. Для сармат известны факты замены деревянных частей ритуального оружия железными: так, в Остром кургане у станицы Ярославская неолитический каменный топор был насажен на длинную железную рукоять²². Видимо, и стрелы из Брюховецкой имели культовое назначение. Показательно точное, до деталей совпадение обрядовых признаков обоих комплексов (поза, ориентировка, органический тлен, расположение прутьев), имеющее особое значение в свете целого ряда параллелей между погребениями с западной ориентировкой в Северном Прикубанье и савроматами Поволжья, включая могилы «жриц» с алтарями²³.

Деревянные прутья иранского баресмана, как известно, со временем были заменены железными, употребляемыми доныне²⁴. Обтянутые золотом медные и железные прутья входили уже в состав Амударьинского клада и определенно связываются с изображениями на пластинах²⁵, а более ранние бронзовые прутья или древки стрел известны в Марлике и в Астрабадском кладе начала II тысячелетия до н. э.²⁶ «Сложенные пучком тонкие бронзовые стержни» найдены и на майкопском поселении Мысхако²⁷.

Наконец, отметим, что магический пучок прутьев — прототип баресмана — фигурирует в ранней бронзе степного Причерноморья: в него, видимо, вставлялись молоточковидные фетиши, в которых угадывается сложный, полисемантический символ высшего начала²⁸.

Восточный баресман находит близкие соответствия в ликторских фасциях — символических пучках прутьев, атрибутах власти царя, заимствованных римлянами у этрусков²⁹. В центр такого пучка вставляли двойной топор — лабрис, древнейшую средиземноморскую эмблему божества. Семантическое поле фасциев огромно — это и собственно пучок, связка, и календарь, летопись, анналы (фасты), и волшебство (фасцина — колдун, чародей), и, конечно же, факел — горящая связка прутьев, как он и изображается в геральдике от античности и доныне (греч. «факел[л]ос» — пучок, связка), факел, нередко выступающий в роли оружия богов (Пергамский алтарь и др.). В основе всех значений лежит, видимо, исходное «фас» — высший неписанный закон, веление неба, от которого происходят «фатум», «фата моргана» и т. д.³⁰ Интересно, что римляне считали культ пучка прутьев заимствованным из Скифии: эпитет Дианы Сицилийской — Фацелина — означает «принесенная в вязанке хвороста»; так, по легенде, доставил её статую из Скифии Орест.

Символика фасциев — в единстве лидера и последователей (божества и адорантов, правителя и народа и пр.). Характерно, что с этим значением связка прутьев известна почти во всем мировом фольклоре. Сказка или миф об отце (вожде, царе), созывающем сыновей (подданных) и затем ломающем перед ними прутья (стрелы) — сначала по одному, демонстрируя слабость одиночества, а затем пучком, который не ломается, что и доказывает силу единства. Этот сюжет относится к числу самых распространенных фольклорных формул, причем иллюстрирует полную взаимозаменяемость прутьев и стрел как предметов одного порядка³¹.

Вернемся к майкопским находкам. Вряд ли в могилу положили одни наконечники — скорее, это должны были быть сами стрелы. Но в таком случае линии их древков совпадают с трубками. Не являются ли они металлическими макетами стрел? Приняв эту точку зрения, можно легко объяснить особенности их строения. Членистость трубки имитирует стебель тростника — крайне распространенного в древности материала для изготовления древков³², а верхняя часть изображает не что иное как тулею стрелы, обвитую нитями; прорезы могли служить для укрепления лент или плюмажей (рис. 1, 3). Кроме 12 стрел, из которых 8 были металлическими, в набор входил еще один предмет, скорее всего оружие, от которого остались накладки и микролиты (рис. 3). Интересны числовые закономерности (кратности 2, 3, 4 и 6, некратный 13-й компонент), находящие соответствия и в баресмане, где требовалось четное число прутьев плюс один нечетный центральный элемент, и даже в фасциях, так как претору их полагалось 6, консулу — 12, а диктатору — 24. Показательно, что при погребении в знак траура фасции несли опрокинутыми — в майкопской могиле весь пучок также был перевернут. Наконец, самое важное следствие: при такой трактовке набора становится предельно ясным смысл фигурок быков и способа их крепления на трубках: это быки, пронзенные стрелами. Трудно представить более наглядную и непосредственную передачу этого образа (рис. 1, 4, 5).

На лбах бычков выгравированы знаки (ни один не повторяется), которые единодушно считают солярными или, шире — астральными. В данном случае важно не конкретное определение, а связь этих быков

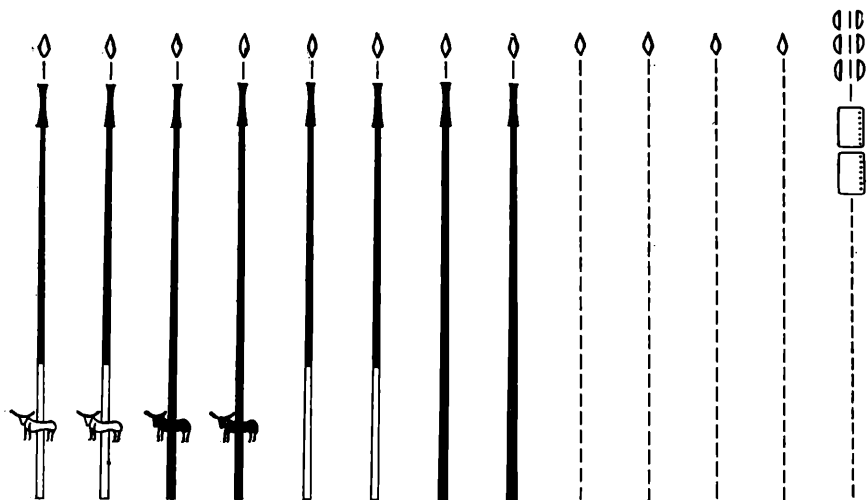

Рис. 3. Схема реконструкции состава ритуального набора предметов, Майкопское погребение

с небесной сферой. Стрелы же пронзают их необычным образом: снизу. Следовательно, они пущены с земли! Не проясняется ли здесь скрытый образ всей композиции — образ героя, поразившего небесных быков? Это герой типа Гильгамеша, Геракла или раннего Кришны — персонаж земной, человеческой природы, вступающий в схватку с небом. Сюжет богоборчества характерен для идеологии периода распада родового строя, когда в пантеонах появляется противостоящий силам космоса богочеловек — первопредок, «культурный герой», в подвигах равный бессмертным (часто — «божественный стрелок»: общеизвестен особый статус лука как оружия богов, поражающего издали). Возникает высшая форма мифа — эпос; образ человека проникает во все виды искусства. Это определялось историческими процессами консолидации племен, выделением фигуры лидера, на ранних этапах полифункционального («цари-жрецы»). Он считался избранником такого персонажа, что закрепляла концепция божественной инвеституры и ее инсигнии (стрелы, барсомы, фасции и пр.).

В семиотическом плане набор является конкретным сюжетным текстом, повествующим о важном мифическом событии — поражении небесных быков. Герой выступает в «неявленном» (категория!) виде, через показ его атрибутов и деяний — прием нередкий в архаичном фольклоре. Способом записи информации служит в целом «натуральный макет» — модели стрел в натуральную величину с боевыми наконечниками. Это замкнутая знаковая система. Изобразительная, числовая, цветовая стройность ее внутренней организации с переходом на более высокий информационный уровень — в контекст погребения — приобретает качественно новое содержание. Ведь этот комплект был главным предметом погребального инвентаря и занимал в могиле центральное место — возле костяка. Последнее в сочетании с примером типичной траурной инверсии (переворачивание) подчеркивает отношение обладания им при жизни. Вручить эти регалии земному лицу могла лишь та рука, которая и пускала стрелы. Таким образом, единственный приемлемый ключ к дешифровке всей структуры внутренних и внешних связей набора — инвеститура.

Пучок ритуальных стрел в майкопском погребении, являвшемся по всем признакам могилой «царя-жреца», воплощал, видимо, преемственность его земной власти от легендарного героя-богоборца, выступавшего, возможно, и «культурным героем»³³. На сегодня это древнейший предмет подобного рода.

- ¹ Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 1. Д. 204. Л. 51 об.; ОАК за 1897 г. СПб., 1900. С. 4 сл.
- ² Фармаковский Б. В. Арханческий период в России//МАР. Пг., 1914. 34. С. 51—56. Табл. XX—XXII.
- ³ Архив ЛОИА АН СССР. Л. 51.
- ⁴ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. С. 64; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 212—222.
- ⁵ Фармаковский Б. В. Арханческий период... С. 51. Табл. XX.
- ⁶ Архив ЛОИА АН СССР. Л. 52 об.
- ⁷ ГЭ, ОИПК. Оп. коллекции 34. Л. 1 об.—2. В дальнейшем используются материалы этой коллекции и ее опись.
- ⁸ Архив ЛОИА АН СССР. Л. 114.
- ⁹ Ср. данные о количестве бляшек: Архив ЛОИА АН СССР. Л. 75, 114, 140.
- ¹⁰ Приношу благодарность Ю. Ю. Пиотровскому, первым обратившему мое внимание на большее, чем шесть, число трубок и любезно показавшему сами находки.
- ¹¹ Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 120, 128.
- ¹² Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977. С. 12.
- ¹³ Зеймаль Е. В. Амударьинский клад: Каталог выставки. Л., 1979. С. 51—57; Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973. С. 9.
- ¹⁴ Луконин В. Г. Искусство... С. 178, 195.
- ¹⁵ Цит. по кн.: Струве В. В. Этюды. С. 120, 246.
- ¹⁶ Многочисленные параллели между зороастризмом и брахманизмом неоднократно отмечались. См.: Маковельский А. О. Авеста. Баку, 1960. С. 7.
- ¹⁷ Бхагаватгита/Пер. Б. Л. Смирнова. Ашхабад, 1978. С. 97.
- ¹⁸ Топоров В. Н. Ваджра// Мифы народов мира. М. 1980, Т. 1. С. 207, 208; Мяль Л. Э. Ваджра//Там же. С. 208.
- ¹⁹ О соответствиях перуны-молнии, молнии-стрелы, перуны—огненные стрелы у славян см.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 13, 14; Они же: Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 5, 6, 14, 18.
- ²⁰ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 203.
- ²¹ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964. С. 255, 256. Рис. 75/19.
- ²² ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 57.
- ²³ Чернопицкий М. П. Курган с погребением «жрицы» на Кубани//СА. 1985. № 3. С. 251—255.
- ²⁴ Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране. М., 1982. С. 58, 76.
- ²⁵ Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. С. 24.
- ²⁶ Приношу благодарность Г. Н. Курочкину за эти сведения.
- ²⁷ Дмитриев А. В. Поселение майкопской культуры на Мысхако//XIII Крупновские чтения: Тез. докл. Майкоп, 1984. С. 34.
- ²⁸ Килишко В. Я. Семантика молоточковидных «булавок»//Там же. С. 34.
- ²⁹ Сов. ист. энцикл. 1973. Т. 14. С. 964.
- ³⁰ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 411—417, 763; Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 2. С. 1710.
- ³¹ Интересная параллель «путья—стрелы» заслуживает специального рассмотрения (путья—стрелы с обломанными или снятыми наконечниками, т. е. обезвреженные, «мирные»; горящие путья—огненные стрелы; горящая связка путьев — факел — как оружие,— пучок огненных стрел — пучок молний громовержца, и т. д.).
- ³² Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане//СА. М., 1952. Вып. 16. С. 134, 135.
- ³³ Ср. авестийский сюжет о первочеловеке, первом паре и «культурном герое» Йиме, трижды получавшем от Ахура-Мазды золотые стрелы: Маковельский А. О. Авеста. С. 72, 73.

В. И. КОЗЕНКОВА

ДАТИРОВКА КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТРУДАХ А. А. ИЕССЕНА (В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ)

Кобанская культура постоянно находилась в сфере научных интересов А. А. Иессена. По отдельным экскурсам в работах исследователя можно заключить, что у него имелось четкое представление о хронологическом соотношении памятников и отдельных предметов этой культуры.

Архив А. А. Иессена отражает исчерпывающий характер знания им объема и взаимосвязи источников. В этом, как нам кажется, секрет правильно угаданной в целом датировки кобанской культуры, до настоящего времени не опровергнутой новыми данными. Это объясняется подходом А. А. Иессена к хронологизации групп материалов, при котором

всегда предполагалось, что их дробное внутреннее хронологическое членение может измениться с появлением новых данных.

«Чрезвычайно опасно и неосмотрительно,— писал А. А. Иессен,— пытаться решать все вопросы на основании уже известного недостаточного материала источников, смыкание неполных рядов фактов в отношении хронологии неизбежно должно привести к искусственно укороченным хронологическим схемам, к известной боязни ранних датировок...»¹

Этой общей установке исследователь оставался верен, что иллюстрируют схемы хронологического соотношения кобанских материалов, опубликованные в разное время (1941, 1950, 1951 гг.) в главных его работах².

Созданные А. А. Иессеном по разным конкретным поводам, эти схемы дают ясное представление о месте кобанской культуры в хронологии древностей Кавказа и сопредельных районов, о месте ее ведущих категорий в типолого-хронологической схеме кавказских культур, о соотношении между собой тех или иных памятников кобанского типа. Кобанская культура по признакам технологии была отнесена А. А. Иессеном к позднему этапу бронзового века и соответствовала позднекубанскому периоду. Хронологически «позднекубанский» или «кобанский» периоды для него тождественны³.

Динамичнее взгляды А. А. Иессена на абсолютную хронологию кобанской культуры. В ранних работах ее нижний рубеж определялся им концом II тысячелетия до н. э., а верхний — скифским периодом⁴. Обе границы неоднократно пересматривались А. А. Иессеном. Так, первоначально поздняя граница культуры была им определена VII—VI вв. до н. э.⁵, но к концу 50-х годов представление о начале «скифского» периода было уточнено А. А. Иессеном «до VIII в. до н. э.», что логически означало удревнение некоторых ярко выраженных кобанских памятников доскифского периода⁶.

Зарождение форм «собственно кобанской группы» исследователь относил к XII—XI вв. до н. э., что соответствовало и началу позднекубанского периода. Причем Кобанский могильник А. А. Иессен не считал самым ранним памятником, определяя сначала время большинства его погребений IX—VIII вв. до н. э. «Наиболее ранние комплексы собственно Верхнекубанского могильника,— писал А. А. Иессен в 1953 г.,— к начальным моментам в развитии кобанской культуры не относятся»⁷. Конкретными обоснованиями эта мысль не была подкреплена, за исключением одного, но чрезвычайно важного. А. А. Иессен обратил внимание на рисунок погребения 12 из раскопок Э. Шантра, где в одном комплексе с типично кобанским погребальным инвентарем были изображены двукольчатые удила, тип важный для установления абсолютной даты погребения. Датируя погребение 12 VIII в. до н. э., он считал его старше могил Каменноостовского могильника. Самыми поздними (VII—VI вв. до н. э.), по мнению А. А. Иессена, были погребения в Хабазе, Мукулане (бассейн Баксана), а также клад из пещеры Алмалыкая на территории Кабардино-Балкарии. Из района Кисловодска столь же поздним ему представлялось погребение 3 из раскопок 1946 г. в Березовском I могильнике, в комплексе которого имелись биметаллический кинжал, тесло, наконечник копья и своеобразный крюк с втулкой для насадки рукоятки.

Блестящая и безукоризненно точная работа по выделению памятников группы Новочеркасского клада позволила А. А. Иессену выделить и кобанские комплексы VIII—VII вв. до н. э. с конской уздой. Стало очевидным, что собственно кобанские памятники продолжали существовать не только в «раннескифское» (по его терминологии) время, но и раньше. «В этой группе проступают связи с кобанской культурой Горного Кавказа. Удила, встреченные в перечисленных комплексах (т. е. новочеркасского типа. — В. К.), сочетаются с бронзовым оружием кобанских типов...» Детальный анализ материалов, близких Новочеркас-

скому кладу, и новые факты заставили А. А. Иессена в 1953 г. еще раз обратиться к хронологии могил собственно Верхнекобанского могильника. По его мнению, группа Новочеркасского клада содержит «доказательства довольно широкого освоения железа» и «хронологически совпадает с более поздним комплексом древнекобанской культуры, следуя за тем ее ранним комплексом, где железо еще не встречается вовсе или, может быть, встречается как декоративный материал»⁸. К 1955 г. исследователь предполагал в Верхнекобанском могильнике уже не одну, как раньше, а две хронологически разные группы могил: 1) могилы VIII—VII вв. до н. э., синхронные Новочеркасскому кладу и содержащие наиболее ранние железные предметы; 2) группу ранних погребений X—IX вв. до н. э. без железа.

Учитывая общие, высказанные ранее соображения А. А. Иессена относительно позиции Верхнекобанского могильника среди древностей кобанской культуры («...соответствует только определенному и не начальному отрезку истории развития этого производства...»⁹), можно полагать, что он в дальнейшем был бы вынужден прийти к удревнению нижнего рубежа кобанской культуры (а следовательно, и позднекубанского периода) по крайней мере на столетие. Эта тенденция удревнить некоторые ранние кобанские комплексы лишь угадывается в поздних работах А. А. Иессена, но абсолютная дата нижней границы культуры (т. е. фактически грань между среднекубанским и позднекубанским периодами) оставлена им прежней, т. е. XII в. до н. э.

Накопленные с конца 50-х годов материалы, главным образом комплексные находки, как по самой кобанской культуре, так и по другим культурам, с ней связанным, во многом упорядочили относительное размещение ее памятников в шкале древностей. Выявлены новые источники для уточнения абсолютной хронологии ранних памятников, что подкрепляет предложенные в свое время даты А. А. Иессена.

В ареале выделенного Е. И. Крупновым восточного локального варианта кобанской культуры такими европейского значения памятниками являются Сержень-Юртовское поселение и могильник¹⁰, Майртупский могильник, исследованный в последние годы В. Б. Виноградовым и С. Л. Дударевым¹¹. В них оказались бесспорные аналогии не только материалам белозерского этапа срубной культуры не позднее рубежа II—I тысячелетий до н. э. (костяные пуговицы и бляхи, наконечник копья с прорезным пером), но и некоторым предметам периода HaB Центральной Европы (наконечники копий в Сержень-Юртовском могильнике)¹². Радиоуглеродный анализ угля из слоя Сержень-Юртовского поселения также подтвердил наличие раннекобанского пласта (получены даты: 1190, 947, 910, 677 гг. до н. э.)¹³. Все это свидетельствует о том, что даже культура восточного варианта, относительно поздняя среди древностей кобанского типа, к рубежу II—I тысячелетий до н. э. получила полное оформление основных признаков.

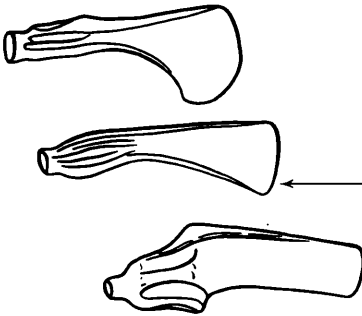

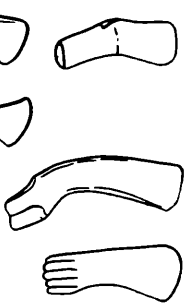
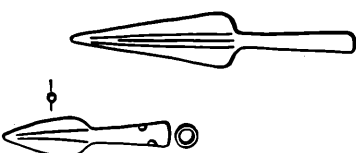
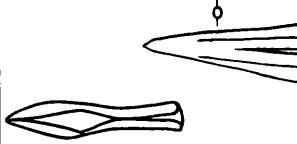

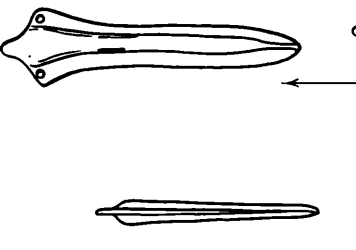
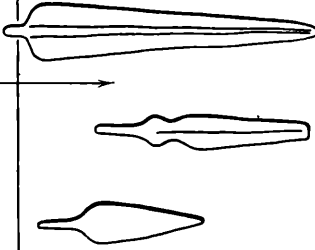
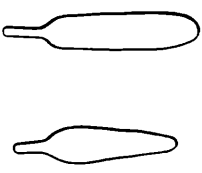

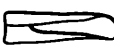

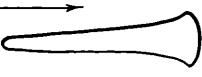
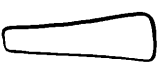
Важными для разработки внутренней хронологии кобанской культуры оказались материалы из слоя Бамутского поселения (раскопки Р. М. Мунчаева), в частности роговые псаллии самого начала I тысячелетия до н. э., каменная литейная форма с негативами для отливки бронзовых серпов кубанского типа и черешковых наконечников стрел кавказского типа¹⁴. При отсутствии малейших признаков железа среди находок данные эти — прочное свидетельство ранней даты функционирования памятника, может быть, от рубежа II—I тысячелетий до н. э. и не позднее середины VIII в. до н. э.¹⁵ Для установления нижней хронологической границы кобанской культуры важны находки из слоя Змейского поселения (раскопки Е. И. Крупнова и Д. В. Деопика). Здесь наряду с роговыми псаллиями, имеющими аналогии в раннебелозерских памятниках Северного Причерноморья, бронзовыми серпами типа негатива бамутской литейной формы, роговыми пуговицами была найдена вместе с раннекобанской керамикой бронзовая фибула (Kniefibel)¹⁶, близкая итальянским фибулам типа Панталича II (XI—X вв. до

н. э.). Это первая достоверная находка, которая позволяет при разработке датировки кобанской культуры прямо опираться на материалы Средиземноморья конца II — рубежа II—I тысячелетий до н. э. Подобного рода находкам А. А. Иессен придавал первостепенное значение. «Абсолютная хронология установилась бы наиболее бесспорным образом, — писал он, — если бы в составе соответствующих комплексов мы могли указать несомненно привозные и хорошо датированные вещи южного происхождения»¹⁷.

В связи с этим в новом свете предстают некоторые старые находки. Таков фрагмент бронзовой щитковой фибулы типа Schildfibel из могильника Северного кладбища Кобани (раскопки 1897 г. В. И. Долбежева). Как импорт из Подунавья впервые ее определил Д. Газдапустаи¹⁸. Щитковые фибулы — типичный предмет во многих памятниках НаА культуры полей погребальных урн XII—XI вв. до н. э.¹⁹ Важно, что в памятниках НаВ они встречены лишь sporadически и для этого периода не характерны.

Новые источники появились за эти годы и на территории Кабардино-Балкарии. Раскопки В. М. Батчаева удрешили дату существования Каменноостского могильника, предложенную А. А. Иессеном (VII в. до н. э.). В погребении 10 (раскопки 1971 г.) классический каменный ящик с кобанскими предметами был перекрыт каменно-земляной насыпью, в которой стояли горшки, аналогичные сосудам в памятниках белозерского этапа срубной культуры примерно XI—IX вв. до н. э.²⁰ Пересмотрен в сторону удревления и известный Былымский клад (Алмалы-кая), отнесенный в свое время А. А. Иессеном к кобанским древностям VII—VI вв. до н. э.²¹ главным образом на основании бронзовых булавок с навершиями в виде розеток и соляных значков. И. М. Мизиев раскопал в урочище Аманкол (Кабардино-Балкария) в верховьях р. Малки погребение, в котором такая булавка находилась в одном комплексе с бронзовым кинжалом, близким к кинжалам из курганов 7 и 8 станицы Андрюковской (раскопки 1897 г.). Сосуды Аманкольского погребения имели сходство с сосудом, в котором был спрятан Былымский клад. Все это говорит о ранней дате Былымского клада. В то же время мы не разделяем точку зрения В. М. Батчаева о том, что погребение Аманкол относилось к докобанскому периоду, поскольку близкие кинжалы имелись в погребениях у станицы Удобной, где они сочетались с серпами, аналогичными тем, что обнаружены в кобанском погребении на горе Бык, близ Пятигорска²². А. А. Иессен относил курганы у станицы Андрюковской к позднему этапу среднекубанского периода²³, т. е. к той группе древностей Северного Кавказа, которые уже несли в себе переходные черты. Относительная хронология подобных памятников, предложенная А. А. Иессеном, представляется безукоризненной. Что касается культурной принадлежности, то отказ некоторых авторов от признания в памятниках типа Былымского клада и Аманкольского погребения ярко выраженных кобанских черт кажется мне ошибочным. Оба памятника по керамике родственны, например, Былымскому жилищу конца II тысячелетия до н. э.²⁴, сосуды из слоя которого близки кобанским сосудам памятников горной зоны, типа Верхней Рутхи.

Новые материалы исключительной важности для уточнения нижнего рубежа кобанской культуры происходят из сел. Терезе на Подкумке (ареал западного варианта). Они позволили переосмыслить хронологию ряда старых материалов и значительно удренить начало формирования западной группы кобанской культуры. В комплексе гробницы 2 в Терезе оказались височные кольца, навершие булавы, булавки с навершиями с пятью шишечками, которые привыкли считать относящимися к эпохе средней бронзы (среднекубанский период, по А. А. Иессену). Но встречены они в сочетаниях с несомненно кобанскими формами (браслеты, височные кольца, биконические бусы, спирали для украшения головного убора)²⁵.

		
		
		
		
		
		
<p>А</p>	<p>Д</p>	<p>В</p>
<p>Позднекубанская группа — ранний этап</p>	<p>Среднекубанская группа ранний этап</p>	
<p>XII — XI вв. до н.э. до VII в. до н.э.</p>	<p>I тысячелетие до н.э.</p>	

Такие же переходные черты отмечены и в ряде погребений могильника Верхняя Рутха, а также в материалах могильника Беахнекуп. Сочетание в одном комплексе предметов, характерных для среднебронзового периода, и предметов кобанского типа вызывало ранее неоправданное недоверие и сомнение в чистоте комплекса. Теперь приходится констатировать, что на определенном этапе формирования кобанской культуры такое сочетание закономерно, и следует предполагать целый пласт подобных наиболее ранних ее памятников²⁶. Любопытно, что в этих комплексах неоднократно отмечалось присутствие предметов, характерных для культур конца II тысячелетия до н. э. и самого начала I тысячелетия до н. э. территории Северного Причерноморья и бассейна Дуная (костяные пуговицы и бусы, бронзовые бляхи с крестом в центре, булавы с шаровидной головкой сабастиновского типа, антропоморфные подвески культуры Ноа и т. п.)²⁷.

Хронология степных древностей поздней бронзы Восточной Европы и Предкавказья за последние годы уточнена исследованиями А. И. Тереножкина, А. М. Лескова, В. С. Бочкарева, В. А. Сафронова, И. Н. Шарафутдиновой, И. Т. Чернякова, А. Л. Нечитайло, Е. Н. Черных и других и приведена в соответствие с хронологической шкалой памятников Карпато-Дунайского региона²⁸. Пересмотрены в сторону удревления и даты некоторых основополагающих северокавказских памятников, в частности курганы у станицы Удобная.

Естественно, что в связи с этим встает вопрос и об удревлении того круга памятников центральной и западной частей Северного Кавказа, которые тесно переплетаются с материалами типа Удобной серией типологически однородных групп предметов, в первую очередь серпов и кинжалов. На то, что эта группа памятников имеет кобанский облик, мною указывалось неоднократно²⁹, однако их до настоящего времени иногда называют докобанскими, например погребение в каменном ящике на горе Бык.

По типам серпов оно близко сопоставляется с такими новыми, хорошо датированными памятниками XIII—XII вв. до н. э., как Таманский клад или клад из Констанцы³⁰, но по типу погребального сооружения и форме кинжала еще А. А. Иессеном определялось как «типично кобанское»³¹, и это мнение остается в силе.

Таким образом, самое важное, что дает сопоставление новых и давно известных источников,— это признание как достоверного факта существования целого пласта материалов кобанского облика во времени более раннем, чем время появления комплексов классического кобанского типа, включающих фибулы и топоры с гравированным орнаментом, при полном отсутствии железных предметов. Поскольку именно в этой группе заметное место принадлежит предметам позднебронзового периода конца II — рубежа II—I тысячелетия до н. э. степной части Северного Причерноморья и Центральной Европы, можно полагать, что этот пласт следует синхронизировать с позднесабастиновским и раннебелозерским периодами. Если использовать схему А. А. Иессена, то раннекобанская группа должна занять место между позднекубанским и среднекубанским периодами (рис. 1), а точнее, выделиться из той группы материалов, которую А. А. Иессен ориентировочно помещал в поздний этап среднекубанского периода. Интересно, что, характеризуя этот поздний этап, А. А. Иессен каждый раз подчеркивал переходный характер некоторых его категорий. Например, о теслах этого этапа он писал, что они образуют «как бы переход к бронзовым теслам колхидо-кобанской группы»³². То же прослеживалось им на долотах, кинжалах и топорах.

Рис. 1. Место раннекобанских древностей в относительной хронологии Северного Кавказа, схема на основе таблицы А. А. Иессена, см.: Иессен А. А., 1950 С.А. XII

Итак, очевидно, что из центральнокавказских материалов, синхронных позднему этапу среднекубанского периода, по А. А. Иессену, необходимо вычленил ряд материалов кобанского облика, которые следует рассматривать в контексте с позднебронзовыми памятниками, а точнее — видеть в них раннекобанскую переходную группу.

В том, что и А. А. Иессен это предвидел, нас убеждает «Примечание» к его таблице «Типологическое развитие инвентаря больших кубанских курганов». Касаясь хронологических групп III—V средне- и позднекубанского периодов, он писал, что они «даны обобщенно, хотя детальный анализ материала и в них позволяет наметить более дробные хронологические подразделения»³³.

Огромные данные накоплены в настоящее время по кобанской культуре периода ее расцвета. Новые источники уточнили хронологический порядок тех или иных памятников, особенно восточной и западной периферии культуры, а вместе с ними и известные во времена А. А. Иессена.

Процесс упорядочения внутренней хронологии кобанских памятников находится в постоянной динамике. Ряд источников (Тли, Инжиччу-кун, Кяфарский клад) пересмотрен в сторону удреждения (исследования Б. В. Техова, В. Г. Котовича, В. Б. Виноградова, С. Л. Дударева)³⁴, что представляется неизбежным, если рассматривать кобанскую культуру в единой системе культур определенной эпохи на широкой территории. Однако появились и работы³⁵, в которых, по существу, извлекаются из забвения хронологические концепции прошлого века, в которых кобанской культуре отводится место некоего частного кратковременного явления, блеск и самобытность которого втискиваются в прокрустово ложе ловко сгруппированных, но сиюминутных своей наукообразностью гипотез.

В связи с этим уместно напомнить точку зрения А. А. Иессена, считавшего, что недостаточность источников, не дающих полной картины смены отдельных этапов, порождает стремление к укороченным хронологическим построениям. «Такие искусственно укороченные хронологические ряды таят в себе опасность серьезных ошибок при их использовании в историческом построении, так как при сопоставлении с хронологическими данными по лучше изученным территориям могут привести к искаженному представлению о культурной отсталости той территории, для которой пользуются укороченной, сжатой хронологией»³⁶.

¹ Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов»//СА. 1950. № 12. С. 194.

² Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии//МИА. 1941. № 3. С. 16. Табл. I; *Он же*. К хронологии... С. 199 и таблица-вклейка «Типологическое развитие инвентаря больших кубанских курганов»; *Он же*. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века//МИА. 1951. № 23. С. 117.

³ Иессен А. А. К хронологии... С. 175.

⁴ Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе//Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 120. С. 111, 136.

⁵ Иессен А. А. Археологические памятники... С. 16. Табл. I.

⁶ Иессен А. А. Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа//Тез. докл. на пленар. заседаниях конф. по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1954 года. М., 1956. С. 14, 15.

⁷ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР//СА. 1953. № 18. С. 107.

⁸ Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе//ВССА. 1954. С. 126, 127.

⁹ Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии... С. 119.

¹⁰ Козенкова В. И. Кобанская культура: (Восточный вариант)//САИ. 1977. Вып. В2—5; *Она же*. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры//Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. М., 1977, С. 70—95.

¹¹ Даутова Р. А., Дударев С. Л., Власова Т. Н. К изучению материалов рубежа II—I — начала I тысячелетия до н. э. из плоскостной Чечено-Ингушетии//Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982. С. 69; Виноградов В. Б., Дударев С. Л. О хронологии некоторых памятников и комплексов начала I тысячелетия до н. э. из Карачаево-Черкесии и Пятигорья//Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983. С. 10.

¹² Gazdapusztai Gy. Beziehungen zwischen den präsarthischen Kulturen des Karapatenbeckens und des Nordkaukasus//Acta

- Universitatis de Attila Jozsef nominatae. Szeged, 1963. Bd. V. S. 13, 23; *Kossak G.* «Kimmerische» Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa//*Situla Razprave porodnega Muzeja v Ljubljani*. Ljubljana, 1980. Sv. 20/21. S. 131.
- ¹³ *Крупнов Е. И.* Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры//*СА*. 1969. № 1. С. 17.
  - ¹⁴ *Магомедов А. Р.* Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры//*СА*. 1972. № 2. С. 110—126.
  - ¹⁵ *Козенкова В. И.* К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа. Софий, 1975. I. С. 96.
  - ¹⁶ *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром: (Некоторые археол. параллели)//*Скифский мир*. Киев, 1975. С. 53, 54. Рис. 1, 7.
  - ¹⁷ *Иессен А. А.* К хронологии ... С. 186.
  - ¹⁸ *Газдапуштаи Д.* Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1962. Альбом. Рис. 10, 5.
  - ¹⁹ *Podborsky V.* Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle der Eisenzeit. Brno, 1970. S. 67. Abh. 13,7; S. 126; *Veliacik L.* Die Lausitzer Kultur in der Slowakei. Nitra, 1983. S. 56, 57. Taf. VIII, N 14.
  - ²⁰ *Батчаев В. М.* К вопросу о датировке Каменноостского могильника: (В свете раскопок 1971 г.)//*Древности Дагестана*. Махачкала, 1974. С. 103, 104.
  - ²¹ *Иессен А. А.* Археологические памятники... С. 20—22. Табл. IV, 1—7.
  - ²² *Батчаев В. М.* Клад из селения Былым//*Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии*. Нальчик, 1980. Вып. 1. С. 45—47.
  - ²³ *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии... С. 117. Схема хронологических соотношений памятников.
  - ²⁴ *Батчаев В. М., Кереев Б. М., Ступников Р. Н.* Раскопки в Былыме//*АО*. 1978. М., 1979. С. 113.
  - ²⁵ *Козенкова В. И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа//*СА*. 1982. № 3. С. 19—25.
  - ²⁶ *Козенкова В. И.* К вопросу о выделении древнейшего этапа кобанской культуры на Северном Кавказе//*XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. М.* 1982. С. 27—30.
  - ²⁷ *Биджиев Х. Х., Козенкова В. И.* Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкессия)//*СА*. 1980. № 3. С. 229. Рис. 2, 6; *Kozenkova V. I.* Rite de l'incinération des cadavres chez les cobans du Caucase//*Savaria. Som bathely*, 1984. Fig. 10, 2—3, 6. P. 157.
  - ²⁸ *Тереножкин А. И.* Основы хронологии предскифского периода//*СА*. 1965. № 1. С. 63—76; *Он же.* Киммерийцы. Киев, 1965. С. 186—195; *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа: Сообщ. Науч.-метод. совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М., 1974. Вып. 7. С. 23; *Bockarev V. S., Leskov A. M.* Jung- und spätbronzezeitliche Gusformen im nördlichen Schwarzmeergebiet//*Prähistorische Bronzefunde. Abt. XIX*. Bd. I. S. 68—85; *Leskov A. M.* Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet-1//*Prähistorische Bronzefunde. Abt. XX*. Bd. 5. S. 56—89; *Черных Е. Н.* Клад из Констанцы и вопросы балканско-кавказских связей в эпоху поздней бронзы//*СА*. 1981. № 1. С. 12—25.
  - ²⁹ *Козенкова В. И.* О протокобанской группе древностей на Северном Кавказе: Тез. докл. науч. конф., посвящ. новейшим открытиям в области археологии и 100-летию археол. съезда: Программа секцион. заседаний. Тбилиси, 1981. С. 8; *Она же.* К вопросу о выделении древнейшего этапа кобанской культуры... С. 27; *Она же.* Средняя Европа и Северный Кавказ: контакты и хронологические соответствия в эпоху поздней бронзы — раннего железа//*XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Майкоп*, 1984. С. 20, 21.
  - ³⁰ *Черных Е. Н.* Клад из Констанцы... С. 24, 25.
  - ³¹ *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии... С. 82.
  - ³² *Иессен А. А.* К хронологии... С. 172.
  - ³³ Там же. С. 200. Табл.-вклейка.
  - ³⁴ *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977; *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982. С. 18—46; *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.* О хронологии... С. 7—17.
  - ³⁵ *Воронов Ю. Н.* Восточное Причерноморье в железном веке: (Вопр. хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э.—VIII в. н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1984. С. 4—12.
  - ³⁶ *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии... С. 119.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КОЛХИДСКОЙ И КОБАНСКОЙ КУЛЬТУР *

В 1961 и 1963 гг. в Грузии в ущелье р. Арагви близ сел. Чабарухисхеви и пос. Пасанаури случайно были найдены два клада, ныне известные в специальной литературе как Чабарухский¹ и Пасанаурский². Без преувеличения можно сказать, что изучение этих кладов проливает новый свет на некоторые важные вопросы колхидской, кобанской и восточно-закавказской культур. Так, например, на вопрос о границах распространения, происхождения и ступенях развития некоторых характерных для этих культур образцов малой пластики, о «зверином» стиле графического декора, датировке отдельных предметов и т. д. Здесь мы ограничимся лишь двумя последними — вопросом так называемого кавказского «звериного» стиля и вопросом датировки как отдельных предметов кладов, так и некоторых известных комплексов, содержащих подобные предметы (например, Тлийский и Кобанский могильники). Но прежде чем подойти вплотную к их рассмотрению, в нескольких словах познакомлю вас с самими Чабарухским и Пасанаурским кладами.

Чабарухский и Пасанаурский клады состоят из вотивных предметов, принесенных в жертву в святилище, и представляют большой интерес во многих отношениях. В состав клада входят бронзовые кинжалы и топоры, конская сбруя, металлическая посуда (миски и кружки с зооморфной ручкой), различные украшения, сердоликовые и стеклянные бусы, образцы малой пластики, железные кинжалы и копья и др. Оба клада обнаружены на территории исторической провинции Грузии — Шида Картли, в Арагвском ущелье, в районе, где протекает кратчайший, а следовательно, и самый удобный путь Закавказья на Северный Кавказ; это вместе с другими факторами благоприятствовало установлению экономических и культурных взаимоотношений, которые прослеживаются между указанными областями уже с эпохи ранней бронзы. Кроме того, именно в этом районе одновременно нашли распространение металлические изделия как колхидской культуры, так и памятников Восточного Закавказья, в частности Самтаврского могильника.

Вряд ли можно назвать другой памятник такого типа, где образцы художественного ремесла были бы представлены в таком многообразии. Обращает на себя внимание, что здесь вместе представлены украшенные графическим декором пояса, топоры, фибулы и разные образцы малой пластики — зооморфные фигурки и декоративные пряжки, т. е. основные предметы, которые, собственно, и представляют искусство Кавказа эпохи раннего железа.

Следует отметить, что клады, обнаруженные на территории Грузии, по численности и многообразию составляющих их предметов превосходят северокавказские памятники этого типа; например, клады из Цхинвали, Уде, Чабарухи и Пасанаури содержат в себе лучшие образцы художественного ремесла того периода.

Искусство Кавказа эпохи раннего железа представляет собой весьма значительное художественное явление. Эта неотъемлемая часть древней культуры Передней Азии, подобно искусству других областей, входящих в состав последней, являет собой особый феномен.

Сегодня уже не вызывает сомнения, что для полноценной реконструкции или хотя бы для создания общего представления об искусстве той или иной эпохи необходимо изучение стиля характерных для нее памят-

* Настоящая статья написана по материалам доклада, прочитанного на XIII Крупновских чтениях в г. Майкопе в апреле 1984 г. К сожалению, в отчете о работе конференции, опубликованном В. И. Козенковой в журнале (СА 1984, № 4. С. 291—298), искажена суть моего доклада и допущен ряд неточностей в изложении процесса его обсуждения.

ников; это требует проведения специального, искусствоведческого анализа всего комплекса памятников искусства соответствующей эпохи.

Первая попытка исследования общего направления развития искусства Грузии дохристианских времен, в частности эпохи раннего железа, и научного его осмысления предпринята академиком Ш. Я. Амиранашвили³. Однако с тех пор прошло более сорока лет, и ситуация во многом изменилась. Накопился новый материал и возрос интерес к отдельным группам образцов художественного ремесла искусства Кавказа. Перечислю лишь некоторые из них: бронзовые ажурные пряжки⁴, антропоморфные⁵ и зооморфные⁶ фигурки.

В данном случае, как мы уже отмечали, нас прежде всего интересует вопрос стиля памятников художественного ремесла Кавказа эпохи железа, для характеристики особенностей которых применяется термин «кавказский звериный стиль».

Этот термин первоначально был использован по отношению к сугубо скифским образцам художественного ремесла. Впоследствии Ф. Ганчар применил его по отношению ко всем подобного рода памятникам Кавказа дохристианской эпохи⁷, что способствовало его укоренению; принял его и Ш. Я. Амиранашвили⁸.

На этом этапе исследования применение термина «кавказский звериный стиль» в отношении графического декора означенного времени было более или менее приемлемо. Однако после того, как были изучены характерные для Центрального Закавказья гравированные пояса и образцы малой пластики, стало ясным, что термин «звериный стиль» применяется уже по традиции; причем следует подчеркнуть, что в отношении малой пластики он вовсе не применяется (Г. Джавахишвили, М. Табукашвили, Н. Чубинишвили). По мнению А. И. Джавахишвили, этот термин на сегодняшний день утратил всякий смысл.

Однако что такое стиль вообще? В широком смысле в изобразительном искусстве под этим термином подразумевается совокупность исторически сложившихся изобразительных средств, характерных для той или иной конкретной эпохи и территории, т. е. в этом смысле мы имеем дело с эпохальным явлением.

Иногда этим понятием условно обозначают группу художественных памятников со схожими признаками. Так что же все-таки такое «звериный» стиль? Вот что пишет по этому поводу М. И. Артамонов: «...характерным признаком искусства этих племен (степная и лесостепная Евразия от Средней Европы до Северного Кавказа) было преобладание среди сюжетов изображений различных животных или их частей, ввиду чего оно относится к так называемому «звериному» стилю, распространенному у многих народов на ранней (архаической) стадии их развития»⁹.

И хотя термин «звериный стиль», как правило, употребляется с определением «так называемый», это по существу не меняет положения: термин весьма условен и, главное, не точен. И если он более или менее применим в отношении скифского искусства, то пользоваться им для характеристики памятников кавказского художественного ремесла недопустимо. Это несоответствие особенно четко проявилось при попытке изучения данных памятников по отдельным группам. Именно по этой причине, в отличие от Ш. Я. Амиранашвили и Фр. Ганчара, нами была предложена несколько иная схема развития «звериного» стиля.

В специальной литературе были предложены две периодизации кавказского «звериного» стиля, выделяющие в его развитии три стадии.

1 периодизация. Ф. Ганчар выделяет: 1) ориенталистическую стадию, включающую памятники майкопской культуры; 2) закавказскую стадию, включающую ганджа-карабахскую, лелварскую и кобанскую культуры бронзового века; 3) закавказскую стадию, включающую памятники этих же культур железного века.

2 периодизация. Ш. Я. Амиранашвили выделяет: I стадию — майкопской культуры, II стадию — триалетской культуры, III стадию — па-

мятники Западной и частично Восточной и южной Грузии, частью Западного Азербайджана и пограничных с Грузией северных районов Армении, памятники Талыша и Ленкора эпохи поздней бронзы и раннего железа. Таким образом, обе периодизации охватывают памятники Кавказа, начиная с эпохи раннего металла и до железного века включительно. Вышеупомянутые периодизации явно нуждались в существенной поправке.

По моим понятиям, на примере скифского искусства «звериный» стиль подразумевает не использование животных в декоре самих по себе, а особую манеру их передачи — стилизацию, выражающуюся в основном в их схематизации, орнаментально-символической трактовке и т. д. Это явление эпохальное, порожденное особым социально-экономическим укладом общества. По этой причине памятники майкопской и триалетской культур не могут быть включены в круг памятников «звериного» стиля, так как искусство Кавказа эпохи ранней и средней бронзы, с одной стороны, и начала I тысячелетия до н. э. — с другой, как по содержанию, так и по стилю представляет собой совершенно разные явления.

Особенности кавказского искусства нами были изучены по памятникам художественного ремесла колхидской и кобанской культур, в частности по графическому декору художественной бронзы. Графический декор можно подразделить на два вида: зооморфный и геометрический. Зооморфный декор состоит из изображений оленя, лошади, собаки, рыбы, птицы, быка. Более многообразны геометрические узоры: кружок с семиконечной звездой, шестилепестковая розетка, кресты, солярный знак вечного движения и др.

Исследование материала позволило выявить и установить закономерность, которой подчиняется графический декор колхидско-кобанских топоров, имеющий характер определенной системы, так же как и принцип композиционного распределения составляющих его частей.

Прежде всего следует отметить, что главный элемент декора помещается на лопастях топора, остальные же занимают подчиненное ему положение. По тому, как распределен главный элемент, выделяется два варианта декоративной системы: первый вариант, в котором главный элемент спарен и симметрично, геральдически расположен на обеих плоскостях лопасти (рис. 1), и второй вариант, в котором главный элемент один и расположен на всей поверхности топора (рис. 2).

Обычно на лопасти с обеих сторон изображено одно и то же животное в профиль (когда изображается олень, лишь рога переданы в фас) или же одинаковый геометрический узор, чем и создается геральдическая симметрия. Тем самым декор приобретает упорядоченный характер, иногда этот порядок нарушен, и в таких случаях на одной плоскости лопасти всегда изображена собака, на другой же — лошадь, змея, мальтийский крест и солярный знак (рис. 3).

В большинстве случаев талию топора охватывает широкий геометрический узор — пояс, разделяющий декоративное убранство на две части; кроме того, этот пояс вместе с боковыми краями и краем лезвия создает определенное обрамление для изображения, нанесенного на лопасти.

Топоры, на лопастях которых помещены изображения оленей, иногда не имеют поясов. В таких случаях впечатление опоясывающего орнамента создают переходящие на лобную плоскость топора кончики оленьих рогов, образующие три подобных ряда (рис. 4).

На памятниках художественных ремесел — топорах, копьях, кинжалах, булавах, пряжках, фибулах и других — животные всегда переданы в движении, иногда голова повернута назад, живот сильно утончен, круп приподнят, передние конечности развернуты внутрь, лапы в виде треугольных копыт или плавников. Стилизация настолько значительна, что иногда невозможно определить, какое животное хотел изобразить мастер.

Графическое искусство Центрального Закавказья изучено по графическому декору бронзовых поясов. Вот что пишет М. Хидашели: «Изображенные на поясах фигуры, выполненные в графической манере, под-

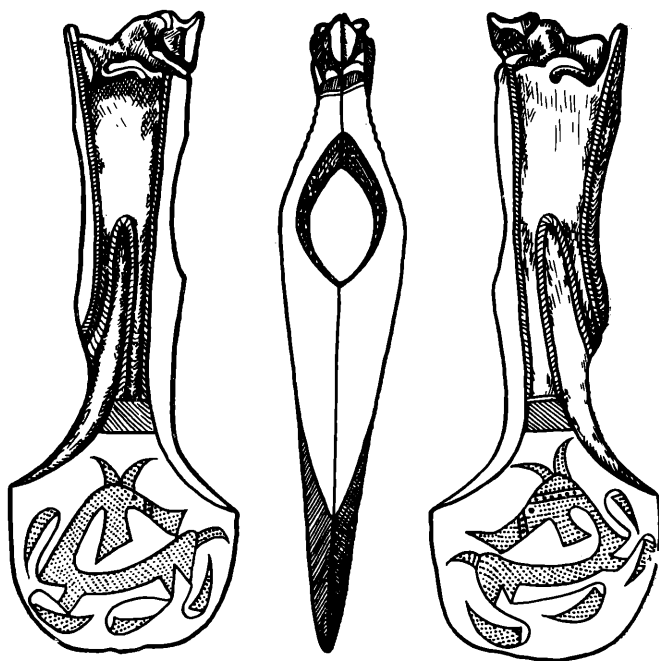

Рис. 1. Бронзовый топор с изображением собаки, с. Тли, погребение 51

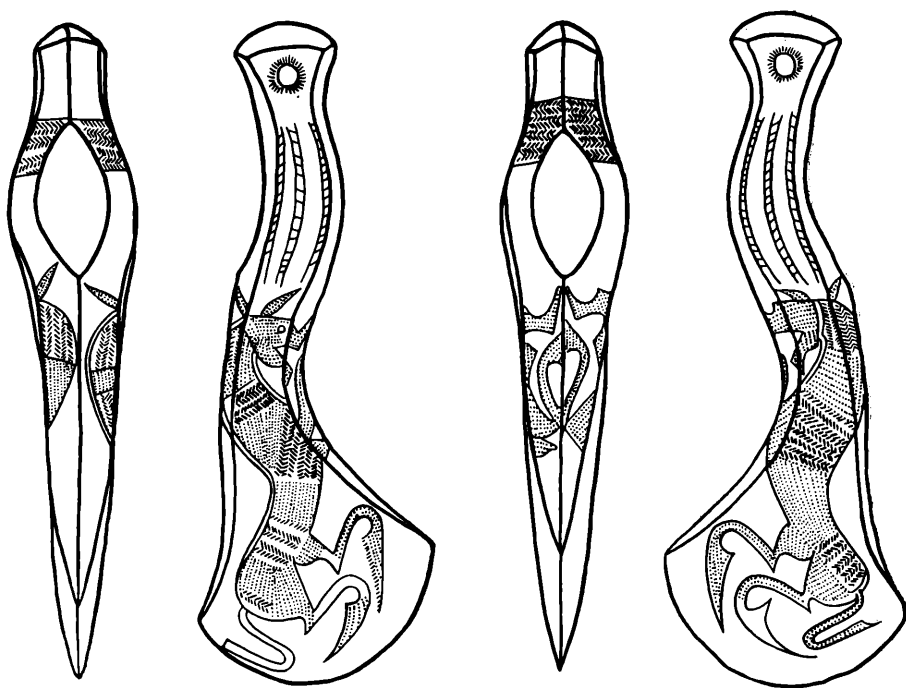

Рис. 2. Бронзовый топор с изображением собаки, с. Тли, погребение 161

черкнуто декоративны и сильно стилизованы. Моделировка формы на плоскости условна и линейна... В связи с сильной стилизацией пластические элементы декора превращаются в 'декоративно-орнаментальные и отличить их друг от друга не удастся». И далее : «...бронзовые пояса характеризуются функциональным, художественно-декоративным и стилистическим единством, что позволяет предположить, что мы имеем дело

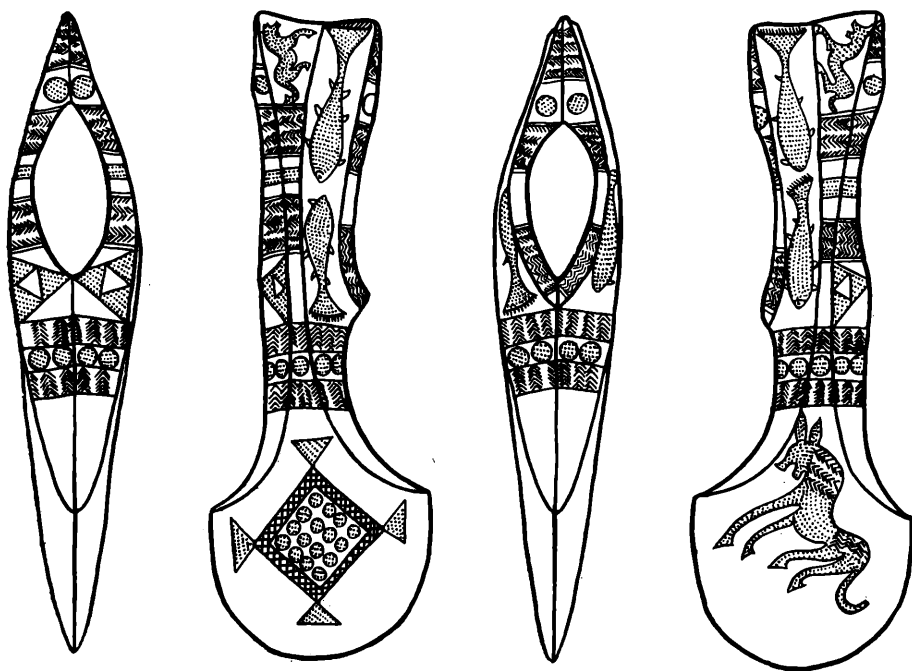
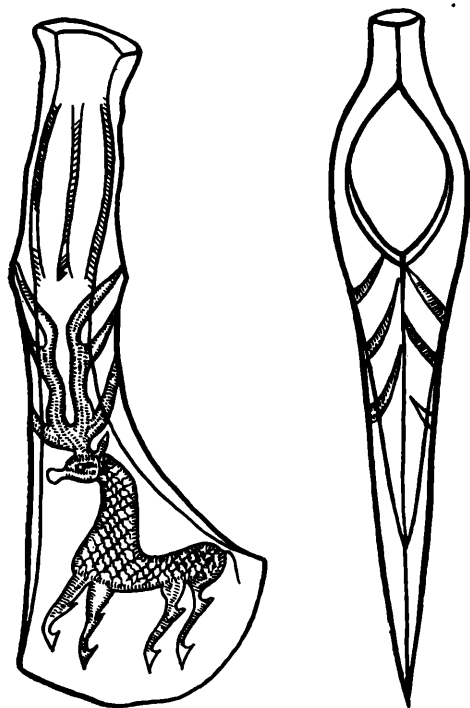

Рис. 3. Бронзовый топор с изображением «мальтийского» креста и собаки, с. Тли, погребение 52

Рис. 4. Бронзовый топор с изображением оленей, Чебарухский клад

с одним художественным феноменом, являющимся общим для всего Центрального Закавказья»¹⁰.

Сравнение художественного стиля этих памятников позволяет установить их стилистическое единство.

Композиции всех этих памятников носят одинаковый декоративно-орнаментальный характер.

Каждый из памятников отличается существенными особенностями, но не переступает границы общего и единого для них художественного стиля.

Итак, анализ фактического материала приводит нас к выводу, что графическое искусство, как определенный художественный феномен, явление исключи-

тельно цельное, самобытное и типичное именно для Закавказья определенного времени.

Для понимания данного явления первостепенное значение приобретает его правильное размещение во времени.

Когда мы сопоставили существующие для колхидской и кобанской культур датировки и результаты исследования конкретного материала, перед нами раскрылась довольно своеобразная картина культурного феномена, яркого, самобытного, но застывшего как по содержанию, так и по форме на протяжении более чем полтысячелетия. Это противоречит

как общим представлениям об историческом процессе, так и тому, что известно о социально-экономическом развитии Кавказа в эпоху поздней бронзы и железа ¹¹.

Изучение графического искусства художественных памятников позволило выявить, что в нем получила отражение мировоззренческая система, соответствующая одной определенной стадии развития представлений о силах природы, когда происходит их персонификация в тех или иных символах и изображениях. Однако в содержании декора мы не наблюдаем эволюций сюжетов или персонажей; все они тесно переплетаются по смыслу в единое целое. Общий характер выражения, формы, как мы убеждаемся, определяется набором более или менее стереотипных элементов, комбинации которых по четкому декоративному принципу создают неповторимый облик этого столь многообразного, но цельного искусства. Вместе с тем именно в форме, в ее динамичности, манере ее трактовки проявляется тенденция развития от схематического натурализма к геометричности и стилизации. Это позволило наметить определенную последовательность в датировке. Графическое искусство Закавказья как определенный, конкретный художественный феномен бытует с самого конца IX в. до н. э. до I половины VI в. до н. э. включительно ¹².

Указанные обстоятельства позволяют нам предполагать, что применение термина «звериный» по отношению к кавказскому графическому искусству не вполне правомерно, поскольку, кроме изображений животных, здесь широко использованы также антропоморфные изображения. И если всякие виды искусства, где встречаются изображения животных, объединить под названием «звериный», в этом случае мы получим множество различных «звериных» стилей: на Кавказе — урартский, ганджакарабахский, колхидский; в Передней Азии — луристанский, в Европе — гальштатский, и, наконец, по тому же принципу к нему можно отнести ми своими многообразными изобразительными средствами, в частности — графическое искусство.

Так как же все-таки именовать кавказское искусство вообще, со всеми своими многообразными изобразительными средствами, в частности — графическое искусство.

Мы полагаем, что решить данный вопрос археологам будет весьма затруднительно. С большим успехом с ним должны справиться искусствоведы, однако при этом требуется большая осторожность, поскольку каждый новый термин, не вполне соответствующий самой сути вопроса, может внести дополнительную неясность.

На первых порах мы хотим предложить термин «графический стиль», имеющий только лишь описательное и классифицирующее значение ¹³.

¹ Хранится в Гос. музее Грузии в «Основном фонде» (Кол. 27—61).

² Хранится в Душетском краеведческом музее.

³ Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. Тбилиси, 1944.

⁴ Хидашели М. Ш. К истории художественной обработки бронзы в античной Грузии. Тбилиси, 1972.

⁵ Джавахишвили Г. И. Антропоморфная пластика в языческой Грузии. Тбилиси, 1984.

⁶ Табукашвили М. Н. Двукость в зооморфной бронзовой пластике: (Колхская культура). Тбилиси, 1983; Чубунишвили Н. Некоторые стилистические особенности изображения оленей в металлопластике древней Грузии по археологическим находкам Шида Картли и Кахети. Тбилиси, 1983. На груз. яз.

⁷ Hancar Fr. Problème des Kaukasischen Tierstils. Wien, 1935.

⁸ Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства.

⁹ Артамонов М. И. Скифо-сибирское искусство звериного стиля: (Основные этапы и направления): Проблемы скифской археологии//МИА. 1971. № 177. С. 24.

¹⁰ Хидашели М. Ш. Графическое искусство Центрального Закавказья в эпоху раннего железа. Тбилиси, 1982. С. 45, 46. На груз. яз.

¹¹ Паницхава Л. Н. К истории художественного ремесла Колхидской и Кобанской культур: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1975. С. 22, 23.

¹² Паницхава Л. И. К истории... С. 29; Хидашели М. Ш. Графическое... С. 25, 26.

¹³ Винер Б. Р. Статьи об искусстве. М., 1970. С. 63.

ГРЕЦИЯ НА ПОРОГЕ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Человечество узнало железо задолго до наступления настоящего железного века. Среди народов Передней Азии в III—II тысячелетиях до н. э. железо пользовалось репутацией драгоценного металла, наделенного к тому же особой магической силой¹. Бывали периоды, когда, судя по данным письменных источников, железо (скорее всего, метеоритное) оценивалось в пять раз дороже золота и в сорок раз дороже серебра². Эта ситуация начала меняться в XII в. до н. э., о чем свидетельствует прежде всего археология, создающая при всей неполноте и фрагментарности имеющихся данных весьма впечатляющую картину технического прогресса. Вот некоторые любопытные цифры, проливающие свет на первые шаги индустрии железа в Восточном Средиземноморье³. Для XII в. железное оружие составляет лишь 3% от общего числа находок этого рода изделий по всем странам региона. Для XI в. оно составляет уже 16% и для X в. — 54%⁴. За этот же период численность изготовленных из железа инструментов увеличилась от 11% в XII в. до 27% в XI и до 69% в X столетии⁵. Налицо, таким образом, резкий скачок в производстве железного оружия и орудий труда. Началом настоящего железного века, исходя из этой статистики, следует, по-видимому, признать X столетие, когда железо в этой важнейшей отрасли производства явно оттеснило бронзу на задний план.

Сразу же следует подчеркнуть, что процесс освоения железной индустрии шел далеко не равномерно в различных районах Восточного Средиземноморья. Сопоставление количества находок железных артефактов за те же три столетия — с XII по X в. — в шести основных странах региона ясно показывает, что к концу периода ведущими очагами производства нового металла стали Палестина и Греция вместе с Критом и другими островами Эгейды⁶. За ними следует Сирия и Кипр. В арьергарде оказываются Анатолия (всего 16 находок за три века) и Египет (только 6 находок за то же время). Эти цифровые данные позволяют сделать и другие не менее важные выводы. Они показывают, в частности, что распространение техники обработки железа шло с востока на запад, а не в противоположном направлении. Главной трассой был, по-видимому, морской путь, связывавший Сирию и Палестину с Кипром и Эгейдой. Этот вывод находится в явном противоречии с прежними миграционистскими теориями, согласно которым в Грецию железо принесли дорийцы, а на Восток библейские филистимляне⁷. Не подтверждается археологическими данными и другая популярная гипотеза, согласно которой широкое распространение железа в Восточном Средиземноморье началось после крушения Хеттского царства в Малой Азии, так как именно хетты были в течение долгого времени монопольными хранителями секрета обработки этого металла, так же как и основных его запасов⁸. Если бы дело обстояло действительно таким образом, следовало бы ожидать, что железо прежде всего завоеует основные районы Анатолии, смежные с государством хеттов, но как раз этого мы и не наблюдаем. Малая Азия, так же как и Египет, явно отставала в этот переходный период от других стран региона.

Объясняя причины перехода от бронзы к железу, Дж. Вальдбаум выдвигает достаточно парадоксальную гипотезу, которая сводит весь смысл произошедшего технического переворота, в сущности, к простой исторической случайности. В понимании американской исследовательницы основной причиной этого переворота были отнюдь не технические преимущества железа перед бронзой. Вальдбаум полагает, что таких преимуществ в то время еще и не могло быть, поскольку древние металлурги еще не умели должным образом контролировать температуру в пла-

вильной печи, что является совершенно обязательным условием при выплавке высококачественных сортов железа и стали. Действуя в значительной мере наугад, кузнецы, занимавшиеся обработкой железа, лишь изредка и в общем случайно ухитрялись получать изделия, сравнимые по своим техническим показателям с аналогичными изделиями из бронзы. Как правило, изготовленное ими оружие и инструменты были хуже бронзовых⁹. Если бронза все же была вынуждена в XI—X вв. до н. э. уступить свое место железу, то произошло это лишь потому, что из-за всяких политических неурядиц, связанных с вторжением «народов моря» и распадом ранее существовавших государств, страны Восточного Средиземноморья оказались отрезанными от источников олова, без которого производство бронзы было невозможно¹⁰.

На первый взгляд гипотеза Вальдбаум не лишена известных оснований. Действительно, судя по некоторым признакам, в XI—X вв. практически весь этот регион — от Египта до Греции — испытывал хронический недостаток бронзы, возможно, из-за отсутствия одного из двух главных компонентов этого сплава — олова. В этот период заметно сокращается общая численность бронзового оружия и особенно орудий труда, но здесь эту убыль можно было бы объяснить конкуренцией железа. Однако в это же время исчезают или становятся крайне редкими и такие предметы, в производстве которых в нормальных условиях железо никак не могло бы вытеснить бронзу, а именно различные виды домашней утвари, сосуды, статуэтки. Наконец, что особенно интересно, в некоторых районах, например в Сирии и Греции, возникает мода на железные украшения: кольца, браслеты и т. п., причем в X в. их общая численность даже несколько превышает число украшений из бронзы¹¹. Правда, уже в следующем IX столетии начинается своеобразный «бронзовый ренессанс». Снова появляются разнообразнейшие изделия из этого металла, в том числе и такие крупные предметы, как котлы и треножники¹². Очевидно, если следовать логике рассуждений Вальдбаум и других авторов, разделяющих ее точку зрения, в это время возобновились прерванные контакты с древними источниками олова или же были найдены какие-то новые его месторождения, чему могли способствовать великие географические открытия финикийских мореплавателей. Тем не менее ни в IX, ни в последующих столетиях бронза так и не смогла полностью восстановить свое господствующее положение в средиземноморской металлургии. Железо продолжало использоваться для изготовления всех рубящих, режущих и колющих орудий как военного, так и мирного назначения. Об этом свидетельствуют не только археологические находки, но и многочисленные упоминания о железе в «Библии» и у античных авторов, начиная с Гомера и Гесиода.

Уже само по себе это обстоятельство заставляет усомниться в том, что перебои в снабжении оловом были единственной причиной, вызвавшей переход от индустрии бронзы к индустрии железа. Видимо, ранее железо было не таким уж плохим металлом, и его преимущества перед бронзой заключались не только в его гораздо большей доступности и связанной с нею относительной дешевизне, но и в более высоких технических качествах. Это предположение подтверждается данными металлографического анализа древнейших железных артефактов, пусть пока еще не особенно многочисленными, но все же достаточно показательными. Интересную подборку таких данных содержит статья американских исследователей Мэддина, Мали и Тамары Уилер «Как начался железный век»¹³. Подобно Вальдбаум, авторы статьи полагают, что непосредственным стимулом, побудившим металлургов древнего Средиземноморья вплотную заняться изучением свойств железа, была нехватка олова и связанное с нею сокращение производства бронзы¹⁴. Однако в отличие от Вальдбаум Мэддин и его коллеги считают, что в процессе этого изучения уже в X в. до н. э., а может быть, и еще раньше был открыт способ карбонизации железа, т. е. искусственного повышения содержания углерода в металле, особенно в поверхностных его слоях¹⁵.

Эта операция позволила намного увеличить твердость железных изделий, так что в этом отношении они теперь не только не уступали изделиям из бронзы, но и превосходили их. Данные металлографического анализа показывают, что этот способ получения железа повышенной твердости или «оставленного железа» (*steeled iron*), как называют его авторы статьи, применялся древними металлургами вполне осознанно, отнюдь не наугад, как думает Вальдбаум. Некоторые из изготовленных ими предметов, например ножи, состоят из двух слоев металла, один из которых содержит твердое железо с повышенным содержанием углерода и образует рабочий край или режущую часть лезвия ножа, в то время как другой слой из обычного мягкого железа с низким содержанием углерода составляет всю остальную часть лезвия¹⁶.

По мнению тех же авторов, уже на одном из ранних этапов железного века, по крайней мере еще до 700 г. до н. э., был открыт и еще один важный технический прием, ведущий к увеличению твердости железных изделий, а именно их быстрое охлаждение посредством погружения в воду. Этот прием с большим знанием дела описывает Гомер в знаменитой сцене ослепления Полифена (*Od. IX, 391—93*): глаз циклопа, пронзенный Одиссеем и его спутниками с помощью обожженного на костре ствола оливы, издает шипение, подобно тому, говорит поэт, как шипит большой топор или тесло, которое кузнец погружает в холодную воду, врачая его (букв. в греческом тексте «*pharmassōn*»), ибо это придает силу железу. Правда, это еще не было настоящей закалкой железа. Как известно, при закаливании металл сначала охлаждается, а затем снова нагревается до определенной температуры. Как считают Мэддин и его соавторы, эта достаточно сложная техника получения высококачественных сортов железа была освоена античными металлургами не ранее IV в. до н. э. (в этом случае, как и во всех остальных, их убежденность основана опять-таки на данных металлографического анализа)¹⁷. Едва ли, однако, процедура закаливания железа получила сколько-нибудь широкое распространение в пределах античного мира даже и после IV в. Судя по некоторым признакам, древнее железо, несмотря на свою твердость, еще не было настоящей сталью и не обладало свойственной этому металлу упругостью (отсюда его повышенная ломкость). Видимо, именно по этой причине греческие и римские кузнецы вплоть до очень позднего времени делали только короткие мечи: при большей длине клинка они могли сломаться. Длинные мечи галлов и германцев, с которыми римляне познакомились во время вторжений этих варварских племен в Италию, имели другой недостаток: они были сделаны из слишком мягкого железа и поэтому гнулись чуть ли ни при каждом ударе¹⁸.

Итак, важнейшее техническое преимущество железа перед другими металлами — его большая твердость — было открыто и стало использоваться народами Восточного Средиземноморья уже в достаточно раннее время, судя по всему, не позже X в. до н. э. Недаром, уже в гомеровской поэзии слово *sideros* (железо) и производные от него используются как метафорические обозначения из ряда вон выходящей твердости (см., например: *Od. XIX, 494*). Подвергнутое специальной обработке «оставленное железо», хотя еще и не настоящая сталь, становится ведущим индустриальным металлом. Ему отдается решительное предпочтение перед бронзой в изготовлении всех видов наступательного оружия и самых разнообразных орудий труда, применяемых как в ремесленном, так и в сельскохозяйственном производстве. Однако несовершенство технического оснащения тогдашней металлургии на долгое время затормозило дальнейший прогресс в этой области древней технологии. Следует иметь в виду, что народы античного мира так и не научились плавить железо. Необходимая для этого процесса температура около 1600° в течение долгого времени оставалась недостижимой величиной. По выражению В. В. Иванова¹⁹, «температурный потенциал древних цивилизаций» был слишком низок. Изучение остатков древних горнов позволяет думать, что железная руда превращалась в них в так называемые «крицы»

(слитки металла с прослойками шлака), из которых путем кузнечной обработки устранялись затем ненужные примеси (так называемый «сыродутный способ») ²⁰. Первыми освоили приемы выплавки железа китайцы, возможно, уже в V в. до н. э. ²¹ На Западе этот секрет еще долгое время спустя оставался неизвестным. В сущности вся античная эпоха была лишь начальным этапом железного века. Многие важные потенции, таившиеся в новом металле, в то время так и остались неразгаданными.

Несмотря на все эти оговорки, значение произошедшего технического переворота остается неоспоримым. Несомненно, прав был Энгельс, назвавший железо «последним и важнейшим из всех видов сырья, сыгравшим революционную роль в истории, последним — вплоть до появления картофеля» ²². Уже первые успехи индустрии железа должны были привести к резкому сдвигу в соотношении стоимости двух главных металлов. Об этом, в частности, свидетельствует появление любопытных гибридных изделий вроде бронзовых ножей с железными вкладышами вдоль режущего края. Несколько таких ножей, датируемых концом XII в. до н. э., было найдено на островах Эгейского моря и в Аттике ²³. Находки такого рода артефактов убеждают нас в том, что греческие кузнецы, еще не овладев по-настоящему техникой выделки железных орудий, все же ценили бронзу выше, чем железо, и старались ее расходовать как можно более экономно ²⁴.

Разумеется, в то время, о котором сейчас идет речь, удешевление железа могло продолжаться лишь до известных пределов. Хотя и уступая в цене бронзе, а тем более золоту и серебру, оно все еще оставалось достаточно дорогим металлом. Этому могли способствовать такие факторы, как экономическая разобщенность тогдашнего греческого мира (отсутствие налаженных контактов между металлообрабатывающими районами и районами-потребителями), и в особенности трудности, возникавшие при самой обработке железа, которая требовала от кузнецов особой изощренности их мастерства. Это хорошо понимал уже Гомер, который нередко называет железо «*polykmetos*», т. е. буквально «многотрудным» или «требующим большого труда». В сочетании с этим эпитетом слово *sideros* обычно включается в стандартную эпическую формулу, обозначающую сокровища: «*chalkos te chrysos te polykmetos te sideros*». Еще в VIII—VI вв. до н. э. железные слитки в виде спиц и вертелов (так называемые «оболю» и «обелиски») имели широкое хождение в Греции в качестве денежных единиц, посвятельных даров и даже погребальных приношений ²⁵. Однако, являясь символом и одновременно материальным воплощением богатства, железо тем не менее оставалось важным предметом повседневного обихода, имеющим самое широкое применение в быту и в хозяйстве. Недаром начало жатвы (май-июнь) определяется в «Трудах и днях» Гесиода (387) как время, «когда люди начинают точить железо».

Еще в 1942 г. Г. Чайлд писал о «демократизирующем» воздействии железа на сельское хозяйство, ремесленное производство и военное дело ²⁶. Пример послемикенской Греции служит едва ли не лучшим подтверждением этой мысли замечательного археолога. Открытие способа обработки железа имело своим основным результатом резкое увеличение общей массы металла, находящегося в обращении, и, следовательно, более равномерное распределение его запасов между отдельными производственными ячейками, т. е. патриархальными семьями. Благодаря более дешевым и вместе с тем более эффективным орудиям труда вырос экономический потенциал малой семьи и в то же время уменьшилась ее зависимость от социальных организмов второго и третьего порядка, т. е. большой семьи, рода, общины и т. д. Широкое внедрение железа в экономику Греции сделало невозможным ее возвращение вспять к централизованным дворцовым хозяйствам микенской эпохи. Эта система хозяйственной интеграции в значительной мере базировалась на государственной монополии в металлургии и некоторых других

ведущих отраслях ремесленного производства и теперь, когда основной индустриальный металл стал практически общедоступным, перестала себя оправдывать²⁷. Таким образом, в ситуации, создавшейся после падения микенской цивилизации, железо должно было сыграть роль своеобразного катализатора, значительно ускорившего процесс нарастания частнособственнических, индивидуалистических тенденций в социально-экономическом развитии греческого общества, благодаря чему его структура стала более подвижной и пластичной, легче поддающейся всевозможным изменениям.

Вместе с тем едва ли можно признать вполне оправданной позицию тех авторов, иногда явно тяготеющих к марксизму, иногда далеких от него, которые считают железо главным и даже единственным фактором, обусловившим историческую специфику греческой цивилизации, своеобразие присущих ей форм социально-экономических отношений, государственного устройства, наконец, материальной и духовной культуры²⁸. Такой подход к решению проблемы «греческого чуда» представляется нам и слишком упрощенным, и методически неверным. Учитывая глобальный характер так называемой «революции раннежелезного века»²⁹, с одной стороны, и уникальность античного пути развития — с другой, гораздо логичнее было бы предположить, что своим возникновением этот исторический феномен был обязан весьма сложному и практически нигде более не встречающемуся стечению обстоятельств, включающему в свой состав в числе прочих взаимодействующих факторов также и переход к индустрии железа.

- ¹ Арешян Г. Е. Железо в культуре древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря//СА. 1976. № 1. С. 87 и сл.
- ² Veenhof K. R. Aspects of old Assyrian trade and its terminology. Leiden, 1972. P. 385.
- ³ Основные цифровые данные, использованные в статье, взяты из книги Дж. Вальдбаум (Waldbaum J. C. From bronze to iron: The transition from the Bronze Age to the Iron Age in the Eastern Mediterranean. Göteborg, 1978), содержащей наиболее полную за последние годы сводку археологического материала по данной теме.
- ⁴ Waldbaum J. C. From bronze to iron... P. 58.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ibid. P. 36. Tabl. III, 10.
- ⁷ Ibid. P. 67 f. См. также: Bouzek J. Homerisches Griechenland. Praha, 1969. S. 44; Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971. P. 217 f. Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. L., 1972. P. 119, 315 f.
- ⁸ Coghlan H. H. Notes on prehistoric and early iron in the old world. Oxford, 1956. P. 67; Waldbaum J. C. From bronze to iron... P. 67 f.; Cp. Jakovidis Sp. The appearance of iron in Greece//Athens Annals of Archaeology. 1970. T. III. N 2.
- ⁹ Waldbaum J. C. From bronze to iron. P. 68 ff.
- ¹⁰ Ibid. P. 72; Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. P. 237 ff. Cp. Desborough V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 316 f.
- ¹¹ Waldbaum J. C. From bronze to iron... P. 42. Tabl. IV, N 3. P. 48. Tabl. IV, 7.
- ¹² Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 116, 140; Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. P. 237 f.; Desborough
- ¹³ V. R. d'A. The Greek Dark Ages. P. 318.
- ¹⁴ Maddin R., Muhly J. D., Wheeler T. S. How the Iron Age began//Sci. Amer. 1974. Vol. 10.
- ¹⁵ Ibid. P. 122.
- ¹⁶ Ibid. P. 127. Cp. Forbes R. J. Metallurgy in Antiquity. N. Y., 1950. P. 409 ff.
- ¹⁷ Ibid. P. 126.
- ¹⁸ Ibid. P. 130 f.
- ¹⁹ Oakeshott R. E. The archaeology of Weapons. L., 1960. P. 54. Cp. p. 41.
- ²⁰ Иванов В. В. К истории древних названий металлов в южнобалканском, малоазиатском и средиземноморских ареалах//Славянское и балканское языкознание. М., 1977. С. 3 и след.
- ²¹ Forbes R. J. Metallurgy in Antiquity. P. 388 ff., 459.
- ²² Coghlan H. H. Notes on Prohistoria and Early Iron... P. 67; Wason C. R. Iron and steel//Acta Antiqua Acad. sci. hung. Vol. XXVI. Fasc. 3—4. 1978. P. 270.
- ²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 163.
- ²⁴ Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. P. 217 ff.; Desborough V. R. The Greek Dark Ages. P. 119, 315 f.
- ²⁵ Jakovidis Sp. The appearance of iron in Greece. P. 295 f.
- ²⁶ Forbes R. J. Metallurgy in antiquity... P. 458; Pleiner K. R. Iron working in Ancient Greece. Praha, 1969. P. 15 ff.
- ²⁷ Childe V. G. What happened in history. L., 1942. P. 183.
- ²⁸ Cp. Heichelheim Fr. An ancient economic history. Leiden, 1958. Vol. I. P. 196 ff.; Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества: Первые философы. М., 1959. Т. 2 С. 173.
- ²⁹ См., напр.: Bakhuizen S. C. Greek steel//

World Archaeology. 1977. Vol. 9, N 2. P. 229 ff.; Wason C. R. Iron and steel... P. 272 f. Cp. Shodgrass A. M. The Dark Age of Greece. P. 239; Starr Ch. G. The economic and social growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977. P. 25.

²⁹ В последнее время этот термин широко используется в работах некоторых немецких историков. См., напр.: Schlette Fr. Zur früheisenzeitlichen Revolution der Produktiv-Kräfte//Klio. 1979. Bd. 61, H. 2.

А. И. СЕМЕНОВ

К КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ УЧТЕПЕ

Новое обращение к проблеме атрибуции открытого А. А. Иессеном комплекса определяется рядом обстоятельств. Сделаны попытки пересмотра предложенной им интерпретации¹, вносящие более или менее принципиальные изменения², уточнения³ или качественно иное решение⁴. Появился новый полевой материал, подтверждающий часть прогнозов А. А. Иессена. Исследования последних лет значительно меняют представления об этнической природе находок, родственных учтепинской, на которые опирался А. А. Иессен, о вещевом составе этих комплексов и типах представленных в них предметов⁵. Поскольку ревизия взглядов А. А. Иессена не затрагивала до сих пор новые, открытые за последние 20 лет материалы степного круга, к которому он обоснованно причислил свою находку, данная заметка и посвящена соотносению высказанных точек зрения с этими новыми материалами.

Стоит повторить атрибуцию учтепинского захоронения в окончательной формулировке А. А. Иессена, ибо не все оппоненты заметили важную оговорку: «...погребение принадлежало хазарскому воину или, во всяком случае, лицу, с хазарским войском проникшему в Албанию»⁶. То есть А. А. Иессен не связал себя однозначной, казавшейся более предпочтительной атрибуцией, сознавая недостаточность имевшихся в то время критериев этноиндикации. Слишком одинок был памятник в районе открытия и слишком далекими и несхожими между собой по обряду были указанные им культурные аналогии из степного мира.

Единственная попытка привлечь данные погребального ритуала, сравнимого якобы с прослеженным на Учтепе, принадлежит Я. А. и Г. С. Федоровым, сопоставившим наличие камней в дромосах верхнепирютовских катакомб со «способом... оградить от грабителей впускное погребение Учтепинского кургана»⁷. Правда, исследователи оговаривали отличия в обряде дагестанских курганов с катакомбами от впускной могилы из Учтепе. Однако единственная намеченная ими линия сопоставления осталась недоказанной: в Учтепинском кургане камни принадлежали основному захоронению, лежали в непосредственной близости от впускного захоронения и найдены были не в пределах ведущего к нему хода, а «на склоне кургана ниже и вокруг начала хода», куда они, по мнению автора раскопок, были «несомненно вынесены в период сооружения и использования хода из центральной части кургана». Таким образом, ход не был забит камнями, а их наличие в «отводах» не увязывается с мерами, направленными против грабителей⁸.

Не дает оснований для пересмотра позиции А. А. Иессена и проведенная его оппонентами ревизия инвентаря. Ни введенное в его состав «обилие золотых украшений конского набора» (в кургане не найдены ни останки коня, ни достоверные остатки сбруи), ни указание на присутствие «мечей» (найден лишь один) не позволяют предпочесть выдвигаемую Федоровыми болгарскую, точнее, савирскую атрибуцию⁹, хотя

их солидарность с мнением о разноплеменном составе участников тюркских набегов на Закавказье и представляется обоснованной¹⁰.

Мифический «второй меч» включен и в другую, более радикальную и аргументированную попытку пересмотра взглядов А. А. Иессена. Г. Гропп, очевидно, счел «коротким мечом» обычных размеров нож, который и сопоставил с мечом на рельефе Шапура III в малом гроте Так-и Бостана¹¹. С очень содержательным осмыслением рельефа и связана ошибочная интерпретация Г. Гроппом учтепинского захоронения как принадлежащего персу. Возражая против моноэтнического (тюркского) происхождения поясов, подобных представленным в Так-и Бостане, Г. Гропп предложил противоположное направление в заимствовании, утверждая, «что народы Центральной Азии перенимали сасанидское обозначение ранга», выраженное составом пояса¹².

Веские возражения против абсолютизации значения изображений Так-и Бостана привел И. Вернер, считая, что «нет оснований для персидского приоритета в происхождении многочастных гарнитуров по сравнению с византийским, аварским, лангобардским или славянским». По его мнению, речь идет «о приблизительно одновременно охватившей широкие области моде»¹³. Эти доводы, ослабляющие «ираноцентристскую» позицию Г. Гроппа в целом, можно дополнить конкретными материалами из Учтепе. В частности, череп погребенного сближается с типом Среднеазиатского междуречья, характерным для «сарматов низовьев Волги, для населения Правобережного Цимлянского поселения, для населения, хоронившего своих покойников в Зливкинском могильнике». На этом основании В. В. Гинзбург допускал как вполне вероятное северное (степное) происхождение захороненного¹⁴.

Особое место в толковании погребения занимал перстень с пехлевийской надписью. Г. Гропп полагал, что принимает ее чтение, предложенное В. Г. Лукониным, но В. Г. Луконин видел в u'tgwb надписи не личное имя, а указание профессии — «адвокат»¹⁵. Ч. Балинт уже выразил оправданные сомнения в способности перстня служить доказательством иранской принадлежности погребенного, отрицая при этом, что перстень является печатью. В последнем он не прав¹⁶, но для атрибуции захоронения не важны в данном случае ни это обстоятельство, ни детали чтения. Несомненно — это личная иранская печать, но самостоятельно она так же мало способна определять этнический облик памятника, как и взятые отдельно античная гемма или византийская монета. Именно кочевнические могилы «примирают» в составе инвентаря дорогие вещи иранской и греческой работы, и лишь в редких случаях можно обоснованно судить о конкретных путях поступления этих вещей в степь¹⁷.

Погребение из Учтепе не может быть причислено к кругу памятников высшей кочевой знати, и надежды Ч. Балинта на возможность в будущем «полностью идентифицировать личность этого воина»¹⁸ выглядят излишне оптимистичными. Набор дошедших до нас имен кочевых предводителей VII в. слишком узок, чтобы считать, что одно из них может быть связано с редким, замечательным, но в общем-то не первостепенным учтепинским захоронением. И тонкая фольга золотых обкладок пояса, и скромность убранства меча, и легковесность личных украшений — все противоречит предположению об очень высоком ранге погребенного. По интересному наблюдению над аварским материалом, для представителей такого ранга характернее присутствие в могиле не однолезвийного, а более архаичного обоюдоострого меча, оружия инсигнии¹⁹. Это наблюдение кажется приемлемым и для Восточной Европы. Так, в перещепинской коллекции наряду с двумя однолезвийными представлен фрагментом и двулезвийный клинок²⁰. Двулезвийным мечом сопровождался золотой наборный пояс из Крупской, тогда как в погребении с серебряным поясным набором из Павлограда найден меч того же типа, что и оружие Учтепе (рис. 1, 1, 5) (рис. 2). Нехарактерно для представителей высшего ранга и наличие в могиле глиняной посу-

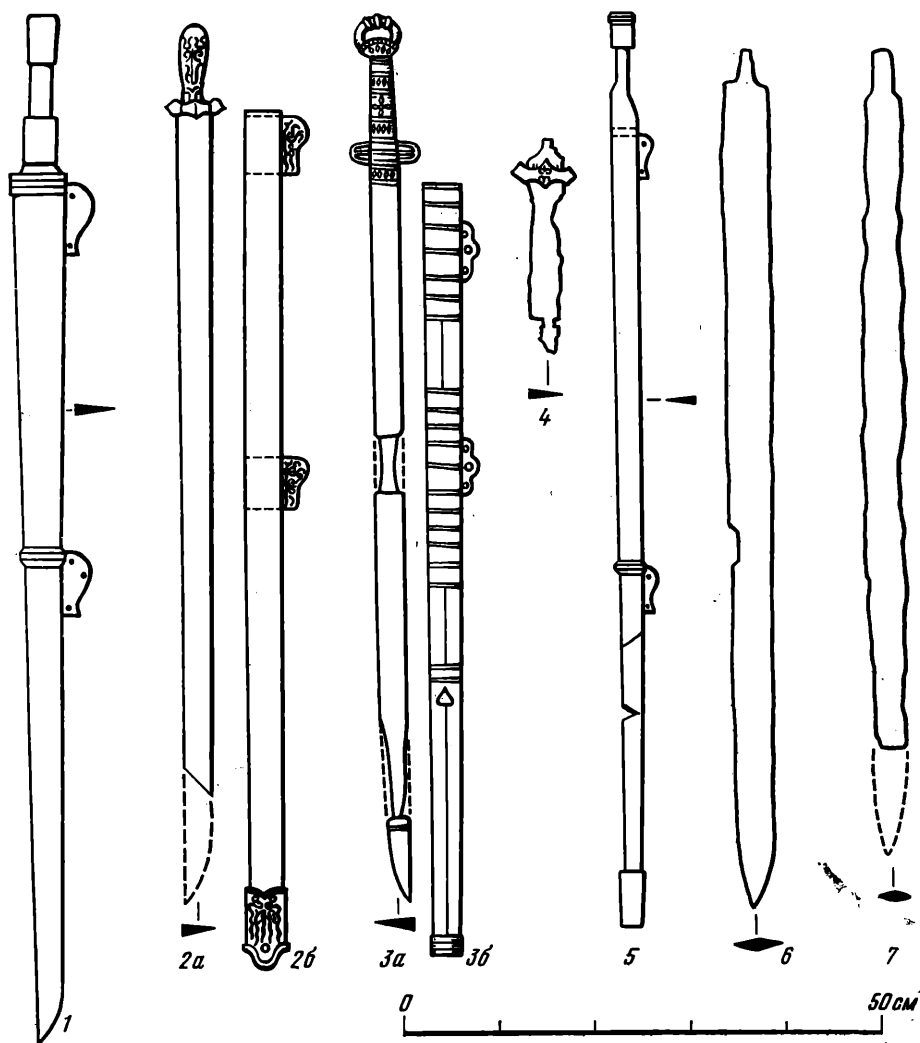

Рис. 1. Раннесредневековое оружие погребений степного круга

1 — Учтепе; 2 — Вознесенка; 3, 4 — Перещепина; 5 — Павлоград; 6 — хут. Крупской; 7 — Красюковская

ды. Едва ли не единственный комплекс перещепинского круга — Келегейская находка — содержал и керамику, но все же наряду с серебряным византийским блюдом и сасанидским кувшином²¹.

Могут ли определять общественное положение погребенного в Учтепе и его культурную принадлежность размеры насыпи или, что особенно подчеркнуто Ч. Балинтом, исключительно большие размеры самой могилы?²² Величина ямы была задана при совершении основного захоронения, и, судя по остаткам столбов и характеру заполнения, впускное погребение заняло лишь часть первоначальной могилы. Это затрудняет реконструкцию обряда, так как невозможно различить, что в этой ситуации отражает средневековые погребальные нормы, а что продиктовано древней использованной ямой? Например, ориентировка скелета точно совпала с направлением ее длинных сторон. Имело ли тут место сознательное стремление участников позднейшей церемонии придать погребенному ориентировку головой на юго-запад или все впускное сооружение было просто подчинено схеме сооружения древнейшего, что как будто подтверждают и расположенные строго вдоль стен линии столбов? Могли ли погребавшие сохранить способность верно определяться по странам света в самом центре насыпи после строительства

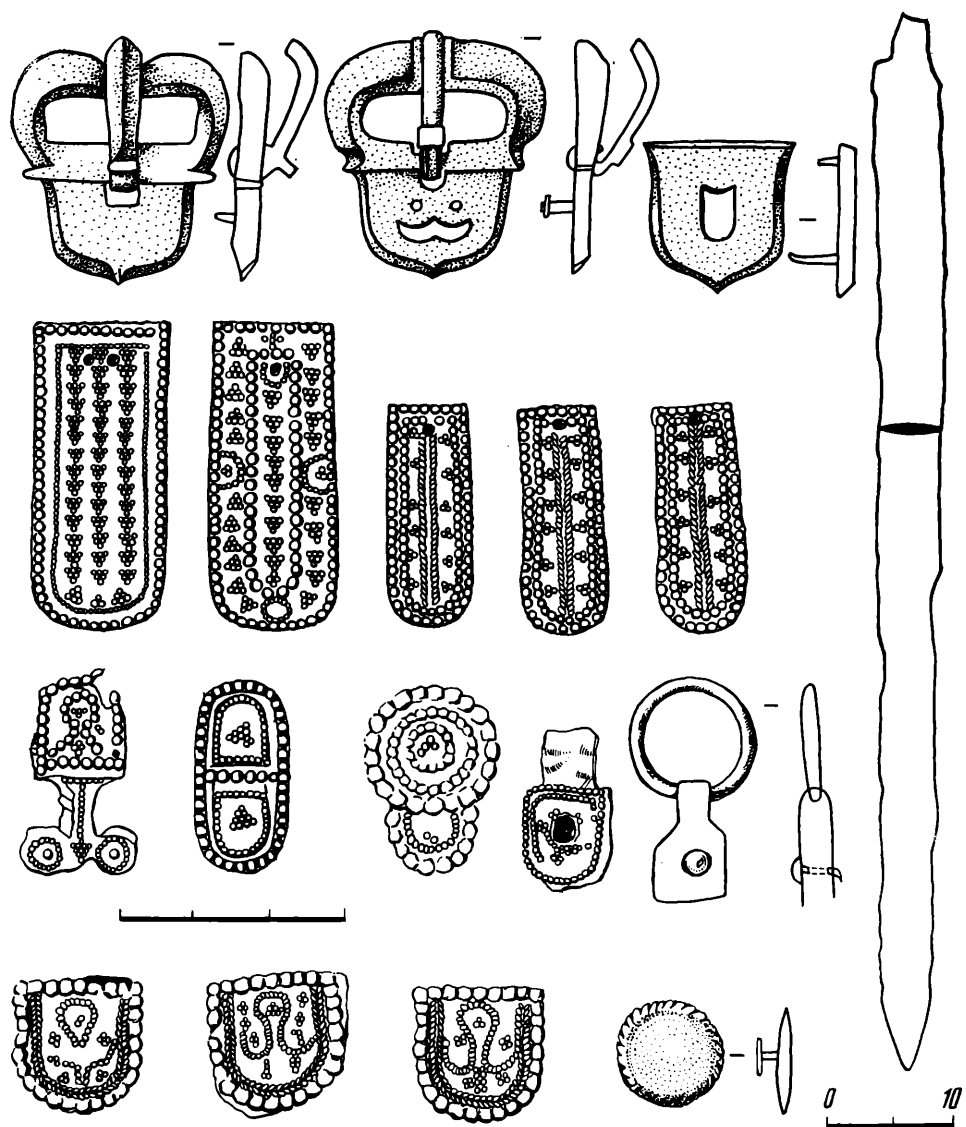

Рис. 2. Меч и поясной набор, погребение у хут. Крупской

длинного (36—40 м) извилистого штольнеобразного хода?²³ Связан ли выбор такой большой насыпи с высоким рангом покойника и, если да, почему предпочтение отдано самому маленькому (13 м) из трех курганов? Высота двух других насыпей этой группы 17 и 21 м²⁴.

Прилагаемая таблица содержит выборочные характеристики деталей обряда и элементов инвентаря раннесредневековых подкурганных кочевнических захоронений степной зоны, важные для сопоставления с соответственными чертами близкого в культурном отношении комплекса из Азербайджана. Из-за ограниченности места здесь приведены лишь наиболее показательные представители двух недостаточно четко различающихся групп, насчитывающих уже десятки погребений каждая. Явные различия в ритуале и инвентаре этих групп связаны и с географией находок. Впускные погребения верхней части таблицы открыты в Кубанском правобережье, где они образуют компактное скопление в пределах Великой Болгарии Феофана²⁵. Раскопками последних лет число могил такого типа увеличено в Восточном²⁶ и Западном Приазовье²⁷. Несмотря на интенсивные исследования, достоверные впускные захоро-

Признаки

Памятники	Основное	Всп. к.	Ориенти- ров	Квадр. раз	Подбой	Керамика	Перстни	Монеты	Оружие	Детали пояса	Кости лошадей
Хут. Крупской к. 4, п. 5 ²⁶	—	+	В	—	—	—	—	—	Двулезвийный меч (87 см), кинжал	Золото, серебр.	Череп и конечности
Павлоград к. 29, п. 2	—	+	В	—	—	—	—	—	Палаш с Р-образными петлями	Серебр.	Череп и конечности
Хут. Ленина к. 30, п. 3	—	+	ВСВ	—	?	—	—	—	Лук и стрелы	Серебр.	Чучело коня
Хут. Ленина к. 4, п. 10	—	+	ВСВ	—	?	—	—	—	Нож	Серебр.	Череп и конечности
Ст. Старонижнебл- евская, «Восточная ветвь»	—	+	СВ	—	—	—	—	—	Нож	Железн. пряжка, бронз.	—
1. кург. 3, п. 6	—	+	СВ	—	—	—	—	—	Лук, нож	Серебр.	Череп и конечности
2. кург. 4, п. 2	—	+	СВ	—	—	—	—	—	Лук и стрелы	Золото	—
3. кург. 4, п. 3	—	+	СВ	—	+	—	—	—	Палаш (108,5 см), нож	Золото	?
Учтепе, к. 3	—	+	ЮЗ	—	—	«Аланский» кувшин	+	Юстин (518—527)	—	Бронз., железн.	Череп и конечности
Дорофеевский, к. 13 ⁴¹	+	3	?	+	+	—	+	Фока (602—610)	—	?	Череп и конечности
Ираклий (610—641)	+	3	?	+	+	—	+	Конст. IV (681—685)	«Куски железн. шлага» ?	?	Череп и конечности
Ст. Романовская, 1884 г. ⁴²	?	?	СЗ	?	?	Горшок с углями	+	Леонт. II (695—698)	Лук	Серебр. пряжка	Череп и конечности
Пятибратный, к. 2 ⁴³	+	—	ЗЮЗ	+	+	Лепной горшок	—	—	—	Железн.	Кости 3 особей мини- мально
Соколовский, к. 11 ⁴⁴	+	—	ЗЮЗ	+	+	«Салтовск. горшок»	+	Лев III (725—732)	Однолезв. клинок, лук и стрелы	Серебр.	Череп и конечности
Хут. Веселый, к. 6 ⁴⁵	+	—	СЗ	+	+	Лепной горшок	—	—	Лук и стрелы, нож	Серебр.	Череп и конечности
Романовский I, к. 1 ⁴⁶	+	—	З	+	+	«Сосуд салтов. типа»	—	Лев III (717—741)	Сабля (?) с прямым пе- рекрестьем	Серебр.	Целый костяк
Центральный, к. 4 ⁴⁷	+	—	З	+	+	Дер. сосуд	—	—	—	Чучело	—
Кривая Лука XXVII, к. 5 ⁴⁸	+	—	З	+	+	—	—	—	—	Железн. пряжка	Череп и конечности
Ордынский бугор, к. 4 ⁴⁹	+	—	ЮЗ	+	+	Лепной кувшин	—	Аббасидский динар (760/761)	Лук, костяное навершие	—	—

Кубань. Культиура «Великой

Погребения «хазарской знати»
Дона и Волги

Погребения «хазарской знати»
Дона и Волги

нения этого типа остаются неизвестными в курганах Дона, где выявлены многочисленные близкие им во времени, но преимущественно основные погребения, объединяемые своеобразным обрядом (яркая черта — подквадратной формы ров вокруг насыпи) и связываемые большинством исследователей с хазарами²⁸. Несколько впускных погребений в донских курганах оказались подзахоронениями к основным могилам хазарского времени, тогда как все впускные погребения Прикубанья совершены в насыпях эпохи бронзы²⁹. Другим, устойчивым для каждой группы признаком, позволяющим провести линию их разграничения, является ориентировка. Можно допустить, что ориентировка кубанской группы (в целом в северо-восточный сектор) не случайно совпадает с ориентировкой впускных погребений гуннского периода³⁰, грунтовых раннесредневековых захоронений Северо-Западного Кавказа³¹ и впускного погребения с золотым поясом в Мадаре, также сопровождавшегося неполным скелетом коня³². За этими совпадениями, очевидно, может скрываться и принадлежность захоронений разных социальных уровней общей этнокультурной, по-видимому гунно-болгарской, среде.

Более сложно соотношение могил выделяемой на Дону группы с ямными грунтовыми погребениями салтово-маяцкой культуры Дона, приписываемыми обычно болгарам. Хазары сделали данниками болгар в правление хана Батбаяна, включив в состав каганата на западе, по крайней мере, Восточное Приазовье³³. По мнению С. А. Плетневой, болгары преобладали среди населения каганата численно, а в результате арабских войн донские болгары добились и господствующего положения, достигнув трона и лишив кагана реальной власти³⁴. До сих пор никто не пытался выделить среди грунтовых ямных захоронений салтово-маяцкой культуры Дона могилы представителей социальных верхов Хазарии. Принятая большинством археологов хазарская атрибуция подкурганых захоронений с квадратными ровиками не избавляет от необходимости решения в будущем вопроса, который здесь может быть только поставлен. Должны ли будут отличаться по обряду неизвестные пока археологически богатые болгарские погребения Дона от неулавливаемых сейчас рядовых собственно хазарских погребений?

Сложность различения болгарских и хазарских могил отмечал М. И. Артамонов, специально оговоривший и отсутствие «специфически болгарского или хазарского» в памятниках высшей кочевнической знати (Перешипина, Вознесенка, Глodosы)³⁵. Если в отношении погребений рядового населения и памятников социальных верхов вопрос в значительной мере остается открытым, то захоронения, связываемые обычно с «воинской верхушкой», могут быть дифференцированы с высокой степенью вероятности: впускные могилы Кубани связываются с болгарскими, а погребения под насыпями с квадратными рвами относятся к хазарам³⁶.

Намеченная оппонентами А. А. Иессена дискуссия о болгарской или хазарской природе учтепинского захоронения не находит пока завершения на основе новых полевых материалов. По одним признакам (ориентировка, наличие византийских монет, перстней, керамики) Учтепегтепее к «хазарской» группе, по другим (использование чужой насыпи, тип оружия и оформление ножен) — к болгарской. Своеобразие учтепинского комплекса не позволяет предпочесть одно из направлений этих связей. Не получает на новом материале более узкого культурного определения инвентарь Учтепе, хотя здесь и следует отметить ряд существенных обстоятельств. Новые полевые и архивные открытия подтвердили предположение А. А. Иессена о будущих находках однолезвийных мечей учтепинского типа в степных материалах. Такое оружие происходит из Вознесенки³⁷, причем одному из клинков принадлежали ножны с Р-образными петлями (рис. 1, 2)³⁸. Подтвердились и сомнения А. А. Иессена, не принявшего вошедшее в литературу определение однолезвийного перещепинского меча как сабли³⁹. Другой фрагментированный перещепинский клинок — с золотой инкрустацией лицевой сто-

роны перекрестья (рис. 1, 4) — тоже повторяет особенность учтепинского оружия: в случае его ношения на левом боку он также должен был быть обращен лезвием к портупейным петлям ножен⁴⁰.

В целом же новые материалы подтверждают мнение А. А. Иессена о принадлежности учтепинского захоронения степному кругу, а последующие попытки пересмотреть или уточнить предложенную им атрибуцию не подкрепляются известными в настоящее время находками. Вывод А. А. Иессена о принадлежности погребения «хазарскому воину или во всяком случае лицу, с хазарским войском проникшему в Албанию», без уточнения его этноса остается и сегодня наиболее корректным из всех предпринятых опытов интерпретации комплекса из Учтепе.

- ¹ Иессен А. А. Раскопки Большого кургана в урочище Уч-тепе//МИА. 1965. № 125. С. 153—182.
- ² Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
- ³ Bálint Cs. Vestiges archéologiques de l'époque tardive des sassanides et leurs relations avec les peuples des steppes// ААН. 1973. Vol. 30, N 1/2. P. 173—212.
- ⁴ Gropp G. Der Gürtel mit Riemenzungen auf den sassanidischen Reliefs in der Grossen Grotte des Taq-e-Bostan// AMI. 1970. N 3.
- ⁵ Werner J. Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren//BAW. Ph.-h. Kl. München, 1984. N. 91. Львова З. А., Семенов А. И. К проверке оснований реконструкции перещепинского меча//АСГЭ. 1985. № 26. С. 77—87.
- ⁶ Иессен А. А. Раскопки... С. 181.
- ⁷ Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние... С. 100.
- ⁸ Иессен А. А. Раскопки... С. 170.
- ⁹ Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние... С. 64—66, 138, 139, 194, 195.
- ¹⁰ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 155—156; Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние... С. 139. Нельзя признать доказанным допущение о принадлежности верхнеириотворских катакомб «хазарским вождям архаической эпохи», потомкам хана Ашина (Там же. С. 101). Центральноеазиатские аналогии инвентарю этого могильника не решают еще проблемы его этнической принадлежности, а сопоставления угольной подсыпки с «древней традицией трупосожжения» и забутовки дромосов камнями и кирпичами с насыпями «курганов из камней, практиковавшихся у сибирских тюрков» (Магомедов М. Г. Образование хазарского каганата. М., 1983. С. 91), вряд ли можно признать правомерными.
- ¹¹ Иессен А. А. Раскопки... Рис. 27; Gropp G. Der Gürtel... Taf. 123, 2.
- ¹² Gropp G. Der Gürtel... S. 279.
- ¹³ Werner J. Nomadische Gürtel Persern, Byzantinern und Langobarden//La civiltà del Longobardi. Roma. 1974. P. 109—139. Получают развитие старые идеи о зависимости и самого рельефа от византийского искусства VI в. (Herzfeld E. Am Tor von Asien. 1920. S. 73. Taf. 37; Lushey H. Stilentwicklung in der achämenidische und sassanidische Reliefkunst//IA. Leiden, 1975. Bd. XI. S. 129). М. Макинтош отмечает, в частности, что отдельные элементы рельефа «ближе византийским памятникам, чем известным сасанидским. См.: Mackintosh M. C. Taq-i Bustan and Byzantine art a case for Early Byzantine influence on the reliefs of Taq-i Bustan//IA. 1978. Vol. XIII. P. 177.
- ¹⁴ Гинзбург В. В. Антропологическая характеристика черепа человека из впускного погребения в кургане 3 в урочище Уч-тепе//МИА. № 125. С. 192, 193.
- ¹⁵ Луконин В. Г. Надпись на перстне из кургана в Уч-тепе//МИА. № 125. С. 193.
- ¹⁶ Иессен А. А. Раскопки... С. 181. Рис. 34, 1—3. На рис. 34, 2 дана фотография не оттиска, а отливки, сделанной с оттиска. См.: Bálint Cs. Vestiges... P. 185. Note N 42.
- ¹⁷ Подробно разработанную И. Вернером на перещепинском материале гипотезу об одаривании степного двора из Константинополя подкрепляют и некоторые не рассмотренные им вещи — «наградные (?) солиды» двухполовинного веса и реконструированный из фрагментов византийского облика скипетр.
- ¹⁸ Bálint Cs. Vestiges... P. 185. Note N 42.
- ¹⁹ Доклад И. Сентпетери на конференции в Новосибирске в 1982 г., подготовленный к печати в книге «Урало-алтаистика. Археология. Язык. Культура». Благодарю автора за позволение сослаться на известные мне по его рукописи результаты исследования (письмо от 20.XII 1984 г.).
- ²⁰ Львова З. А., Семенов А. И. К проверке... С. 87. Примеч. 41.
- ²¹ Фабрициус И. В. Літопис музею//Херсонський історико-археологічний музей. 1927. Вып. 8. С. 16. Рис. 18.
- ²² Bálint Cs. Vestiges... P. 185. Note N 42.
- ²³ Иессен А. А. Раскопки... С. 170, 194. Рис. 4, 18, 20, 21.
- ²⁴ Там же. С. 153.
- ²⁵ Чицуров И. С. Византийские исторические сочинения «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 36, 37, 60, 61, 110, 111.
- ²⁶ Комплексы Прикубанья происходят из раскопок 1978—1979 и 1982 гг. Приношу благодарность А. З. Алтекареву и И. И. Марченко за любезное позволение представить здесь материалы их раскопок.
- ²⁷ Орлов Р. С. Культура кочевников IV—VIII вв.//Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н. э. Киев, 1985. С. 98—105.

- ²⁸ Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура//Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Т. I. С. 71, 72; Каменецкий И. С. Код для описания погребального обряда//Древности Дона. М., 1983. С. 232.
- ²⁹ По-видимому, впускными были и разрушенные строительством погребения Чебургольского могильника (см. Семенов А. И. Раннесредневековая серебряная пряжка из Чебургольского кургана на Кубани//СГЭ. 1982. 47. С. 89, 90). Сведения об основных могилах отсутствуют.
- ³⁰ Засецкая И. П. Особенности погребального обряда гуннской эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья. АСГЭ. 1971. № 13. С. 67. Рис. 2.
- ³¹ Тарабанов В. А. Этническая принадлежность ранней группы погребений Казавского могильника//Проблемы хронологии памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1983. С. 95.
- ³² Миков В. Последни могили находки//Мадара, I: Раскопки и проучвания. С. 1934. С. 429—433.
- ³³ Чичуров И. С. Византийские... С. 37, 61, 154, 162.
- ³⁴ Pleinjowa S. A. Die Chasaren. Leipzig, 1978. S. 111—114. Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. С. 57, 58.
- ³⁵ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 175, 315, 316.
- ³⁶ Условный характер хазарской атрибуции должен сохраниться до выделения собственно тюркских захоронений в Восточной Европе.
- ³⁷ Гринченко В. А. Пам'ятка VIII ст. коло с Вознесенки на Запоріжжі//Археологія. Київ, 1950. Т. III. С. 42. Табл. II, 13, 14.
- ³⁸ Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 991. Оп. 1. Д. 152. Л. 56.
- ³⁹ Иессен А. А. Раскопки... С. 177; ср.: Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия XI в.//СА. 1950. Т. 13. С. 75; Львова З. А., Семенов А. И. К проверке оснований...
- ⁴⁰ Мнение А. И. Айбабина (Погребение хазарского воина//СА. 1985. № 3. С. 191. Рис. 1, 6, 7) о принадлежности двух фрагментов одному двулезвийному клинку — результат ошибки.
- ⁴¹ Лагоцкий К. С., Шилов В. П. Исследования Волго-Донской экспедиции//АО 1976 г. М., 1977. С. 158, 159. Отнесенное авторами к VII в. н. э. погр. 5 кургана I той же группы принадлежит, по-видимому, половецкой эпохе.
- ⁴² Erdélyi I. Az avarság és kelet: A régészeti fõrgrások tükrében. Budapest, 1982. 54, 55; 30 кр. Даны старые определения монет.
- ⁴³ Ibid. 79. Автору осталась неизвестной принадлежность тому же могильнику кургана II у Соколовской балки. Последний позволяет скорректировать дату близкого по обряду Пятибратного кургана — вторая половина VIII в.
- ⁴⁴ Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура... С. 71. Рис. 45. 16.
- ⁴⁵ Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 году//Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Т. II. С. 45—48. Табл. XXVIII—XXIX.
- ⁴⁶ Копылов В. П. Раскопки курганов на территории Донской оросительной системы//АО 1979 г. М., 1980. С. 113.
- ⁴⁷ Копылов В. П., Житников В. Г. Работы в зоне строительства Донской оросительной системы//АО 1978 г. М., 1979. С. 131.
- ⁴⁸ Федоров-Давыдов Г. А. В древней дельте Волги//Путешествия в древность. М., 1983. С. 59; Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки курганов на Нижней Волге//АО 1979 г. М., 1980. С. 144.
- ⁴⁹ Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв.//Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. Вып. III. С. 59.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Г. НАРИМАНОВ, Г. Ф. ДЖАФАРОВ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ БОРСУНЛУ

Первые сведения о палеолитических находках Карабахской зоны Малого Кавказа связаны с исследовательскими работами А. А. Иессена в Азербайджане. В 1954 г. в предгорьях Карабахского хребта (район сел. Ходжалы) были обнаружены два палеолитических орудия на отщепе. Одно — мустьерской эпохи из обсидиана — было поднято с поверхности территории мегалитического сооружения; другое — мустьерской эпохи из сердолика — найдено в сухом русле р. Илису¹.

В юго-восточной части Карабахских гор, в ущелье р. Гуручай, недалеко друг от друга находятся выявленные несколько позже известные палеолитические стоянки Азых и Таглар. В них представлены мощные культурные отложения разных стадий палеолита с значительным количеством орудий из твердых пород камня, среди которых из обсидиана составляют небольшой процент².

В 1983 г. в зоне Карабаха у сел. Борсунлу Мирбаширского района было открыто еще одно палеолитическое местонахождение. Здесь на правом берегу р. Инчачай, у самого подножия одного из отрогов восточного Малого Кавказа, под насыпью кургана эпохи ранней бронзы были обнаружены 40 орудий из обсидиана, о которых в данной статье даются первые сообщения. Изделия разной формы со следами вторичной обработки; они компактно лежали в земле, ниже каменного круга, окружающего насыпь кургана. По материалу они все из обсидиана. Исключение составляет миндалевидное орудие на крупном плоском отщепе, одна половина которого серого, а другая черного цвета.

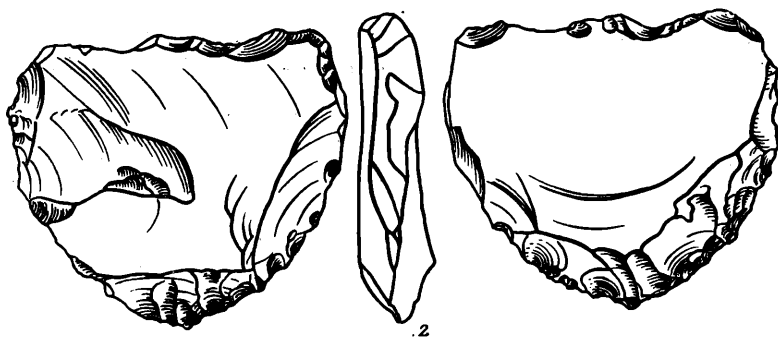
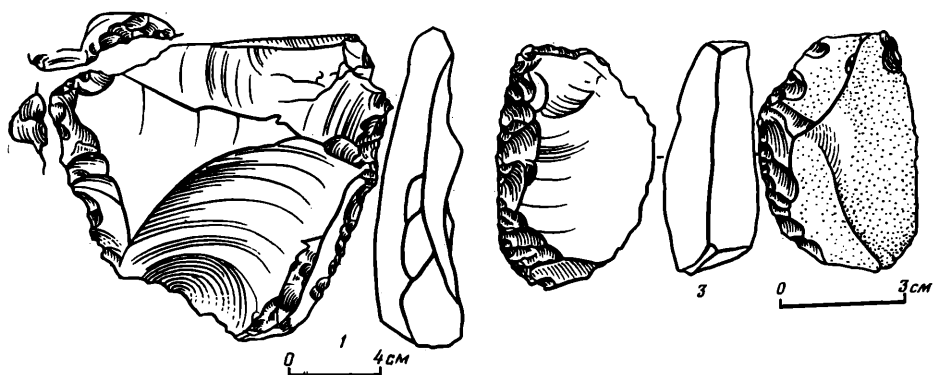
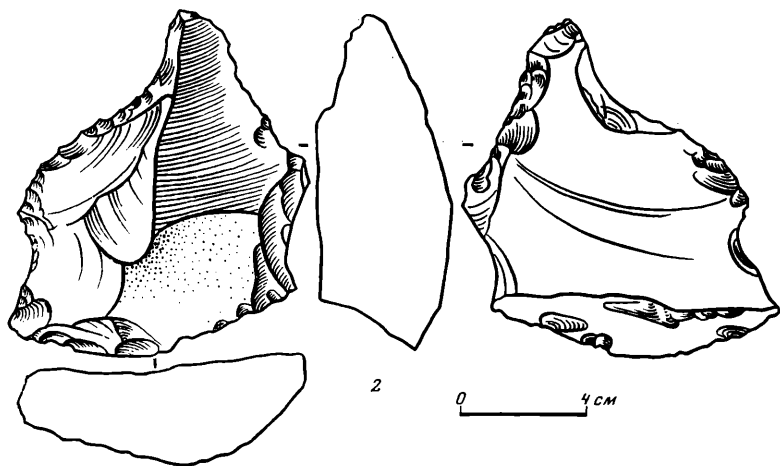
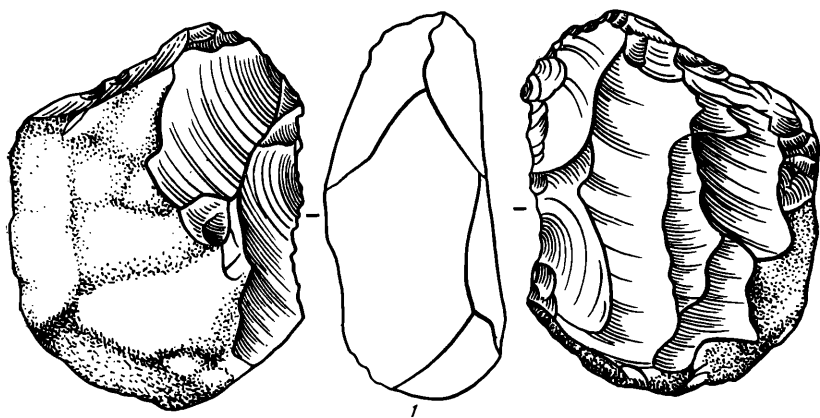
На месте обнаружения и вокруг не встречены ни осколки, ни отщепы обсидиана, которые указывали бы на обработку орудий на данном участке. На части орудий особый интерес вызывают следы переоформления, которые дают возможность разбить их на несколько групп.

1. Первая группа состоит только из орудий ашельского времени. Орудий всего два. Одно изготовлено на одностороннем ядрище с гладкой площадкой на одном конце, с которой сняты пластинчатые сколы. Нуклеус до конца не использован, однако один продольный край обработан с двух сторон крупными фасетками, что привело к образованию бифациального орудия — чоппинга (рис. 1, 1).

Другое орудие треугольной формы, с зауженным концом, который с обеих сторон обработан противлежащей ретушью. Один край почти полностью с подобной обработкой (рис. 1, 2). На других краях имеются небольшие такие участки.

2. Вторая группа состоит из четырех орудий с элементами ашельского, мустьерского и позднейшего времени (рис. 2).

Два из них — массивные широкие отщепы, со следами сколов и фасеток, покрытые глубокой патиной сероватого оттенка. На них отсутствуют следы вторичной обработки ашельского периода. На одном отщепе на месте старой площадки подготовили новую ударную площадку, с которой откололи отщепы, негативы которых обработаны еще раз мел-

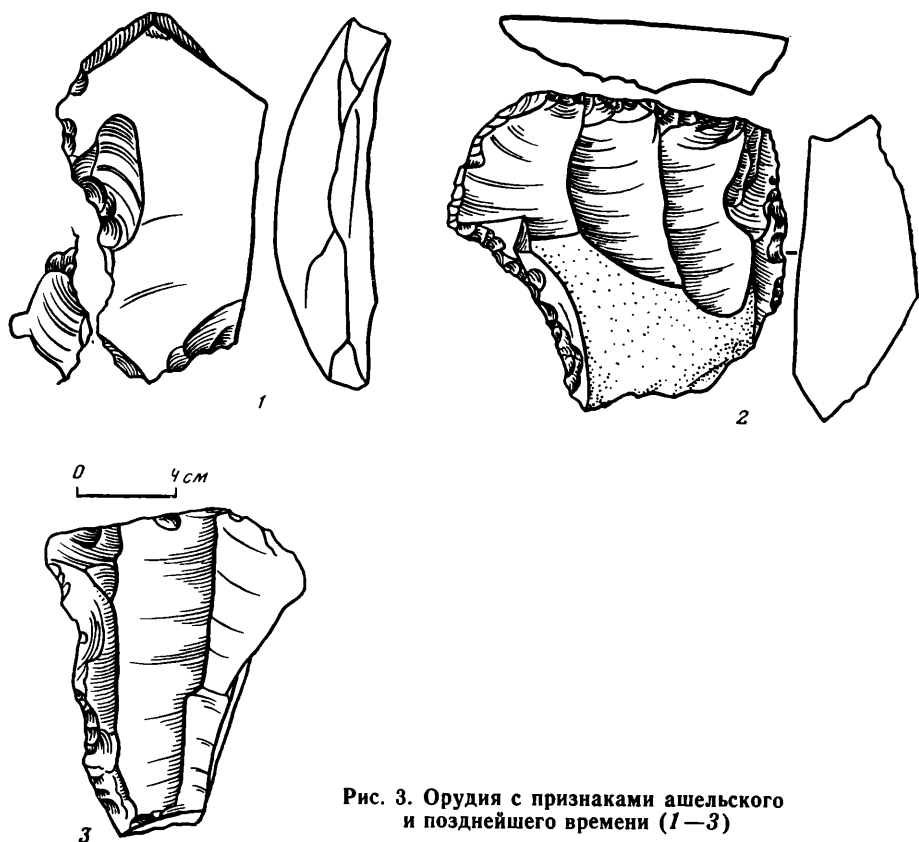

Рис. 3. Орудия с признаками ашельского и позднейшего времени (1—3)

кими фасетками. Все эти признаки характерны для эпохи мустье. На отщепе имеются и свежие повреждения (рис. 2, 1).

На другом отщепе только на одной поверхности большой негатив мустьерского времени. Края его обработаны, а в углу при площадочной части имеется двусторонняя обработка стесывающего характера. При этом плоской ретушью снят участок обработки мустьерского периода (рис. 2, 2).

Два других орудия этой группы изготовлены из пластинчатых отщепов овальной и подтреугольной формы, на которых также выделяются участки, судя по сохранности и патинизации, ашельского времени и рабочие элементы мустьерского периода. Легко различаются фасетки более позднего облика, которые иногда проведены над мустьерской ретушью (рис. 2, 3), типичного мустьерского скребла.

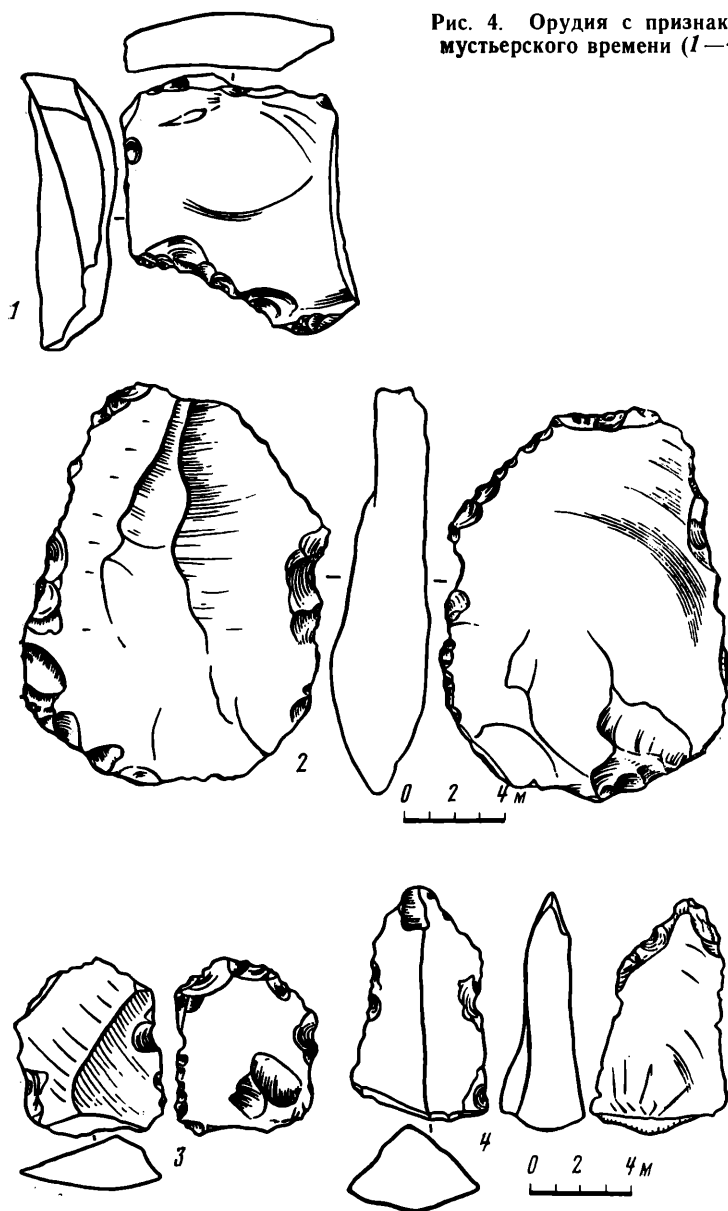
3. На орудиях следующей, третьей группы (6 экз.) встречены элементы обработки двух периодов — ашельского и позднейшего времени (рис. 3, 1—3). Одна половина орудий сделана на массивных отщепах, а другая — на массивных пластинчатых сколах. На последних хорошо различаются негативы пластинчатых снятий и местами следы вторичной обработки в виде фасеток по краям. На этих же пластинчатых изделиях также хорошо различается позднейшая обработка по краям, образующая местами выемчатость или скребковые участки.

Массивные отщепы этой группы отколоты от крупных желваков. На этих отщепах имеются ударные площадки и негативы пластинок позднейшего происхождения. Кроме этого, края отщепа обработаны ретушью

Рис. 1. Орудия ашельского времени (1, 2)

Рис. 2. Орудия с ашельским, мустьерским и позднейшими признаками (1—3)

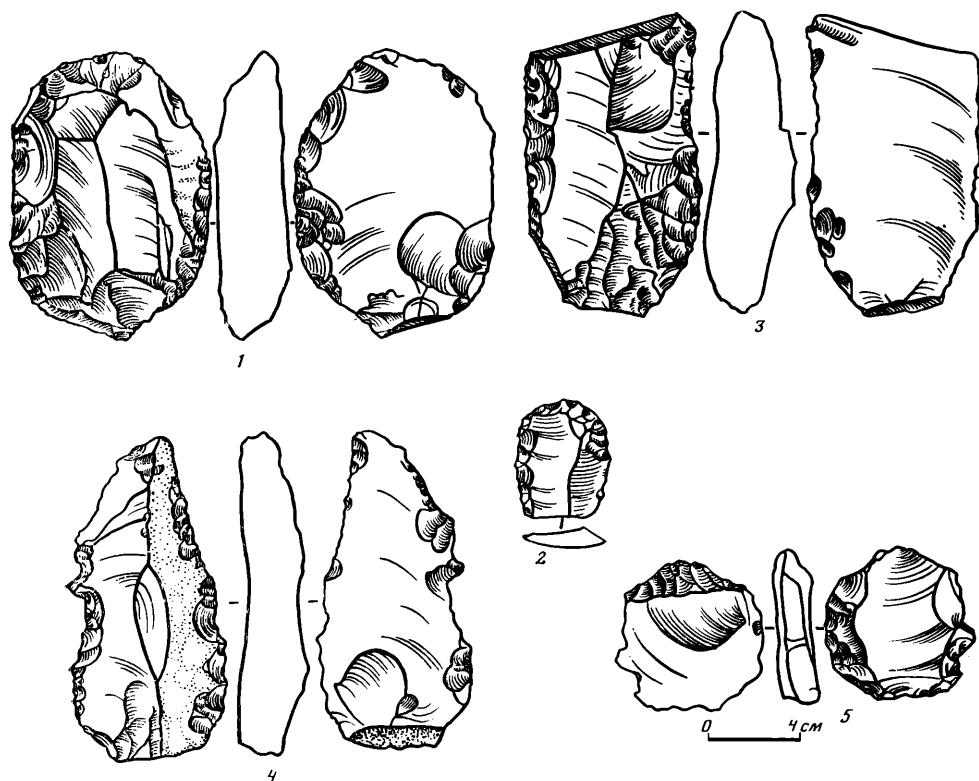
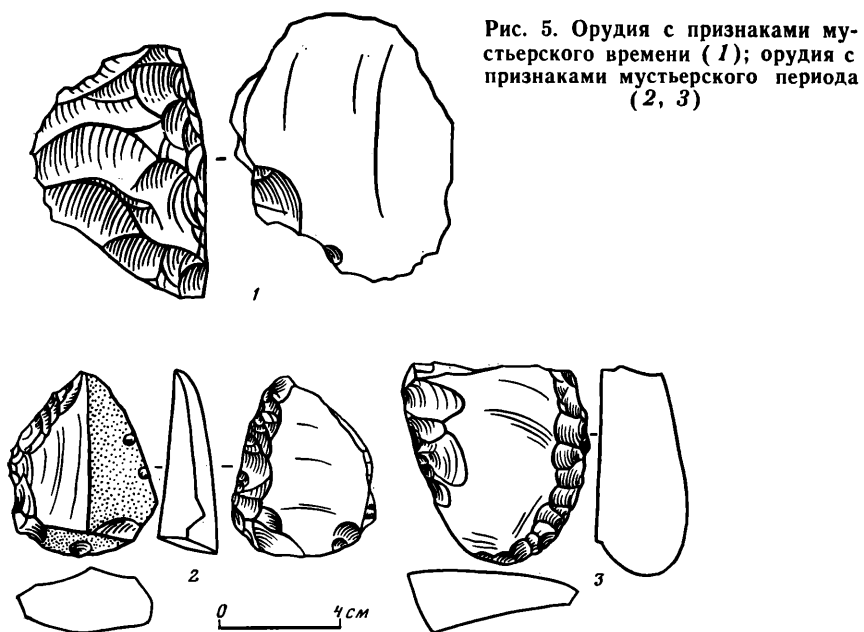
Рис. 4. Орудия с признаками мустьерского времени (1—4)

и получены скребковые лезвия. Эти лезвия от интенсивного использования имеют сильную затупленность и выкрошенность.

Другие изделия из с. Борсунлу не имеют элементов ашельского времени. Они носят следы обработки сугубо мустьерского или мустьерского и позднейшего времени. В коллекции нет экземпляров, содержащих в себе элементы только ашельского и мустьерского периодов.

4. Орудия мустьерского времени в коллекции представлены 13 экз. и составляют четвертую группу (рис. 4). Здесь выделяются массивные широкие отщепы с остатками ударной площадки и выпуклыми ударными бугорками, которые занимают более половины брюшка, рабочие элементы скребуще-скоблящего характера (рис. 4, 1, 2). Зубчато-выемчатые орудия составляют среднюю по величине группу мустьерской серии (рис. 4, 3, 4). Одно из них сделано на аморфном куске обсидиана, который по всему периметру носит следы обработки зубчато-выемчатого характера мустьерского времени. На одном его продольном крае две широкие выемки режущего типа, а на другом — выемки скоблящего ха-

рактера. Остальные орудия носят следы частичной чередующейся обработки в виде мелких выемок.

Часть орудий мустьерского времени составляют скребла на сравнительно мелких отщепах (рис. 5, 2, 3). Они однолезвийного и двулезвийного типа. Их всего четыре. Одно из них двулезвийное, обработанное в противоположащей манере; лезвие на брюшке выполнено ретушью режущего характера. На спинке полукруглая ретушь и край притуплен. Другие три скребла однолезвийные, выпуклого типа. Два из них ретушированы со спинки, а на третьем ретушь нанесена с брюшка.

Из мустьерских орудий одно скребкового типа, обработано чередующейся ретушью. Рабочий край широкий с приостренным выступом. Имеется еще нож на пластине треугольного сечения с обушком, спинка покрыта коркой. Рабочий край без ретуши и имеет следы сработанности.

5. Последнюю группу составляют орудия с признаками обработки эпохи мустье и позднейшего периода (рис. 6, 1—5). Таких орудий в коллекции 14. Это скребки плоского и высокого типа: в основном на коротких, массивных отщепах, рабочий край их обработан крутыми фасетками и носит следы в виде выкрошенности. Заготовкой для скребков служили мустьерские сколы со следами вторичной обработки того же времени. Кроме того, их рабочие края подвергнуты ретушированию в более позднее время.

К числу предметов этой группы относится нуклеус пирамидальной формы. Такая форма кажется нехарактерной для эпохи мустье. Материалом для него служила мустьерская заготовка, на его ударной площадке — патина данного времени. Она по оттенку довольно четко различается от следов, которые связаны с самым последним этапом применения обсидиановых орудий из сел. Борсунлу. Этот конусовидный нуклеус имеет аналогии в каждом раннеземледельческом поселении Восточного Закавказья.

Таким образом, борсунлунские находки представляют своеобразную коллекцию каменных орудий с признаками различных эпох. Судя по всему, они доставлены из открытых стоянок ашельско-мустьерского времени, расположенных в районах обсидиановых источников Малого Кавказа. Одним из таких районов мог быть Кельбеджерский, в который по ущелью р. Инчай ведет дорога из сел. Борсунлу. Пещеры, имеющиеся в верховьях р. Инчай, возможно, содержат палеолитические отложения, с которыми, однако, нельзя связать борсунлунские находки. Палеолитические орудия были привезены древнейшими земледельческо-скотоводческими племенами, заселившими равнинные районы Восточного Закавказья. Следы позднейших обработок на орудиях относятся к этому времени.

¹ Определения сделаны С. Н. Замятниным. См.: *Замятнин С. Н.* Разведки по каменному веку в Азербайджане осенью 1953 г. // *Тр. Ин-та истории АН АзССР.* 1958. Т. 13. С. 16. Рис. 3, 1, 2; *Кушнарева К. Х.* Археологические работы в окрестностях сел. Ходжалы // *МИА.* 1959. № 67. С. 385; *Иессен А. А.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской

степи // *МИА.* 1965. № 125. С. 10, 11. Рис. 1, 1, 2.

² *Гусейнов М. М.* Палеолит в Азербайджане (ранний палеолит). Каменный век и энеолит в Азербайджане. Баку, 1984. С. 3—13. *Гусейнов М. М., Джафаров А. К.* Мустье Азербайджана: (К вопросу технико-типологического изучения материалов) // *Каменный век и энеолит в Азербайджане.* С. 14—26.

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ РАЗДОРСКОЕ I
НА НИЖНЕМ ДОНУ

Весной 1981 г. высокий и продолжительный паводок размыл правый берег Дона и обнажил на северной окраине станицы Раздорская мощную свиту культурных слоев. Впервые это местонахождение было обнаружено местными краеведами еще в середине 50-х годов. Несколько лет спустя в районе станицы, на донском острове Поречный, начала работы экспедиция Ленинградского университета под руководством Т. Д. Белановской. Сотрудники этого коллектива провели шурфовку памятника и в 1959 г. исследовали случайно обнаруженное на его территории захоронение эпохи средней бронзы¹. Однако полную оценку памятника можно сделать только теперь, после спасательных работ, проведенных экспедицией Ростовского университета в сезоне 1981—1984 гг.

Поселение возникло в устье небольшой балки, образованной руслом родникового ручья, вытекавшего из-под коренной террасы в Дон. В последующие эпохи площадь памятника разрасталась вдоль Дона, но первоначальный центр неизменно был заселен, и в итоге весь котлован балки заполнился культурными отложениями.

Исследованию подвергалась узкая, до пяти метров, полоса берегового обрыва на протяжении наиболее уязвимых для разрушения 28 м. В результате был изучен удивительный по мощности (около 6 м) стратиграфический разрез 15 культурных слоев различных эпох: от неолита до представляющего лишь этнографический интерес слоя казачьей станицы конца XIX в. Коллекция находок, полученная с площади более 120 кв. м, позволяет достаточно уверенно характеризовать каждый из слоев.

Самый нижний слой I, отличающийся серо-коричневой окраской от более светлого материка, сравнительно беден. В его толще пока не зафиксированы следы хозяйственных или жилых объектов, лишь мелкие древесные угольки и обломки раковин иногда сопутствуют керамике и кремню. Плотная керамика черного или охристого цвета имеет слабый обжиг. В ее тесте — следы выгоревшей растительной примеси, реже мелкий песок и дробленые раковины. У сосудов прямой срез венчика, ровные, слабо расходящиеся стенки и массивное плоское дно (рис. 1, 1). На поверхности видны следы заглаживания, реже — орнамент из нанесенных под венчиком скупых овальных вдавлений либо рядов треугольных ямок-наколов.

Каменный инвентарь представлен серией клиновидных широкообушных топориков из сланца (рис. 1, 2). Кремень микролитичен (рис. 1, 3—7): округлые и овальные скребки, призматические нуклеусы, острия, трапеции с оструганной спинкой. Некоторые изделия ретушированы с брюшка. Сырьем служили местные кремневые гальки, есть находки миниатюрных пластин из кварцита.

Слой II отделен от первого четкой суглинистой стерильной прослойкой. Он имеет темно-серый цвет и хорошо прослеживается благодаря скоплению створок раковин и нижней своей части. К горизонту раковин тяготеет основная масса находок и пятна обожженного грунта — следы костров.

Материал второго слоя резко отличен от нижележащего. Особенно наглядна разница в технологии керамического производства. Сосуды этого периода изготовлены из глины без примеси растительных волокон, зато с обильной добавкой дробленой ракушки. Керамика лучше обожжена, ее формы более развиты и разнообразны, намного богаче орнамент. Преобладают крупные, до 0,4 м в диаметре, сосуды с плавным переходом от широкого устья к маленькому плоскому дну (рис. 1, 8—10).

Венчики многих сосудов имеют характерный наплыв. Сложный орна-

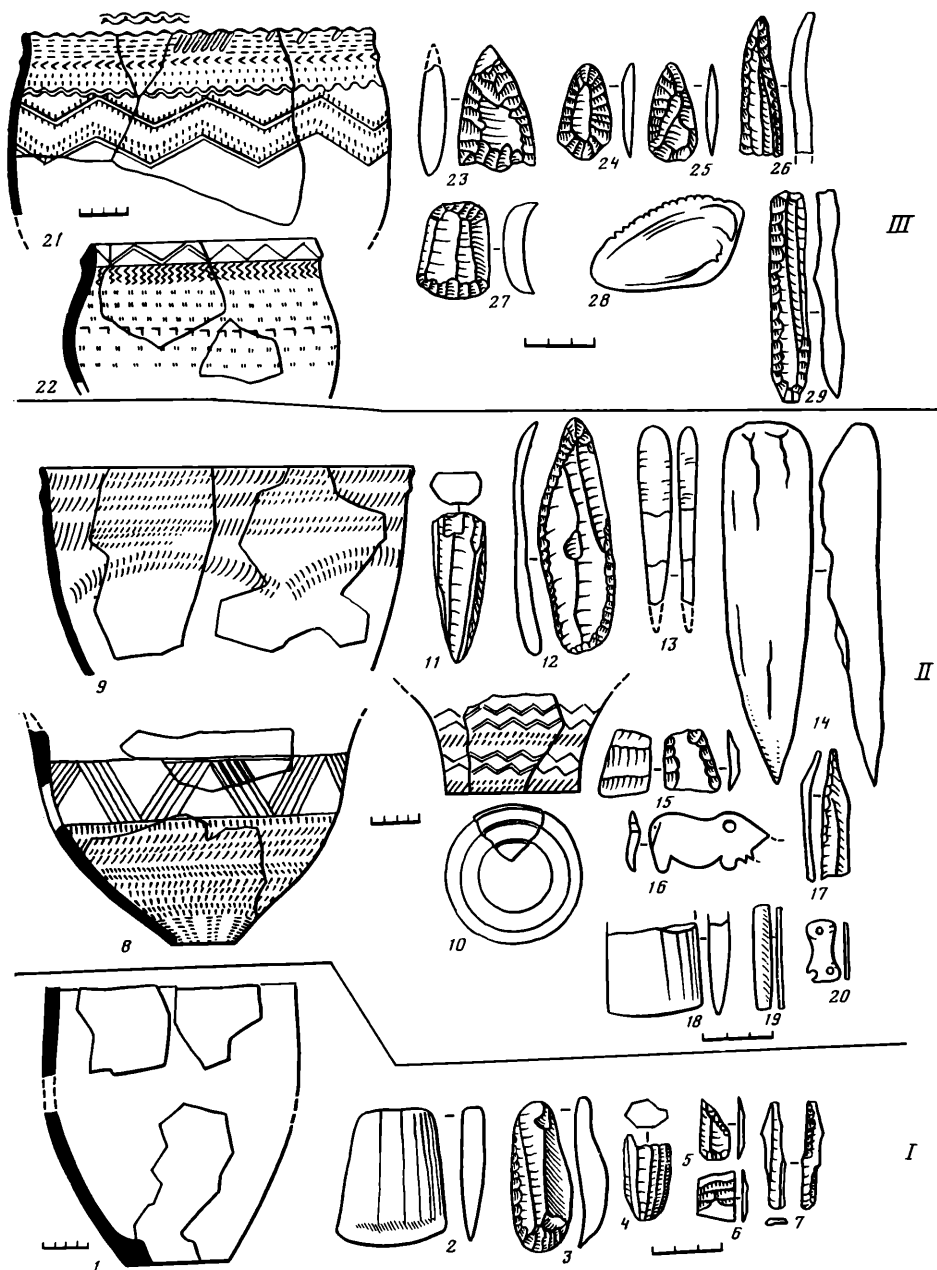

Рис. 1. Материалы из I—III слоев поселения

1—7 — слой I; 8—20 — слой II; 21—29 — слой III; 1, 8, 9, 10, 21, 22 — керамика; 2—7, 11, 12, 15, 17, 18, 23—27, 29 — камень; 13, 14, 16, 20 — кость; 28 — раковина

мент покрывает обычно верхнюю половину изделия, иногда спускается до дна и даже переходит на дно. Способы нанесения: накол, овальная отступающая лопаточка, проглаженные прямые и зигзаг, реже оттиск гребенчатого штампа и мелкозубчатая качалка. В орнаментальных композициях обычны горизонтальные пояса в сочетании со свисающими шевронами и лентами.

Различие кремневых изделий из первого и второго слоев также значительно. Новые поселения сохранили технику пластин, но освоили новые источники сырья (рис. 1, 11—12, 15, 17). Вместо мелких прибрежных галек они используют крупные желваки высокосортного коричневого кремня, вероятно совершая за ним многокилометровые рейды².

Сходство орудий из двух слоев можно увидеть лишь в клиновидных топорах, а также в манере использовать в качестве сырья местные сорта мелкозернистого кварцита. Впрочем, последняя особенность характерна и для всех вышележащих слоев вплоть до эпохи бронзы.

Из кости и рога изготовляли острия, проколки, крупные мотыгообразные орудия (рис. 1, 13—14).

Важными для характеристики слоя являются обнаруженные украшения: вытянутая прямоугольная пластина перламутра и изделия из кабаньего клыка (рис. 1, 16, 19—20). У фигурки быка в древности утрачена голова, однако тулово передано настолько характерно, что зоологическое определение не вызывает затруднений.

Следующий, третий слой выделяется прежде всего на основании стратиграфических данных. Он отделен от второго солидным стерильным горизонтом, верхняя часть которого состоит из речных отложений песка и гравия. Последнее обстоятельство свидетельствует в пользу предположения о сравнительно быстром образовании мощной стерильной прослойки в результате катастрофических разливов реки. Предположение вызвано сходством материала из второго и третьего слоев. Общее впечатление близости не исключает и различий. В керамике получает развитие воротничковый венчик (рис. 1, 21, 22), появляются своеобразные толстостенные сосуды с кирпично-красной поверхностью и грубыми расчесами на внутренней стороне, наряду с плоскими встречены острые днища, зубчатый штамп доминирует над наколом.

В кремневой индустрии (рис. 1, 23—27, 29) наряду с орудиями на пластинах появляются изделия с двусторонней обработкой. Характерны наконечники с зауженным и фигурным основаниями, двусторонние концевые скребки и др. Вновь меняется источник сырья; коричневый кремнь уступает место более светлому, медово-желтому, появляется матовый кремнь розоватого и белесого оттенков.

Переход между третьим и четвертым слоями прослеживается не очень четко, заметны лишь большая комковатость грунта и резкое сокращение находок. Кроме того, в толще четвертого слоя встречены кострища и участки скопления охры.

Немногочисленные фрагменты керамики из этого слоя принадлежат массивным слабопрофилированным сероглиняным сосудам с утолщенным венчиком и, вероятно, круглым либо слабо заостренным дном. В тяжелом и плотном тесте наряду с обильной ракушкой значительна примесь песка (рис. 2, 1—2). Поверхность сосудов покрыта следами расчесов, орнамент — густые оттиски многозубчатого штампа, сетчатые и паркетные прочерчивания, часты насечки по прямому или наклонному срезу венчика.

Среди скудного кремневого материала (рис. 2, 3—6) еще встречаются орудия на пластинах, но преобладают двустороннеобработанные изделия, в том числе наконечники с прямым либо выпуклым основанием и грубые скребки на высоких отщепах.

Из других находок можно отметить сверленный роговой молот и украшения: гладкую прямоугольную пластину из кабаньего клыка и цилиндрические пронизи из трубчатых птичьих костей (рис. 2, 7—9).

Пятый слой отличается более песчаной структурой и, как следствие, более светлым оттенком. Он тонок, а местами и вовсе не прослежен. Сохранит еще меньше находок, чем четвертый.

Керамика этого горизонта представлена мелкими единичными фрагментами, и уверенно судить о ее форме трудно (рис. 2, 10—15). Примесь — мелкотертая ракушка и песок, часто в тесте включены крупницы красящего минерала — кровавика. Возможно, с использованием охры связан и красный цвет поверхности у некоторых фрагментов. Преобладают относительно небольшие, тонкостенные, хорошего обжига сосуды. Предполагаемая форма — горшки со стянутым верхом и относительно плавным переходом к округлому или слабоостродонному тулову. Встречены фрагменты сосудов с хорошим лощением.

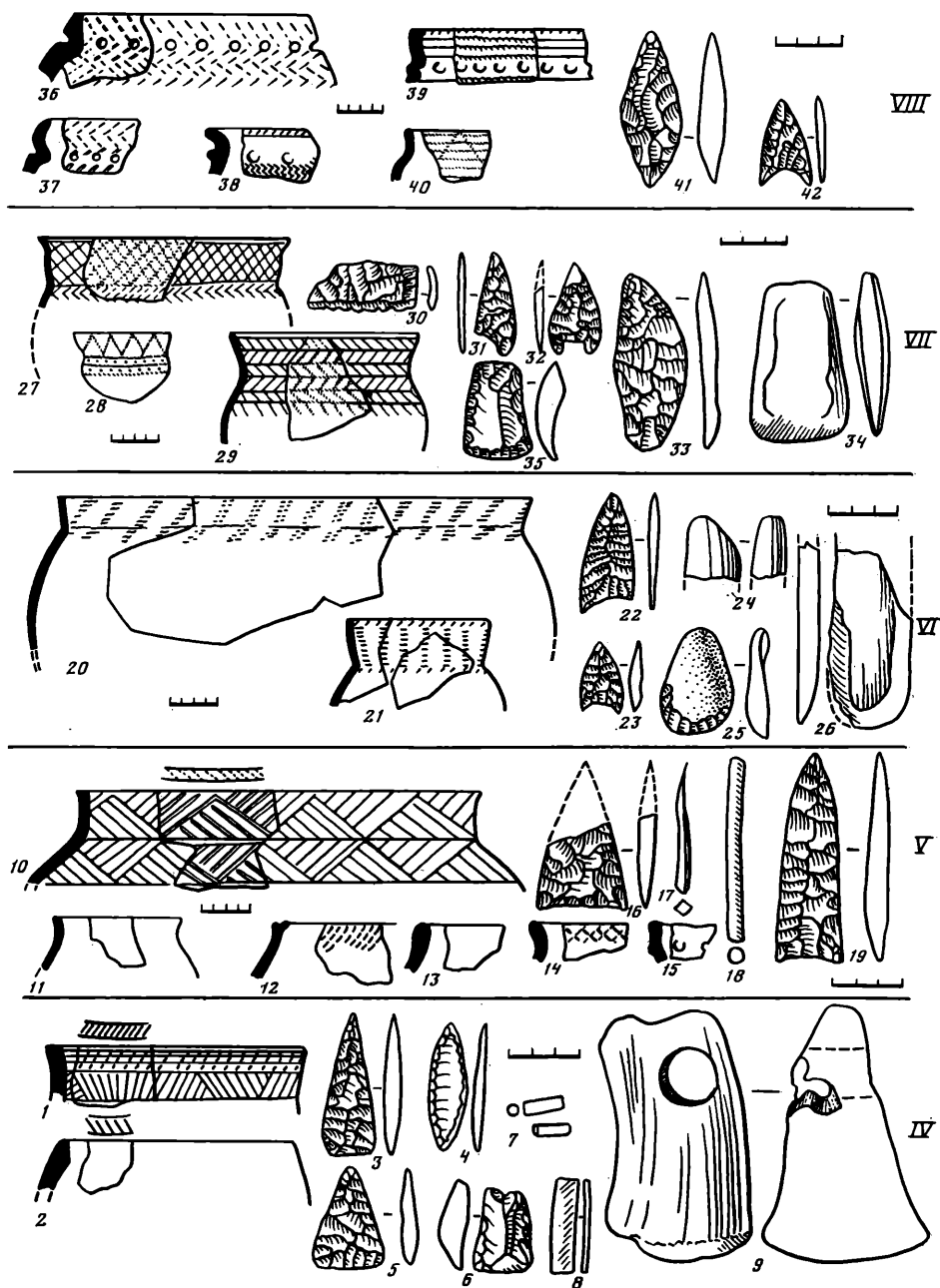

Рис. 2. Материалы из IV—VIII слоев поселения

1—9 — слой IV; 10—19 — слой V; 20—26 — слой VI; 27—35 — слой VII; 36—42 — слой VIII; 1—2, 10—15, 20, 21, 27—29, 36—40 — керамика; 3—6, 16, 19, 22—25, 30—35, 41, 42 — камень; 7—9, 18, 26 — кость; 17 — металл

Орнамент сравнительно редок, он нанесен прочерчиванием или проглаживанием в верхней части сосуда. Обычны сетчатые и паркетные мотивы. В одном случае под венчиком — ряд ложных жемчужин.

Сильно меняется облик кремневых изделий (рис. 2, 16, 19). Исчезают пластины, орудия изготовления путем двусторонней обработки массивных отщепов. Произошла очередная смена сырья, на этот раз в ходу серый матовый кремнь. Из форм преобладают наконечники стрел, дротиков, копий с прямыми и слабоогнутыми основаниями.

В этом слое встречено первое металлическое изделие — медное шило с ромбическим сечением (рис. 2, 17), найден также набор из трех обработанных трубчатых костей птиц (рис. 2, 18).

Шестой слой выделяется густосерым, почти черным, цветом. В нем много золы, гари, богат он и находками. Здесь встречены развалы керамики, скопления кремневых отщепов, костей, мелкие камни.

Серая, с характерным графитным блеском, тонкостенная, хорошего обжига керамика изготовлена из глины с примесью тертой ракушки и слюдяного песка. Найдено несколько фрагментов с кирпично-красной поверхностью и принадлежащие одному сосуду тонкостенные черепки высокого качества с черным зеркальным лощением поверхности. К сожалению, судить о форме этих изделий невозможно.

Остальные сосуды этого слоя имели относительно высокое прямое или раструбное горло с резким переходом к сфероконическому тулову (рис. 2, 20, 21). На границе пятого и шестого слоев найдена горизонтальная наклепная ручка сосуда с двумя отверстиями.

Большинство сосудов орнаментировано. Узор покрывает горло и плечики. Обычно это густые ряды зубчатого штампа, реже прочерченные линии и личиночные вдавления. В орнаменте посуды из этого слоя впервые появляются аккуратные оттиски мелковитого шнура.

В кремневых изделиях можно подметить развитие традиций предшествующего слоя. Массивные орудия на отщепах, овальные скребки, наконечники, у которых наряду с прямым основанием появляется выемчатое, в том числе и асимметричное (рис. 2, 22—23, 25). Из других изделий можно отметить несколько конических пестов из песчаника и кварцита, костяное желобчатое тесло (рис. 2, 26) и фрагмент полированного зеленокаменного клиновидного топорика с зауженным обухом (рис. 2, 24).

Седьмой слой более светлый и глинистый, с вкраплением дробленых раковин, угольков и частиц охры. В нем много находок, впервые встречено большое количество костей животных и рыб³.

Керамика с ракушечной и растительной примесью в тесте, формой и орнаментом родственна вышеописанной посуде из шестого слоя (рис. 2, 27—29). Подчеркнем лишь некоторые отличия: изделия более грубы и толстостенны, нет следов лощения, серый цвет уступает место коричневому, охристому. Формы более разнообразны: появляются миски, горшки с вздутым горлом, миниатюрные сосуды. Преобладает шнуровой орнамент, но шнур более грубый, чем в шестом слое. Найдено несколько фрагментов высококачественной керамики оранжевого цвета с характерной пачкающей поверхностью.

Еще большее сходство с предшествующим слоем наблюдается в кремневом инвентаре (рис. 2, 31—33, 35). Получают развитие асимметричные наконечники (так называемый флажковидный тип), сверла, скребки, ножи изготовлены из того же серого кремня, в той же технике. Появляются прямоугольные вкладыши с пильчатой ретушью и заполированной поверхностью (рис. 2, 30), есть клиновидные топоры-тесла из сланца (рис. 2, 34), много изделий из кварцита.

Восьмой слой более темный и плотный, содержит много раковин речной улитки, но мало находок.

Встреченная здесь керамика (рис. 2, 36—40) резко отличается от вышеописанной. Сосуды черного цвета изготовлены из глины с примесью шамота, растительности и песка. Толченая ракушка добавлена в незначительном количестве. Относительно небольшие грубоватые и толстостенные сосуды имели округлое дно и невысокое горло с массивным венчиком-воротничком. Орнамент нанесен оттиском грубого крупновиткового шнура, отступающей лопаточкой и гребешком, последний — часто в елочных мотивах. Одна из особенностей — подчеркивание перехода от горла к тулову пояском из обратных либо прямых жемчужин.

В слое мало находок кремня. Кроме нескольких отщепов, встречено только два изделия: выемчатый наконечник стрелы и массивный наконечник дротика (рис. 2, 42, 41).

Размеры публикации не позволяют дать развернутое описание материалов из вышележащих слоев, поэтому ограничимся лишь краткой их характеристикой.

Девятый слой содержит находки, характерные для донецкого варианта катакомбной культуры.

Десятый слой относится к культуре многоваликовой керамики. Оба эти слоя сильно разрушены вышележащими и прослежены не везде. На приведенном участке разреза десятый слой представлен только котлованом землянки.

Слой одиннадцатый состоит из сплошного зольника и глинобитных строительных остатков. В нем много костей крупного рогатого скота и находки лепной посуды сабашиновского облика.

Мощный двенадцатый слой с остатками жилищ содержит находки белозерского времени.

Тринадцатый слой представлен только на двух участках исследованной площади, в углублениях типа котлованов жилищ. Найденную здесь лепную керамику и бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы можно отнести к раннему железному веку.

Следующей на разрезе представлена глинисто-песчаная стерильная прослойка с горизонтами гравия, свидетельствующая, что в раннем железном веке территория памятника вновь пережила период катастрофического наводнения.

Над стерильной прослойкой залегает мощный, но слабонасыщенный слой с находками лепной и кружалной керамики салтовской культуры.

Последний, пятнадцатый слой оставлен населением казачьей станицы Раздорская в XIX—начале XX в. Современную дневную поверхность деформирует выкид грунта из хозяйственных траншей, вырытых на территории памятника в 50-е годы нашего века.

Подведем итог сделанным наблюдениям. На Нижнем Дону и до проведенных работ были известны многослойные местонахождения: Ливенцовское⁴, Ракушечный Яр⁵, Самсоновское⁶ и др., но ни одно из них нельзя сравнить с Раздорским I по мощности культурных напластований, полноте отраженных в них исторических периодов.

Большой интерес вызывает несомненная связь рассматриваемого памятника и местонахождения Ракушечного Яра, расположенного в полукилометре вверх по течению, на противолежащем острове Поречный. Оба памятника развивались параллельно, и комплексное изучение их слоев позволяет проследить процесс освоения территории. Более ранние и богатые находками нижние слои Ракушечного Яра свидетельствуют о том, что в неолите первоначально был заселен только остров, затем на коренном берегу в бухте на месте переправы возникает поселок-спутник. В позднем неолите—энеолите оба населенных пункта сосуществуют, а в раннем бронзовом веке под влиянием экономических, экологических (разливы) либо комплекса различных причин основным становится поселение на коренном берегу, а островная жизнь постепенно замирает⁷.

Любопытно, что спустя тысячелетия этот процесс был повторен при заселении Дона казачеством. Первыми были освоены острова, но по мере утверждения населения в крае жизнь переместилась на коренной берег, а начальные городки были заброшены. Такова, в частности, история и современной станицы Раздорская.

Богатая стратиграфия памятника имеет важное значение не только для решения местных вопросов археологии, но и для относительной хронологии известных комплексов на территории юга европейской части нашей страны.

Рассмотрим культурную принадлежность ранних горизонтов памятника. Находки из слоя I аналогичны материалам I—III слоев Ракушечного Яра⁸. Они характеризуют своеобразный вариант местного неолита, получивший в работах последних лет определение ракушечноярской культуры.

Слои II и III, по-видимому, отражают два хронологических этапа в развитии памятников финальной поры неолита — начала энеолита в Подонье. Находки из них можно сравнивать с широким кругом памятников, прежде всего со средним и поздним периодами днепродонецкой культуры, с памятниками мариупольского и никольского ее этапов⁹. Хронологические, а возможно и культурные, эквиваленты этим материалам теперь известны и на Волге¹⁰ и Верхнем Дону¹¹.

Культурная принадлежность четвертого слоя проблематична. Обнаруженная в нем керамика в общих чертах может быть сопоставлена с сосудами из Хвалынского могильника, и в то же время отдельные фрагменты полностью аналогичны некоторым находкам на интересном поселении Свободное в Краснодарском крае¹².

Судя по сравнительно скудным материалам пятого слоя, его можно связать с кругом памятников, знаменующим, по мнению В. Н. Даниленко, особую, так называемую азово-черноморскую линию развития степного энеолита¹³.

Тесно связанные между собой слои шесть и семь хронологически соответствуют поздним фазам среднестоговской культуры, памятникам типа Деревка и Молухов Бугор на Украине¹⁴. В то же время керамические импорты и некоторые типы кремневого инвентаря свидетельствуют о контактах с южными племенами, с традициями майкопской и новосвободненской культур¹⁵. Находки из слоя VII тождественны материалам Константиновского поселения на Дону, синхронного новосвободненским памятникам¹⁶.

Слой VIII оставлен носителями ямной культуры, находки из него можно сравнивать с материалами пострепинского типа, например, с поздними слоями Михайловки¹⁷, с многочисленными погребениями раннего бронзового века в курганах.

На первый взгляд прослеженная стратиграфия почти не вносит новизны в привычные представления о последовательности известных сегодня археологических памятников степной зоны эпохи неолита — бронзового века. Однако то обстоятельство, что все рассматриваемые слои являются единой свитой одного памятника, позволяет увидеть нечто большее, чем простая хронологическая последовательность. Анализ материалов из различных слоев Раздорского I демонстрирует не механические замещения, а сложные эволюционные процессы и резкие перемены в судьбе населенного пункта на протяжении нескольких тысячелетий. Перед нами цепочки связей (слои II и III, V—VI—VII), разрывы (между I и II, IV и V, VII и VIII), переходные периоды. Историческую подоплеку этих явлений еще предстоит выяснить, однако эта задача лежит за пределами настоящей предварительной публикации.

В ближайшие полевые сезоны исследования будут продолжены.

¹ Белановская Т. Д. Костяная булавка из погребения у ст. Раздорской//СГЭ. 1961. Вып. XXI.

² До ближайшего известного месторождения такого кремня от поселения более 30 км по прямой.

³ Анализ костей пока не проведен.

⁴ Братченко С. Н. Багатошарова поселення Лівенцівка на Дону//Археологія. 1969. Т. 22.

⁵ Белановская Т. Д. Поселение времени неолита—энеолита Ракушечный яр на Нижнем Дону//Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980.

⁶ Гей А. Н. Самсоновское многослойное поселение на Дону//СА. 1979. № 3.

⁷ Ниже по Дону, на южной окраине станции, разведано еще одно местонахождение эпохи неолита—энеолита — Раздорское II. Интересно, что и ему про-

тиволежит оконечность другого донского острова, пока не исследованного археологами.

⁸ Телегін Д. Я. Про неолітичні пам'ятки Подоння і Степового Поволжя//Археологія. 1981. Вып. 36.

⁹ Телегін Д. Я. Дніпро-донецка культура. Київ, 1960.

¹⁰ Синюк А. Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1971.

¹¹ Васильев И. Б. Энеолит Поволжья, степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.

¹² Нехаев А. А. Новое поселение майкопской культуры//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1983.

¹³ Автор выражает благодарность А. А. Нехаеву за предоставленную возможность ознакомиться с некоторыми неопубликованными материалами. См.:

Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Киев, 1974.

¹⁴ Телегін Д. Я. Середньо-стогівська культура епохи Міді. Київ, 1973.

¹⁵ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

¹⁶ Кияшко В. Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

¹⁷ Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л. Михайлівське поселення. Київ, 1962.

Л. И. ГЛОНТИ, А. И. ДЖАВАХИШВИЛИ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МНОГОСЛОЙНОМ ПАМЯТНИКЕ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА — ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ШИДА КАРТЛИ — БЕРИКЛДЕЕБИ

Настоящая статья ставит целью познакомить заинтересованных лиц с новейшими фактическими данными, полученными в результате раскопок многослойного селища Бериклдееби в Шида Картли. Значение этого памятника заключается в том, что он содержит свиту культурных остатков, некоторые из которых доселе не были известны в этом регионе; среди последних особое внимание привлекают остатки беденской и докуро-аракской культур.

Как известно, беденская культура открыта Г. Ф. Гобеджишвили в 1966 г. в Юго-Восточной Грузии на Беденском плато, датировка ее второй половиной III — началом II тысячелетия до н. э. и отнесена к переходному периоду от куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы к триалетской культуре среднебронзовой эпохи¹. В последующие годы ареал беденской культуры постепенно расширялся, охватывая юго-восточные и восточные области Грузии — Квемокартлийские и Иороалазанскую долины²; однако до последнего времени представление о ней мы имели исключительно по погребальным памятникам — курганным захоронениям с парадным и культовым инвентарем.

В 1979 г. в результате археологической аэрофоторазведки, проведенной в западной части Шида Картли археологической экспедицией Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашия под руководством Ю. М. Гагошидзе³, в Карельском районе, у впадения в Куру ее левого притока р. Проне, в урочище Бериклдееби, были выявлены курганное поле и небольшое селище (0,5 га), занимающее мыс между реками. Курганное поле находится приблизительно в 200 м восточнее.

В итоге пяти полевых сезонов небольшой экспедицией Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашия в северо-восточной части селища вскрыта площадь около 800 кв. м, давшая общее представление о стратиграфии памятника и некоторых его особенностях. Мощность культурных отложений здесь не превышает 195 см (+70—125 см). Установлено последовательное напластование пяти культурных слоев: 1) докуро-аракского, 2) куро-аракского, 3) беденского, 4) среднебронзового, 5) позднебронзового; стерильных прослоек между слоями нет. В какой-то период селище было обнесено оградой, остатки которой в виде мощной сырцово-глиняной стены, разрушенной, а затем надстроенной камнем, сохранились с северной стороны (рис. 1).

Остатки слоя эпохи поздней бронзы в виде оснований нескольких сооружений из крупного речного камня и песчаника, глиняной обмазки полов, фрагментов типичной сероглиняной керамики прослежены в западной части раскопа.

Эпоха средней бронзы представлена четырьмя грунтовыми погребениями, впущенными в низлежащие слои в восточной части раскопа. Их инвентарь состоит из крупных и средних кувшинов и мисок. Следов каких-либо построек этого времени здесь нет.

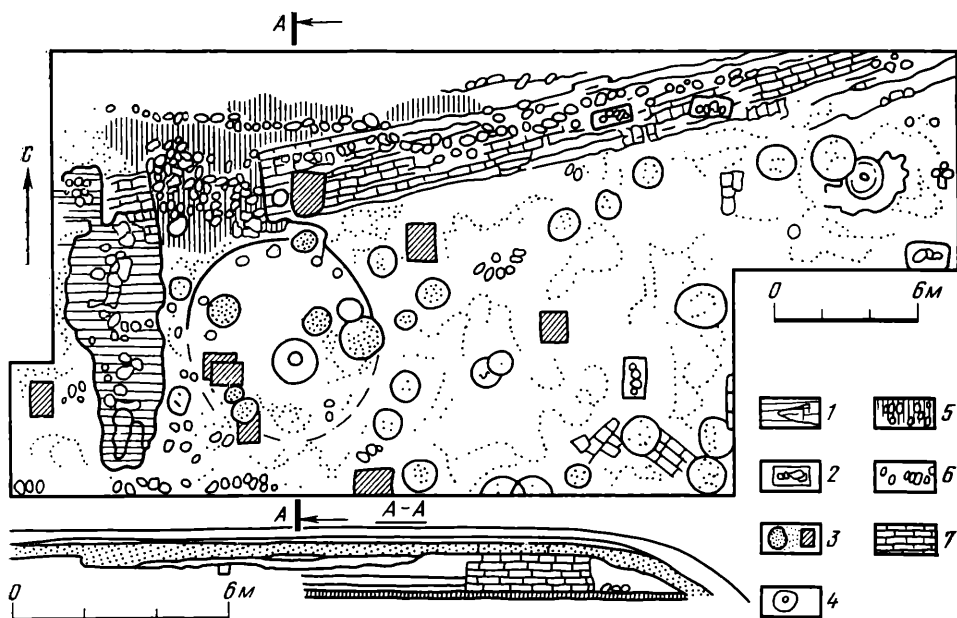

Рис. 1. Бериклдеби, схематический план раскопа и разрез

1 — остатки эпохи поздней бронзы; 2 — впускные погребения среднебронзовой эпохи; 3 — беденский слой; 4 — остатки куро-аракского слоя; 5 — докуро-аракский слой; 6 — развал каменных стен и других сооружений; 7 — остатки сырцово-оград и других сооружений

Под остатками позднебронзовой эпохи залегает сильно потревоженный ими беденский слой — крупные куски спекшихся обломков пережженной глиняной обмазки с отпечатками речных камней, деревянных кругляков и прутьев, тонкой многослойной штукатурки, обгоревшие и растрескавшиеся от высокой температуры речные камни, многочисленные фрагменты керамики, скопления обуглившихся злаков; этот слой мощностью около 1 м более или менее равномерно распространен на всей площади раскопа. В толще слоя были обнаружены отдельные скопления обломков и материалов, покрывающие в некоторых случаях площадь около 30 кв. м и связанные со своеобразными жертвенными подиумами — небольшими прямоугольными возвышениями (в среднем, $1,5 \times 1,5 \times 0,5$ м), сложенными из специально подобранных речных камней на глиняном растворе, ограниченных с двух сторон поставленными на ребро плитами из песчаника и обмазанных сверху слоем чистой глины, иногда на подстилке из обломков керамических сосудов. Около подиумов обычно находится скопление перегоревших «парадных» сосудов. Всего найдено 8 подиумов. Прямоугольная форма подиумов и то, что там, где это удастся проследить, находящийся около них инвентарь лежит только с двух сторон одного из углов, позволяет предположить, что они стояли в одном из углов сооружений прямоугольного плана.

Сохранившиеся около двух подиумов фрагменты глиняных бортов, роговидных отростков, рельефной спирали и диска связывают их с рогатыми алтарями, очагами и другими атрибутами культа, столь характерными для древних культур Кавказа, Переднего Востока и Эгейского мира эпохи раннего металла.

С беденского слоя, точнее, под его зольной прослойкой прослежены многочисленные ямы цилиндрической и колоколовидной формы, диаметром в среднем 2 м и глубиной от 0,75 до 1,5 м, прорезающие нижележащие слои и спускающиеся большей частью до материка. Из 35 подобных ям лишь одна определенно принадлежит докуро-аракскому слою — перекрыта тонкой галечной прослойкой, подстилающей уровень сохранившейся в этом месте куро-аракской постройки; одна, прореза-

ющая упомянутую постройку, столь же определенно — беденскому слою, так как содержала типичную для этой культуры керамику, глиняные модели колесика и трубчато-обушного топора, кремневый вкладыш серпа, позднего по сравнению с куро-аракскими обликами. Несколько озадачивают найденные вместе с ними весьма архаичные молоткообразный жезл из оленьего рога и костяная проколка; есть здесь также костные остатки крупного рогатого скота. Остальные ямы заполнены лишь характерной для беденского слоя зольной глинистой землей, содержащей речные камни и единичные фрагменты беденской керамики. В двух ямах найдены также крупные обломки сырцового кирпича. Назначение ям пока остается не совсем ясным, хотя находка в одной из них моделей колеса и топора, а также костей животных должна указывать на их культовое назначение.

Керамика беденского слоя в целом типична для этой культуры и известна по беденским, алазанским и марткопским курганам — высококачественные тонкостенные черные, лощенные до блеска мелкие и крупные сосуды: одноручные кружки и двуручные корчаги с яйцевидным или сферическим корпусом, украшенные простым вдавлением, редко нарезным геометрическим узором, а также горшки с залощенным горлом и заштрихованным в разном направлении гребенчатыми полосами корпусом. Однако эта керамика имеет здесь некоторые особые черты, в частности ручки с вертикальными роговидными отростками, а также с двумя проемами: на мелких и средних сосудах широкие лентовидные ручки и нарезные шевроны — на крупных. Особенно характерны для Берикл-дееби сосуды розовато-серого обжига с незалощенной поверхностью — одноручные и двуручные банки, мелкие и крупные, иногда с конусовидными и плоскими горизонтальными невысокими выступами; они доселе не встречались в беденских материалах (рис. 2, 1—4).

Из некерамического материала следует отметить молотки, пестики и терочки из речного камня, зернотерки, многочисленные обсидиановые отщепы, обсидиановые наконечники стрелы с прямым и выемчатым основанием и фрагмент (лезвие) бронзового вислообушного топора. Поражает скудность костных остатков домашних животных.

На уровне беденского слоя вдоль северного края селища неровными рядами тянется развал крупных речных камней, носящих следы действия огня; по-видимому это остатки ограды, ныне шириной до 1,5 м. Скатившиеся камни ограды покрывают склон лощины, ограничивающей селище с этой стороны. В восточной части остатков ограды впущено одно из грунтовых погребений эпохи средней бронзы, что указывает на его верхний хронологический рубеж.

Каменная ограда надстроена на мощной стене из крупного сырцового кирпича; ее ширина в настоящее время достигает 3 м, а высота 1,2 м. В трех местах ширина сырцовой кладки превышает 4 м; возможно, что это остатки внутренних контрфорсов. Сырцовая ограда носит явные следы пожара, разрушений и перестроек.

В западной части раскопа остатки сырцовой ограды перекрыты беденским слоем, в частности одним из подиумов (№ 3) и находившимися около него горелыми строительными и вещественными материалами; следовательно, сырцовая ограда должна быть отнесена к периоду, предшествующему беденской культуре.

Непосредственно под беденским слоем в двух местах раскопа выявлены следы слоя эпохи ранней бронзы — раннего этапа куро-аракской культуры (Хизанаант гора Е). В северо-восточных квадратах в сильно перемешанном слое найдены типичные фрагменты куро-аракской архаической керамики, среди них подковообразной очажной подставки, в западных — остатки крупного эллиптического плана здания. От него сохранились низ северной половины стены, центральный стационарный очаг — плоский глиняный диск с чуть выпуклым бортом диаметром 180 см и цилиндрической ямой посередине (диаметр 25, глубина 20 см), части глиняного пола с остатками низкой прямоугольной площадки с

Рис. 2. Бериклдеби, образцы керамики

1—4 — из беденского слоя; 5, 6 — из куро-аракского слоя

бортиками и вдоль стены 6 «ваз» — полые, слегка утонченные цилиндрические трубы, отстоящие друг от друга в среднем на 1—1,5 м, по-видимому атрибуты ритуального назначения (рис. 2, 5, 6).

Под остатками этого здания на глубине 25 и 30 см от его пола обнаружались фрагменты еще двух полов, выходящие в северном направлении за его пределы; полы разделены слоями, содержащими мелкие фрагменты архаической керамики и речной гравий, причем явно куро-аракских черепков здесь нет. Относятся ли эти полы к куро-аракскому времени, неясно.

Не совсем ясным остается также нижний хронологический рубеж сырцовой ограды, т. е. его отношение к куро-аракскому периоду и некоторые значительные факты, связанные с нею; в разных частях тела ограды врезаны столь архаического облика сосуды и их фрагменты, что объяснить их присутствие здесь весьма затруднительно.

Особого внимания заслуживает последний, самый нижний слой Бериклдеби, подстилающий и сырцовую ограду и куро-аракское здание с нижележащими полами, четко выделяющийся черной окраской; судя по тому, что черный слой прослежен в некоторых из многочисленных

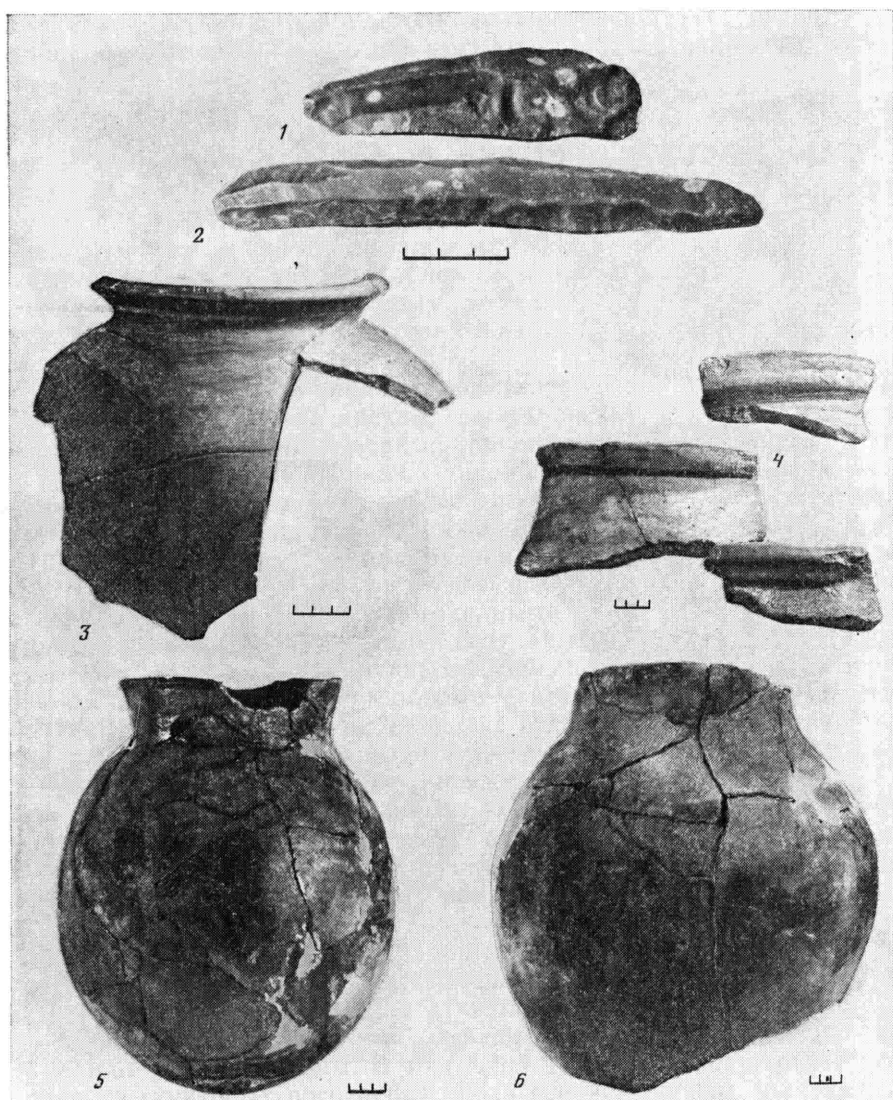

Рис. 3. Бериклдеби, материалы докуро-аракского слоя

1, 2 — кремневые пластины; 3, 4 — керамические сосуды первого вида; 5, 6 — сосуды второго вида

ям, врезанных до грунта, он распространен на большей части раскопанной площади.

Этот слой вскрыт пока на площади около 40 кв. м в северо-западной части раскопа, на уровне в среднем 100 см; здесь он перекрыт галечно-песочной прослойкой толщиной 25 см и резко контрастирует с ней по цвету. Мощность его 25 см, и лежит он непосредственно на грунте. Слой сравнительно мало насыщен культурными остатками; в той части, где он заходит под сырцовую ограду, находятся скопления очень крупных, специально подобранных плоских речных камней, уложенных в один-два слоя. С севера, вдоль края лощины, на этом же уровне тянется узкая полоса посаженных на ребро речных камней; возможно, она каким-то образом ограничивала упомянутый слой с этой стороны. Частично она также заходит под сырцовую ограду. В одном месте крупные плоские камни устилали удлиненную площадь около 4 кв. м, и на одном из них лежали истлевшие остатки локтевых костей с надетым на них спиральным браслетом из тонкой бронзовой проволоки в два с половиной оборота. Поблизости, в черном слое были найдены крупная (длина

18 см) пластина из дымчатого кремня и меньшего размера скребок из кремня сургучного цвета; из этого слоя происходят еще несколько кремневых пластин. Все кремневые орудия имеют весьма архаичный неолитический облик (рис. 3, 1, 2).

С вышеупомянутым слоем связаны фрагменты своеобразной, неизвестной доселе в Шида Картли керамики двух видов. Это, во-первых, обломки очень крупных толстостенных (свыше 2 см) пифосов — части горла (диаметр 50 см) с резко отогнутым профилированным угловатым краем. Вылеплены они из плотной, хорошо отмученной глины с большой примесью тонкорубленой соломы и мельчайших зерен кварца; их поверхность чисто сглажена, обжиг высококачественный, дающий бледно-розовую поверхность и темно-серую прослойку между ними. Фактурой и технологией изготовления к ним примыкают фрагменты крупных полусферических чаш (диаметр до 37 см) со звенящим черепком. С некоторой оговоркой к этой же категории керамики можно отнести фрагменты, по-видимому, шаровидных сосудов средней величины, с резко отогнутым нешироким краем; они отличаются исключительно высоким качеством изготовления — плотной глиной с примесью мелкорубленой соломы, мелкозернистого кварца и слюды, бледно-коричневым ангобом, покрывающим розоватую залощенную поверхность, качественным обжигом, дающим звенящий черепок с серой сердцевиной (рис. 3, 3, 4).

Особую группу составляют многочисленные фрагменты и несколько достаточно крупных сосудов (высотой от 40 до 50 см) с яйцевидным, несколько вздутым туловом и низким цилиндрическим или раскрытым горлом. Вылеплены они несколько небрежно из грубоватой глины с большой примесью марганца, кварца и слюды. Их формы обобщенные, мало дифференцированные, поверхность шероховатая, обжиг неравномерный — розоватый с бурыми пятнами, черепок с серо-черноватой сердцевиной (рис. 3, 5, 6).

Все вышеотмеченное резко отличает этот керамический комплекс от керамики перекрывающего его куро-аракского слоя.

Исключительный интерес представляют собой два пока что необъяснимых факта. Один из грубоватых сосудов неолитического облика, использованный в качестве урны для захоронения младенца, был обнаружен в нижней толще сырцовой ограда, там, где она перекрывалась беденским подиумом № 3; или он был замурован в стене с юга, или же стена надстроена над ним. Затем, в восточной части ограды в сырцовую кладку врезан угол небольшого помещения с уплотненным полом, на котором в зольном слое находились фрагменты архаической же керамики второго вида. Наконец, в одной из ям, перекрытой куро-аракским слоем, заполненной золой, речными камнями, фрагментами керамики и рогатых подставок, костными остатками крупного и мелкого рогатого скота, вместе находились обломки сосудов обоих видов.

Таким образом, в настоящее время с уверенностью можно сказать лишь то, что архаического облика керамика обоих видов относится к докуро-аракскому периоду и приблизительно одновременна.

Не совсем ясным остается вопрос времени строительства сырцовой ограды. Ее верхний хронологический рубеж определяет беденский слой, нижний — черный культурный слой с материалами неолитического облика; следовательно, она может принадлежать одному из слоев, уместающихся между ними, т. е. куро-аракскому или одному из подстилающих его полов. Однако так как в ограду врезаны остатки помещения с архаической керамикой второго вида, возможность ее отнесения к куро-аракскому периоду исключается. Остается предположить, что сырцовая ограда возведена в период, когда на Бериклдеebi строится помещение, от которого сохранился первый снизу пол, подстилающий куро-аракское здание; через какое-то время ограда претерпевает определенную перестройку, в процессе которой появляется врезанное в нее упомянутое помещение. Существовала ли ограда в куро-аракский период, не ясно.

Появление следов докуро-аракской культуры в Шида Картли ставит перед нами ряд вопросов, ответить на которые пока можно лишь предварительно. Это, во-первых, вопрос ее отношения с докуро-аракскими-раннеземледельческими культурами Южного Кавказа. Уже на данном этапе изученности можно указать на некоторые аналогии из памятников как юго-восточных, так и северо-западных регионов Грузии. Так, аналогичной формы соломенная керамика известна в Цопи⁴ и Сиони⁵ Марнеульского р-на, т. е. в северо-западной части ареала шулавери-шомутепинской культуры; в последней же можно найти отдаленные параллели сосудов второго вида — с неорганическими примесями в глиняном тесте. Однако наиболее близкие параллели находятся к северо-западу от Шида Картли — в бассейне р. Квирила, известном очаге пещерных памятников каменного века. Здесь в пещерных стоянках Самеле клде и Самерцхле клде⁶, отнесенных к концу неолитической и энеолитической эпохе, имеются ближайшие параллели бериклдеобской керамики обоих видов; керамика Самеле клде характеризуется большим количеством марганца; кварцевого песка и слюды в глиняном тесте и как грубоватыми, так и высококачественными сосудами яйцевидной и сферической формы и низким цилиндрическим или отогнутым краем. Определенная близость последних с майкопской керамикой отмечена еще в 1968 г., и, основываясь на этом, было высказано мнение о связи данной культуры с Северным Кавказом. Теперь к ним прибавляются стратифицированные материалы нижнего, докуро-аракского слоя Бериклдеоби, также показывающие близость с керамикой ранних памятников майкопской культуры*.

Второй и наиболее сложный вопрос вытекает из только что отмеченного факта — керамика, перекликающаяся с майкопскими ранними памятниками, находится на Бериклдеоби под ранним куро-аракским слоем, отнесенным по традиционной датировке ко второй половине, а по исправленным радиоуглеродным датам к первой половине IV тысячелетия до н. э.; следовательно, докуро-аракский слой Бериклдеоби должен быть датирован или первой половиной IV тысячелетия до н. э. (по традиционной шкале), или концом V тысячелетия до н. э. (по исправленной), что никак не согласуется с датировкой, принятой в настоящее время для раннемайкопской культуры. Сомневаться в стратиграфическом положении первого снизу слоя Бериклдеоби, так же как в датировке раннего этапа куро-аракской культуры, по крайней мере, второй половиной IV тысячелетия до н. э., не приходится; поэтому естественно напрашивается мысль о необходимости пересмотра датировки майкопской культуры. Сделать это нелегко, так как последняя опирается на кропотливые и доскональные исследования многих ученых, первым делом А. А. Иессена, А. А. Формозова, Р. М. Мунчаева, и укоренилась среди специалистов прочно⁷. Однако вопрос этот все же не может считаться окончательно решенным; об этом свидетельствуют работы М. В. Андреевой⁸, показавшей связи майкопской культуры с южными культурами IV тысячелетия до н. э. не только по металлической посуде, но, что особенно важно, по массовому археологическому материалу.

Открытия на Бериклдеоби, как нам представляется, уже дают значительный материал для освещения одного из аспектов проблемы и позволяют надеяться, что дальнейшее исследование этого памятника в какой-то мере будет способствовать ее решению.

¹ Гобедишвили Г. Ф. Бедени — культура курганных погребений. Тбилиси, 1981. С. 136. Рез. на рус. яз.

² Дедабришвили Ш. Ш. Курганы Алазанской долины//Тр. Кахетской археол. экспедиции. Тбилиси, 1979. II.

³ Гагошидзе Ю. М., Шишкин К. В. Результаты аэрофоторазведки археологи-

ческих памятников Дедоплис Миндори// Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1980. VII. С. 79—81.

⁴ Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа (V—III тысячелетие до н. э.). Л., 1970. С. 28—32. Рис. 9.

* Близость форм керамики нижнего слоя Бериклдеоби с майкопской была отмечена и А. Л. Нечитайло во время посещения фондов Музея Грузии и самого селища в 1984 г.

- ⁵ Менабде М. В., Кизурадзе Т. В., Кикодзе Э. К. Результаты работ Квемокартлийской археологической экспедиции (1976—1977 гг.)//Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1978. VI. С. 38—45. Рис. 3. Рез. на рус. яз.
- ⁶ Глonti Л. И., Джавахишвили А. И., Киквидзе Я. А., Тушабрамишвили Д. М. Некоторые итоги полевых работ 1964 года Урбинской и Квирильской археологических экспедиций//ГМГ. Тбилиси, 1968. XXV-В.
- ⁷ Иессен А. А. К хронологии «больших кубанских курганов». А. 1980. XII; *Он же*. Майкопская культура и ее датировка//Тез. докл. на заседаниях Отд-ния истор. наук АН СССР, посвящ. итогам полевых исслед. 1961 г. М., 1962; *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965. Ч. 2. С. 144—147; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 334; *Джапаридзе О. М.* К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976. С. 193—251. На груз. яз. Рез. на рус. яз. Этот труд содержит наиболее полную сводку данных об исторической интерпретации и датировке майкопской культуры.
- ⁸ *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры//СА. 1977. № 1. С. 39—56; *Она же*. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах//СА. 1979. № 1. С. 22—36.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА

ПОСЕЛЕНИЕ КРАСНОГВАРДЕЙСКОЕ II — НОВЫЙ ПАМЯТНИК НАЧАЛА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА КУБАНИ

Для степного Прикубанья — региона к северу от р. Кубань и той части Закубанья, которая примыкает к р. Кубань с юга (не исключено, что в древности это была лесостепь), — памятники эпохи поздней бронзы до недавнего времени были представлены изделиями прикубанского металлургического очага, выделенного А. А. Иессеном и по другим отдельнымкладам и находкам металлических изделий¹. В последнее десятилетие в Прикубанье благодаря деятельности новостроечных экспедиций ИА и ЛОИА АН СССР Краснодарского археологического музея-заповедника и Северо-Осетинского университета выявлены курганные погребения конца эпохи средней бронзы (культура многоваликовой керамики — КМК) и эпохи поздней бронзы (позднесрубной культуры). К финальному этапу бронзового века, который синхронен белозерскому этапу или времени белозерской культуры в Северном Причерноморье, относится поселение кобяковской культуры Красногвардейское I, известное на Кубани пока в единственном числе². Четыре других поселения этой культуры, носители которой частично переселились из Прикубанья в низовья Дона, располагаются в донской дельте³. Поселение Красногвардейское I, открытое и раскопанное Н. В. Анфимовым в 1962—1963 гг., находится на левом берегу восточной части Краснодарского водохранилища (бывшее Тшикское водохранилище) и перекрыто известным протомеотским Николаевским могильником⁴. Оба памятника застроены больничными зданиями райцентра Красногвардейское (бывш. Николаевское).

Красногвардейский отряд Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР, обследуя в 1982 г. обнажения левого берега Краснодарского водохранилища, обнаружил поселение Красногвардейское II, раскопки которого проводятся с 1983 г.⁵ Новый памятник является первым протомеотским поселением. От него сохранился небольшой, свободный от посевов участок в 200 кв. м, расположенный к югу от большого комплекса, полностью перекрывшего упомянутые выше пос. Красногвардейское I и Николаевский могильник. Большая часть пос. Красногвардейское II тоже застроена зданиями райцентра; западная часть памятника снесена водохранилищем. Исследуемый участок (раскоп I), на котором вскрыто 130 кв. м, примыкал к берегу высотой 5—6 м. На всей площади раскопа залегал мощный культурный слой толщиной 1,5—1,6 м. Слой серого

цвета, насыщенность золой слабая. Находки распространены по всей глубине слоя, начиная с дерна и включая верхний уровень материкового суглинка. Находки в дерновом слое измельчены распахкой под огороды; в материке число находок резко сокращается, но они продолжают в нем на два-три штыка по всей поверхности раскопа.

Вещевой материал содержит в основном керамику: около 8000 фрагментов сосудов, относящихся (судя по обломкам венчиков) примерно к 500 сосудам, и семь поделок. Кроме того, в слое на различной глубине обнаружено 280 мелких и крупных обломков глиняной обмазки. Нередко одна сторона обломка плоская, со следами белой «штукатурки», иногда сохраняются мелкие отпечатки прутьев каркаса. Скорее всего, эта обмазка связана с разрушенными турлучными жилищами, хотя она и не локализуется на данном участке в виде каких-либо скоплений. В состав вещевого материала входят также обломки от 15 крупных каменных орудий, 18 кремневых изделий и 40 отходов. Найдено, кроме того, 1700 обломков костей домашних животных (корова, лошадь, козавоца, свинья) ⁶.

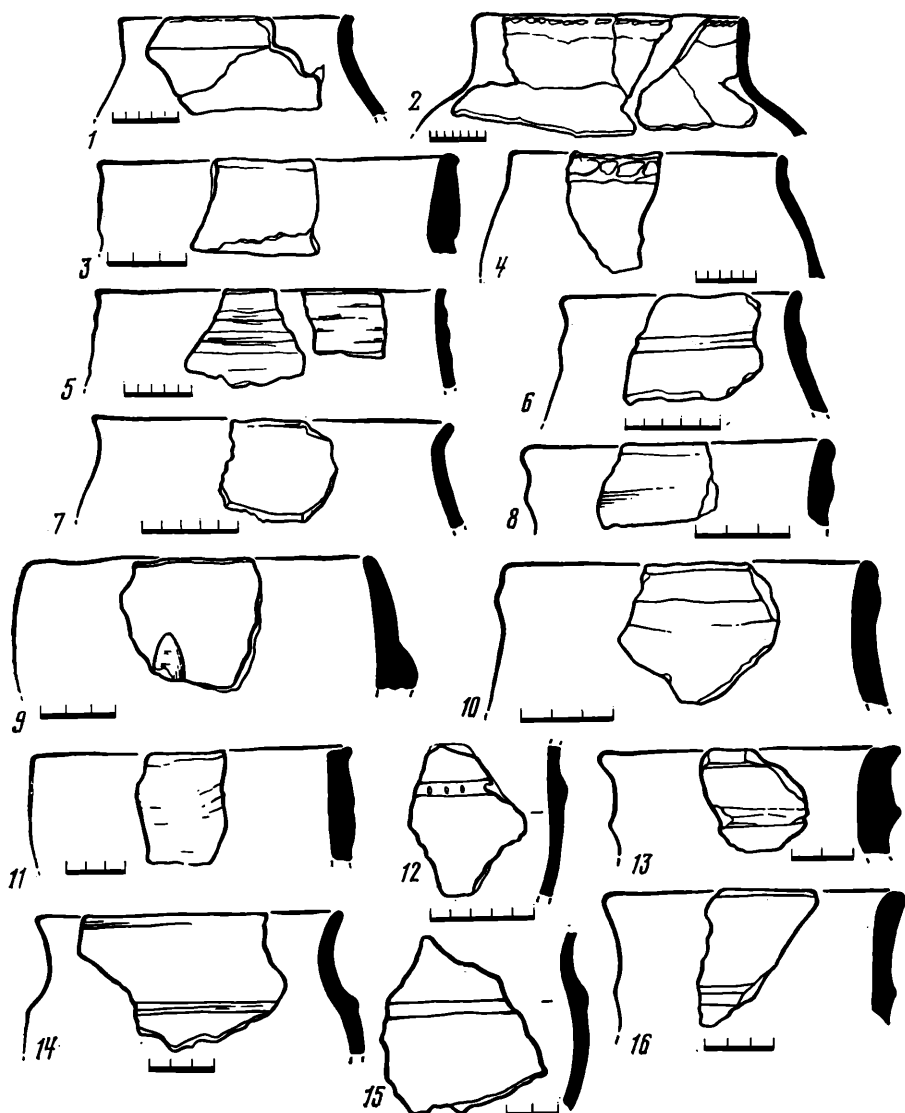
Посуда Красногвардейского II делится на две основные группы: 1 — хозяйственная, кухонная и 2 — столовая. В каждой группе содержится несколько типов форм. Предлагаемая классификация по типам проведена на крупных обломках сосудов. Однако ввиду фрагментарности керамики в целом количество выделенных типов при накоплении материала может несколько измениться.

Хозяйственная посуда включает экземпляры различных размеров и форм, в основном горшковидных, с разной профилировкой венчика. Дно сосудов иногда снабжено закраиной. Диаметр венчиков 10—30 см, преобладает 14—20 см. Диаметр днищ 10—20 см, преобладает 11—14 см. Цвет поверхности различный: серый, темно-серый (иногда почти черный), коричневатый, розоватый и желтоватый. В составе примесей глиняного теста содержится мелкий (реже крупный) песок; очень характерна примесь мелких блесток, очевидно, слюды, присутствующая и в керамике предшествующего периода.

Первый тип — сосуды с почти прямой шейкой (форма плечиков из-за фрагментарности неясна) или с очень короткой шейкой, расширяющейся к середине тулова. Верхний край венчика уплощен. Для этих сосудов характерно оформление наружного края венчика широким плоским утолщением — «воротничком» (рис. 1, 1—4). Этот прием оформления венчика, известный и на древнемеотской посуде из III слоя VI—V в. до н. э. Кавказского городища ⁷, возник, таким образом, еще на протомеотской керамике.

Второй тип — сосуды с почти прямым венчиком. Им свойственен рельефный орнамент, располагающийся чуть ниже уплощенного или скругленного края венчика; это — гладкий валик, но чаще плоское валиковое утолщение или небольшой четкий уступ-валик (рис. 1, 6, 8, 10, 13). Другой тип рельефной ornamentации представлен тремя горизонтальными гладкими и слегка уплощенными валиками, опоясывающими шейку сосуда (рис. 1, 5). Этот своеобразный «многоваликовый» узор, видимо, имеет ограниченное территориальное и хронологическое распространение. Примерные аналогии ему как будто имеются в ornamentации некоторых сосудов кобанского времени (VIII—VII вв. до н. э.) из Инжиччукунского могильника и Хумаринского поселения в Карачаево-Черкесии ⁸.

В составе керамики с ornamentацией однорядным валиком заслуживают внимания фрагменты, у которых верхний край венчика горизонтально уплощен, а под ним располагается небольшой гладкий треугольный в сечении валик (рис. 1, 6, 8, 10, 13). Такой же узор встречен на керамике из небольшой коллекции соседнего поселения Красногвардейское III, находящегося к северо-западу от Красногвардейского II. От этого памятника сохранился ежегодно затопляемый при подъеме воды в водохранилище небольшой островок с размытым культурным слоем ⁹.

Рис. 1. Кухонная посуда, пос. Красногвардейское II, раскоп I

1 — кв. Д1, шт. 7; 2 — кв. Д4, шт. 5—6; 3 — кв. Г1, шт. 7; 4, 16 — кв. БIII—IV, шт. 4; 5, 14 — кв. Д5, шт. 4; 6 — кв. АIII—IV, шт. 2; 7 — кв. Б3, шт. 5; 8 — кв. В1, шт. 4; 9 — кв. Д3, шт. 5; 10 — кв. БIII—IV, шт. 5; 11 — кв. В2, шт. 4; 12 — кв. Г5, шт. 6; 13 — кв. Б1—В1, шт. 6; 15 — кв. А1, шт. 1

Существенно, что рассматриваемые формы сосудов с валиком чуть ниже края венчика, происходящие из обоих кубанских поселений, очень напоминают слабо профилированные горшковидные формы из поселений Обиточная 12 и других того же типа в Северном Приазовье. Для обиточненских сосудов типичен описанный тип валикового орнамента на сосудах, край венчика которых уплощен и снаружи нередко имеет закраину («приостренный бортик», по О. А. Кривцовой-Граковой). Однако на сосудах Обиточной 12 гладкий валик распространен реже, чем расчлененный (косыми насечками или иногда пальцевыми вмятинами), что и отличает обиточненскую керамику от посуды Красногвардейского II, где имеется всего лишь три фрагмента стенок с валиком, расчлененным узкими вмятинами (рис. 1, 12). Между тем на керамике Красногвардейского III присутствует валик как гладкий, так и расчлененный косыми

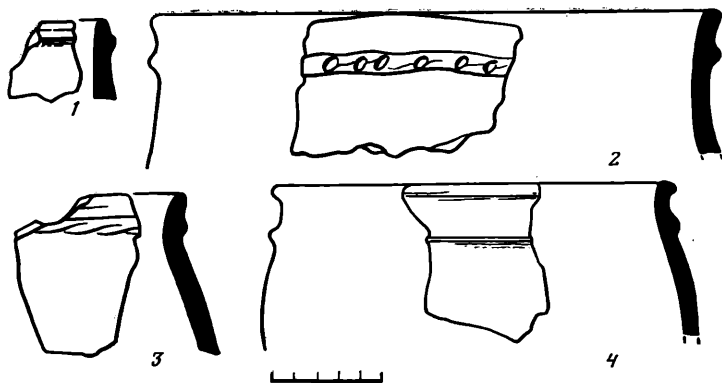

Рис. 2. Кухонная посуда (1—4), подъемный материал из размываемого слоя, пос. Красногвардейское III

насечками и небольшими вдавлениями (рис. 2, 1—4). Это обстоятельство в большей мере сближает керамику обиточненскую и из Красногвардейского III, указывая, скорее всего, на ее (особенно для Обиточной 12) несколько более позднее время. В Обиточной 12 в одиночном случае встречен, как и в Красногвардейском II, узор из трех гладких валиков, но конструктивно иных — очень узких, треугольных в сечении и образованных, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой¹⁰, как будто из жидкой глины. О. А. Кривцова-Гракова справедливо связала поселения типа Обиточной 12 с эпохой раннего железа, определив их как наиболее древние скифские поселения и усмотрев в валиковой орнаментации наследие эпохи поздней бронзы¹¹.

Сопоставление указанных поселений Северного Приазовья с новыми материалами из двух поселений на Кубани позволяет наметить выделение наиболее ранней керамики эпохи раннего железа¹². В степях Северного Причерноморья к памятникам с такой керамикой, очевидно, и относятся поселения типа Обиточной 12 (это впервые и отметила О. А. Кривцова-Гракова). Видимо, «обиточненское» население, являясь потомками местных жителей, сохранило в кухонной посуде традиции эпохи поздней бронзы.

По отношению к протомеотским памятникам, судя по материалам Красногвардейского II, североприазовские поселения несколько более поздние, что не исключает, однако, частичную синхронизацию указанных поселений Северного Приазовья и Кубани.

Третий тип — горшки со слегка отогнутым венчиком и обычно без орнамента (рис. 1, 7). *Четвертый тип* — небольшие баночные сосудики с прямыми стенками; горизонтально уплощенный край устья имеет маленькую четкую закраину (рис. 1, 11). *Пятый тип* — сравнительно крупные сосуды боченовидной формы и грубой выделки. Иногда снабжены вертикальным налепом с поперечными насечками по нему (рис. 1, 9). *Шестой тип* — глубокие миски с прямыми расширяющимися кверху стенками. *Седьмой тип* — большие, судя по фрагментам, толстостенные сосуды типа пифосов. Выделка грубая; край прямого устья уплощен или скруглен (рис. 4, 1—2). Вероятно, это тарная посуда, не выделяемая нами в отдельную группу.

Среди фрагментов стенок от сосудов, тип которых не устанавливается, на 5 экз. сохранился углубленный орнамент (в том числе снаружи одного доньшка): либо овальные вдавления (хозяйственные сосуды), либо прочерченные прямые линии, расположенные вертикально и горизонтально.

К особой и очень редкой форме, не включаемой ни в какой тип, принадлежат фрагменты от двух плавно и четко профилированных горшков, плечики которых опоясаны небольшим гладким подтреугольным в

сечении валиком (рис. 1, 14—15). Такая орнаментация свойственна сосудам конца эпохи бронзы, в том числе и керамике кобяковской культуры, но встречается изредка и на поселениях эпохи раннего железа как пережиток позднебронзового века. Именно к сосудам с гладким валиком на плечиках, очевидно, восходят формы второго типа с гладким валиком под краем венчика (рис. 1, 6, 13, 16). В этом плане заслуживают внимания самые ранние кизил-кобинские поселения Крыма (IX—VIII вв. до н. э.), содержащие горшки с гладким узким валиком по плечикам¹³.

Столовая посуда Красногвардейского II включает шесть типов: чарки, кубки, кувшины, чаши, баночки, миски. Эти формы, кроме баночек, известны в целом для конца эпохи бронзы — начала раннего железа в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Столовая посуда Красногвардейского II более тщательной, аккуратной выделки. Глиняное тесто хорошо отмучено, примеси те же, но более измельченные. Цвет сосудов желтый, охристый, серый, реже темный. Поверхность залощена или лощеная, лощение чаще среднего качества.

Первый тип — тонкостенные черпаки, или чарочки. Представление о них дают многочисленные обломки ручек, венчиков и стенок с орнаментом (фрагменты венчиков вместе с ручкой редки). Диаметр венчиков от 8 до 17 см, преобладает 10—13 см. Среди черпаков по форме выделяют два варианта. Первый — прямой венчик с отогнутым в разной степени краем (рис. 3, 2); второй — короткий венчик отогнут почти в виде раструба; под венчиком иногда проходит тонкая линия (рис. 3, 1, 4, 7). Форма второго варианта очень близкая чаркам из могильников Николаевского и Ясеновая Поляна, где они являются одной из распространенных форм, а также из Псекупского¹⁴. Ручки черпаков петельчатые и возвышаются над венчиком, но встречаются и круглые в сечении (20%). Три ручки украшены вдоль врезными линиями либо небольшим ребром (рис. 3, 6, 8). Один фрагмент круглой в сечении ручки (!?), снабженный коническим выступом (рис. 3, 9), напоминает такой же фрагмент из первого позднесарматского слоя Кавказского городища на Кубани, где нижний слой раннемеотский¹⁵. Круглые в сечении ручки, вероятно, принадлежат кувшинам того типа, который известен в Николаевском могильнике¹⁶. Найдена также ручка с намечающимися «рожками» (рис. 3, 5), аналогичная ручке черпака из древнемеотского Абинского могильника¹⁷. Второй фрагмент как будто относится к очень широкой ручке (6 см) с одним обломанным «рожком».

Часть черпаков украшалась врезным геометрическим орнаментом, основные мотивы которого — свисающие заштрихованные треугольники или зигзагообразная заштрихованная лента, нанесенная в 1—2, реже в 3 ряда (рис. 3, 10, 11, 13, 17—19). Оба мотива иногда образуют характерную композицию из треугольников, окаймленных снизу зигзагом. Аналогичная композиция узора встречена на черпаках Николаевского могильника¹⁸. Судя по керамике Красногвардейского II, рассматриваемый орнамент иногда, видимо, был образован одним из двух указанных мотивов (рис. 3, 19). Мотив «сетки» в виде свисающих треугольников или широкой полосы в орнаментации употребляется реже (рис. 3, 1). Этот узор распространен на чарках из могильника Ясеновая Поляна¹⁹ и иногда встречается в Николаевском и Псекупском могильниках²⁰.

Редкими мотивами врезного узора, украшающими остальные типы столовой посуды Красногвардейского II, являются параллельные линии (6 случаев), «лесенка» (1 случай), заштрихованные ромбы (2 случая) (рис. 3, 11, 12, 14; 4, 10). Узор из параллельных линий украшает сосуд из Николаевского могильника; мотив лесенки типичен для керамики раннего железного века, например, на кувшинах из могильника у хутора Кубанское²¹. Орнамент из заштрихованных ромбов, расположенных в горизонтальный ряд, наряду с другими мотивами распространен на столовой посуде кобанского поселения Змейское²². Врезной техникой исполнен своеобразный «струйчатый» или волнистый узор (4 случая),

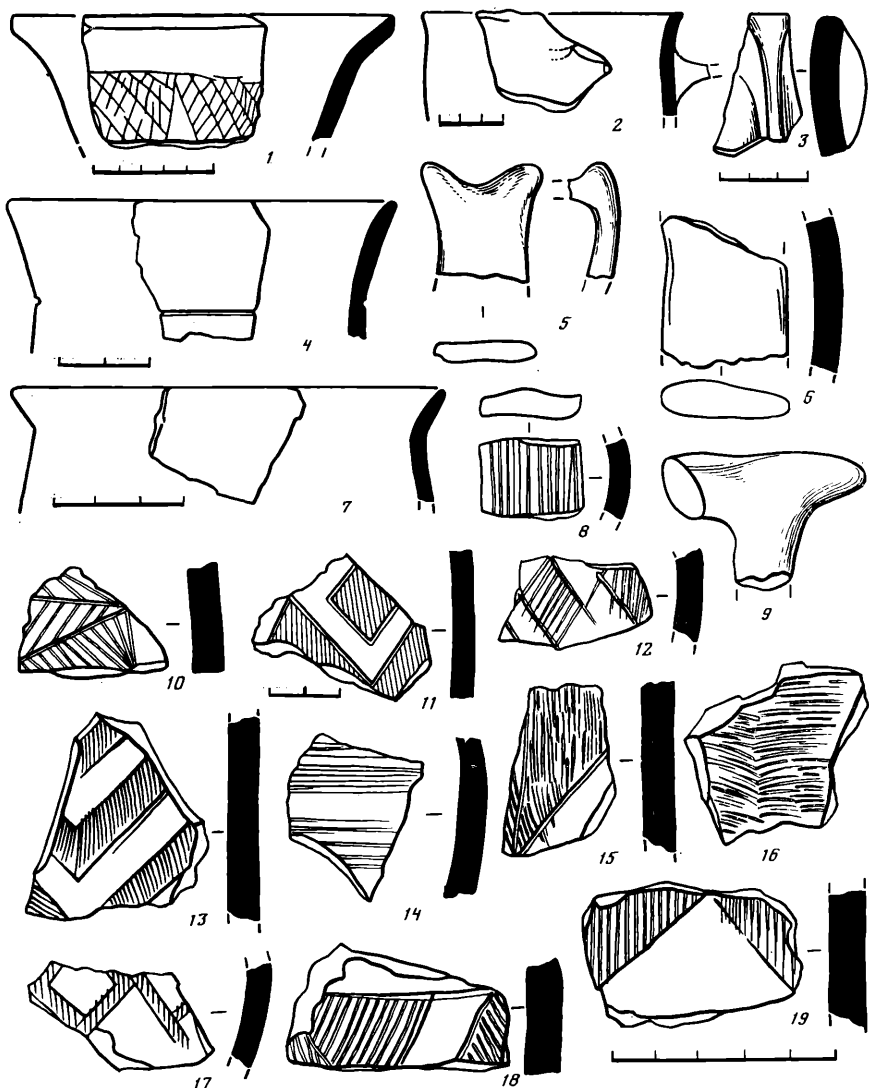

Рис. 3. Столовая посуда, пос. Красногвардейское II, раскоп I

1 — кв. VIII—IV, шт. 4; 2 — кв. Г2, шт. 5; 3 — кв. ГЗ—4, шт. 3; 4 — кв. В1, шт. 5; 5 — кв. Д1, шт. 7; 6 — кв. В2, шт. 4; 7 — кв. АII, шт. 2; 8 — кв. ДЗ—4, шт. 1; 9 — кв. В4, шт. 4; 10, 18 — кв. В1—В1, шт. 6; 11 — кв. А1, шт. 1; 12 — кв. ВЗ—4, шт. 3; 13 — кв. АII, шт. 4; 14 — кв. Д2, шт. 5; 15 — кв. В1, шт. 3; 16 — кв. В2, шт. 1—2; 17 — кв. АII, шт. 1; 19 — кв. В1, шт. 4.

образующий (на одном фрагменте) заштрихованные свисающие треугольники и горизонтальную ленту над ним (рис. 3, 15, 16). Такая же, видимо, композиция выполнена в технике мелкозубчатого штампа (9 случаев). Узор, нанесенный зубчатым штампом, известен наряду с веревочным и врезным на кубках и кувшинах поселений кобяковской культуры поздней бронзы из дельты Дона и особенно Красногвардейского I на Кубани²³. Мелкозубчатый штамп применяется в эту же эпоху в геометрическом орнаменте кубков и кувшинов из степных погребений ранней черnogоровской ступени киммерийского времени; прослежено, что на следующей, новочеркасской ступени техника зубчатого штампа исчезает в орнаменте²⁴. Иногда столовая керамика украшалась рельефным орнаментом из одиночных, в основном, налепов — круглых, конических и удлиненно-вертикальных (6 случаев) (рис. 3, 3).

Второй тип — кубки (или небольшие кувшины) со своеобразной профилировкой прямого сравнительно высокого венчика, край которого

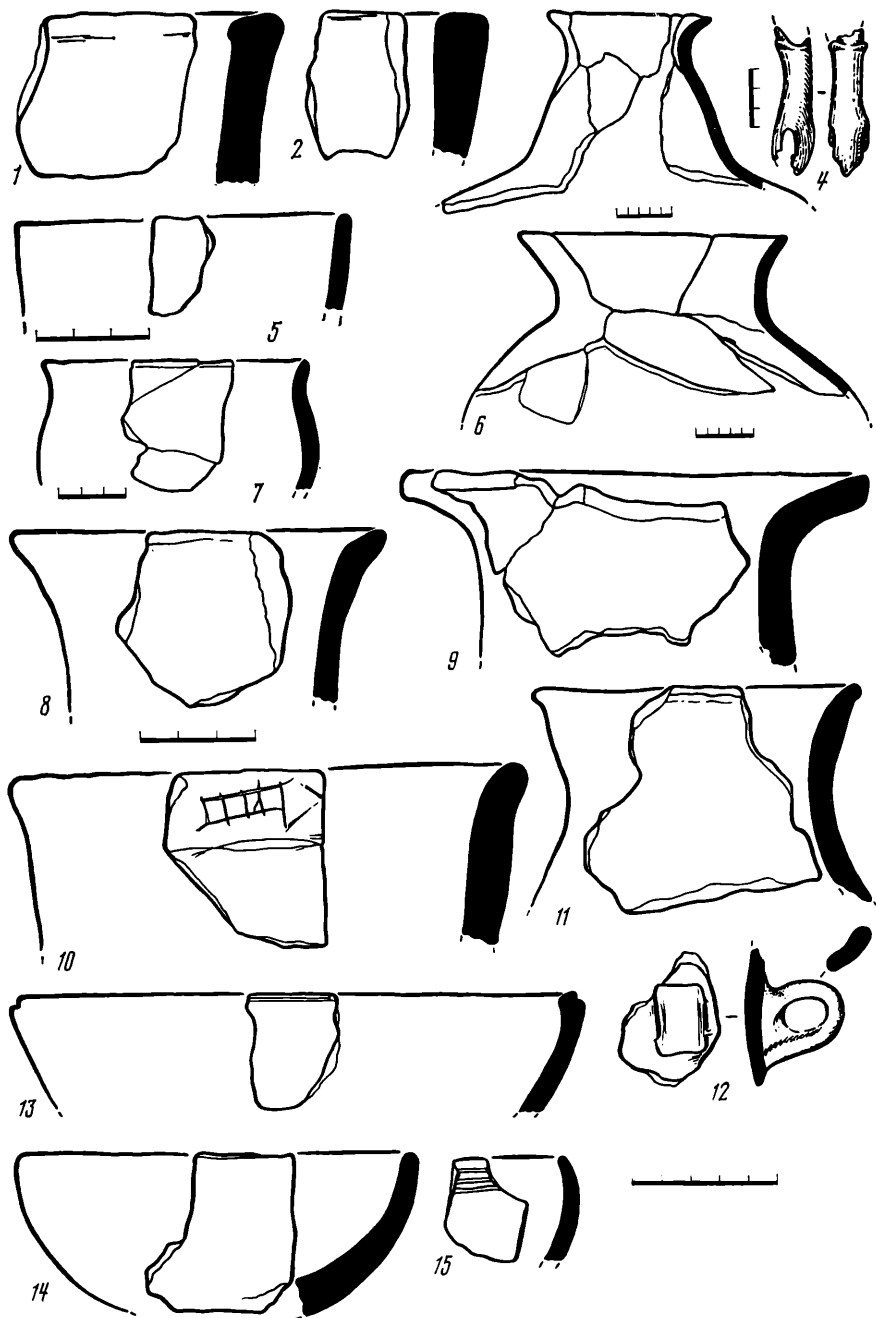

Рис. 4. Столовая посуда, пос. Красногвардейское II, раскоп I

1 — кв. ГЗ, шт. 6; 2 — кв. Б1, шт. 3; 3, 6, 11 — кв. Д4, шт. 5—6; 4 — кв. БIII—IV, шт. 4; 5 — кв. В2, шт. 1; 7 — кв. Г5, шт. 6; 8, 14 — кв. Д5, шт. 3; 9 — кв. Д4, шт. 5; 10 — кв. Г5, шт. 4; 12 — кв. В1, шт. 4; 13 — кв. В4 — Г4, шт. 8; 15 — кв. Б1, шт. 4 (4 — кость)

косо округлен внутрь (рис. 4, 8). Диаметр венчиков от 11 до 16 см, преобладает 15—16 см.

Третий тип — большие кувшины с широкими округлыми боками, иногда с ручкой той формы (рис. 4, 12), такая встречена на кувшинах Николаевского могильника²⁵. Диаметр венчиков от 12 до 23 см, преобладает 12—17 см. Кувшины содержат три варианта формы. Первый вариант: край высокого венчика круто или плавно отогнут (рис. 4, 6, 11). Второй вариант: высокое горло, край которого сильно отогнут, рас-

ширятся к плечикам (рис. 4, 3). Такая форма горла встречена и на кувшинах Николаевского могильника²⁶. Третий вариант включает пять фрагментов с резко отогнутым наружу краем венчика (рис. 4, 9). Аналогичная форма горла имеется у больших кувшинов из прото- и древнемеотских могильников²⁷, а также из кобанских могильников предскифского времени. Однако последнее сопоставление ввиду фрагментарности керамики Красногвардейского II представляется достаточно предварительным (приводимые фрагменты близки также венчикам кувшинов из погребений VI—V вв. до н. э. на Кубани²⁸).

Четвертый тип — чаши со слегка отогнутым, реже прямым венчиком и плавно округлыми боками (рис. 4, 7). Диаметр венчиков от 9 до 24 см, преобладает 12—19 см.

Пятый тип — немногочисленные прямостенные баночки, нередко с горизонтально-уплощенным краем устья и четкой закраиной на нем (рис. 4, 5). Диаметр венчиков от 4 до 13 см.

Шестой тип — многочисленные невысокие миски с округлыми боками (в одном случае с ребром) (рис. 4, 14). Диаметр венчика от 9 до 24 см, преобладает 12—19 см. Орнамент зафиксирован в одиночных случаях: горизонтальное слабое узкое рифление или пролощенность; короткий вертикальный налест у края устья; узкий желобок под краем устья (рис. 4, 13, 15).

Остальные керамические изделия составляют различные поделки: обломки двух колесиков от моделей повозок, три колесика из стенок сосудов с отверстием посередине (ткацкие грузики), два пряслица (обломок биконического и плоское круглое). Обнаружено 15 крупных каменных изделий нечеткой формы: орудия для обработки металлических предметов (наковаленка, точило, абразив, молот), ложило, песты, кирка-молот и проч. Кремневые изделия содержат 2 отбойника, 5 вкладышей для серпов, 7 скребков на отщепах и пластиночках, 5 строгальных ножичков, а также многочисленные отходы (11 отщепов, 9 сработанных нуклеусов и 20 осколков)²⁹. Употребление кремневых вкладышей серпов в этот же период зафиксировано в чернолесских и кобанских памятниках³⁰. Известно, что применение кремневых орудий для некоторых видов домашних работ продолжалось еще в начале раннего железного века, но выработанные четкие формы сохранились только для серпов (в эпоху поздней бронзы — для серпов там, где ощущался недостаток металла, и для наконечников стрел).

Особое значение имеет находка в слое обломка стержневидного трехдырчатого псалия черногооровского типа (рис. 4, 4). Псалии этого типа известны и в Николаевском могильнике³¹. Псалий из Красногвардейского II подтверждает установленную по керамике связь данного поселения с протомеотскими древностями, и в частности с соседним Николаевским могильником, относящимся, как показал А. И. Тереножкин, к выделенной им ранней, черногооровской ступени предскифского (киммерийского) периода³². Следовательно пос. Красногвардейское II можно датировать, опираясь на хронологию, предложенную А. И. Тереножкиным³³, в рамках середины IX — середины VIII в. до н. э. Красногвардейское II со временем, очевидно, перестанет быть единственным протомеотским поселением (если не считать затопляемый островок поселения Красногвардейское III с ограниченным материалом).

Материал Красногвардейского II позволяет коснуться вопросов связи протомеотских древностей с предшествующим периодом — концом эпохи поздней бронзы; намечается цепочка связи с кобьяковской культурой. Мощност культурного слоя, обилие и характер находок в нем указывают на долговременное существование поселения Красногвардейское II, жители которого, как и кобьяковские племена, вели прочный оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и скотоводством. Между тем в степях Северного Причерноморья этого же периода отсутствуют поселения (тем более долговременные, кроме, видимо, обиточенских поселений), что объясняется иным, кочевым укладом хозяйства нового насе-

ления, связываемого с киммерийцами³⁴. Общим в керамике кобяковских поселений донской дельты, а также Кубани (Красногвардейское I) и протомеотского пос. Красногвардейское II (помимо четких отличий, которые определяют культуру и эпоху указанных памятников*) является следующее. Две группы керамики (хозяйственная и столовая); на хозяйственной посуде — наличие гладкого валика и его расположение у кобяковских сосудов на плечиках, у протомеотских — под венчиком и исключительно редко на плечиках; редкость расчлененного валика — по сравнению с гладким на кобяковских сосудах и почти исчезающего на протомеотских; типы столовой посуды (кроме баночек из Красногвардейского II); мотивы заштрихованных свисающих треугольников и зигзагообразных лент в геометрическом орнаменте столовой посуды; техника нанесения этого орнамента врезными линиями или (но реже) зубчатым штампом.

Как установлено по данным из могильников, генезис меотов Кубани связан непосредственно с населением этой же территории — с протомеотами и выводится в целом из местной культуры эпохи бронзы³⁵. Поэтому материалы Красногвардейского II приобретают большое значение, так как приводят к предположению о том, что кобяковская культура эпохи поздней бронзы на Кубани (Красногвардейское I) могла явиться одним из слагаемых протомеотской культуры начала эпохи раннего железа. Между тем судьба кобяковской культуры в дельте Дона иная: кобяковские поселения прекращают свое существование (следовательно, археологическая культура исчезает) в период появления киммерийцев в Северном Причерноморье, и носители этой культуры, очевидно, частично влились в состав нового этноса и впоследствии смешались в нем³⁶.

¹ Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века//МИА. 1951. № 23.

² Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону: (Кобяковская культура)//САИ. 1980. Вып. В1-11.

³ Шарафутдинова Э. С. Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону//СА. 1973. № 2.

⁴ Анфимов Н. В. Протомеотский могильник с. Николаевского//Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. 2.

⁵ Шарафутдинова Э. С. Раскопки поселения Красногвардейское II в зоне Краснодарского водохранилища//АО 1984 г. М., 1986.

⁶ Состав фауны определен заведующей Лабораторией археологической технологии ЛОИА Н. М. Ермоловой.

⁷ Анфимов Н. В. К вопросу о восточной границе распространения меотских племен//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981. С. 66. Рис. 21.

⁸ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971. С. 52—55. Табл. 6, 8.

⁹ Поселение Красногвардейское III (или Тшикское) открыто А. А. Нехаевым в 1980 г., материалы любезно нам предоставлены.

¹⁰ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы//МИА. 1955. № 46. С. 154.

¹¹ Там же. С. 151—156. Рис. 37, 1—32.

¹² В эпоху раннего железа не включаются погребения белозерской культуры Северного Причерноморья, в которых встречаются биметаллические и железные изделия (ножи, кинжалы), поскольку по всем типологическим признакам эта культура относится к последнему этапу периода поздней бронзы.

¹³ Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры//САИ. 1981. Вып. Д1-7. С. 12. Табл. 12, 4; 14, 15.

¹⁴ Анфимов Н. В. Протомеотский могильник... Табл. I, 2—4; Дитлер П. А. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс//Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. 2. Табл. II, 7; III, 1, 3, 6; Ловпаче Н. Г., Тов А. А. Некоторые материалы из Пскупского могильника эпохи железа и средневековья//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1983. Табл. I, 1, 5.

¹⁵ Анфимов Н. В. К вопросу о восточной границе... С. 65. Рис. 6.

¹⁶ Ловпаче Н. Г. Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981. Табл. 1, 9.

¹⁷ Анфимов Н. В. Древнемеотский могильник близ г. Абинска//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981. С. 49, 50, 52. Рис. 3.

¹⁸ Анфимов И. Н. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья//МИА.

* Основным отличием является отсутствие на протомеотской столовой посуде веревочной техники орнаментации — главной специфики кобяковской посуды донской дельты и Кубани.

1971. № 177. Рис. 1, 1; *Ловпаче Н. Г.* Эволюция форм и художественных средств... Табл. I, 1, 2.
- ¹⁹ *Ловпаче Н. Г.* Эволюция форм и художественных средств... Табл. 3, 4.
- ²⁰ *Ловпаче Н. Г.* Могильники в устье р. Псекупса//Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. 1985. Табл. XIII, 7.
- ²¹ *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник... Табл. 1, 5; *Он же.* Сложение меотской культуры... С. 175. Рис. 3, 1.
- ²² *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. Табл. XVII, 1—3; XXII, 3, 4.
- ²³ *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени... С. 51. Табл. XX, 5; XXI, 1; XXV, 3; XXIX, 1; *Анфимов Н. В., Шарафутдинова Э. С.* Поселение Красногвардейское I на Кубани — новый памятник кобьяковской культуры//СА. 1982. № 3. С. 143. Рис. 4—6, 9, 12, 15, 16, 19, 20.
- ²⁴ *Гагарилук Н. А.* Лошенная керамика степных погребений предскифского времени//Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 27, 29, 39.
- ²⁵ *Ловпаче Н. Г.* Эволюция форм и художественных средств... Табл. 1, 10.
- ²⁶ Там же. Табл. 2, 1.
- ²⁷ Там же. Табл. 3, 1, 2.
- ²⁸ *Анфимов Н. В.* Меото-скифский могильник у станицы Усть-Лабинской//МИА. 1951. № 23. С. 163. Рис. 2, 2.
- ²⁹ Функциональное назначение изделий определено в экспериментально-трассологической лаборатории ЛОИА.
- ³⁰ *Тереножкин А. М.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961. С. 83—85; *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: (Восточный вариант)//САИ. 1982. Вып. В2-5. С. 9.
- ³¹ *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры... Рис. 2, 3; *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976. С. 150. Рис. 84, 2; 86.
- ³² *Тереножкин А. И.* Черноголовская и новочеркасская ступени киммерийской культуры//Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. ИА АН УССР. Киев, 1975. Ч. 2. С. 3, 4.
- ³³ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. С. 22, 207, 208.
- ³⁴ *Шарафутдинова Э. С., Дубовская О. Р.* Киммерийская проблема и две группы погребений предскифского времени в Северном Причерноморье//Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Всесоюз. симпозиум. Ереван, 1982. С. 131; *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 28, 35; *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. С. 214.
- ³⁵ *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник... С. 121, 126; *Он же.* Сложение меотской культуры... С. 176.
- ³⁶ *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени... С. 75.

Л. Т. ГЮЗАЛЯН

КАМЕННЫЙ СТОЛИК-ПРЕСС ИЗ ДВИНА

В 1953 г. в Армении на территории городища Двин, но вне раскапываемой тогда площади был обнаружен небольшой прямоугольный столик-пресс для получения выжимок, сделанный из цельного куска серо-бурого известняка (№ 1990/42).

Своими размерами (26,5×17,5×7,3 см) и тщательной обработкой он представлялся бы лишь домашней утварью, если бы не размещенная на его стенках персидская надпись. Она состоит из четырех предложений, равных по количеству слогов, не укладывающихся, однако, в поэтический метр, не рифмующихся и не образующих четверостишия. Тем не менее они, связанные общей темой, представляют явное подражание распространенной в средневековой поэзии разновидности стихотворений-загадок.

Разбор надписи приводит к заключению, что отгадкой является шиповник, но не весь полностью, а лишь его плод. Рекомендуются удалить от растений цветков, отделить от стебля его плод, а после извлечения содержимого последнего не выбрасывать его отходы. Сообщается, что они могут быть использованы и способ этого использования известен «пытливым лекарям». Таким образом, надпись, по-видимому, оповещает о впервые сделанном открытии использования отходов плода шиповника в медицинских целях и является своего рода рекламой.

Не исключено, что о реализации этой же именно возможности уже в наши дни сообщалось в газете «Правда» от 6 сентября 1984 г. в заметке о том, что в связи с новой технологией теперь в Одессе не выбра-

сывают отходы плодов шиповника, так как из них стали изготавливать противовоспалительный препарат каротин.

При обнаружении в Двине столика-пресса точное место его находки не было зафиксировано. Таким образом, археологическими данными нет оснований датировать его и тем самым определить время предположительного открытия способа использования отходов плода шиповника. Однако ясно, что после 1236 г., когда Двин был разрушен монголо-татарами, столик-пресс не мог быть ни сделанным в Двине, ни привезенным в него. Для возможной более ранней даты можно принять период, начиная, во всяком случае, не позднее чем от середины XII в., что не отрицалось бы ни характером письма надписи, ни распространенностью в персидской поэзии предмонгольского периода стихотворений-загадок.

ХРОНИКА

В. М. МАССОН

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ СЕКТОРА СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА ЛОИА

С 4 по 7 июня 1984 г. состоялось расширенное заседание сектора Средней Азии и Кавказа, посвященное памяти выдающегося советского археолога А. А. Иессена. Этого известного ленинградского ученого отличали глубокое знание археологических комплексов, логически четкое использование основных приемов археологической процедуры — типологического метода и аналогий, проникновенное понимание сложности исторических процессов и событий, нашедших отражение в археологических материалах. Обладая феноменальной памятью, А. А. Иессен в послевоенные годы заново воссоздал в музейных собраниях эталонные комплексы из перемешанных и депаспортизованных объектов. Образцом тонкого исторического анализа являются работы А. А. Иессена по проблеме греческой колонизации Северного Причерноморья и о выделении особого периода культурных взаимодействий Кавказа и Древнего Востока, связанного с раннеземледельческими культурами. В настоящее время исследователи Закавказья имеют огромный материал, характеризующий различные локальные группировки этих культур, в том числе с архаической расписной керамикой в Азербайджане (Аликемектепеси и аналогичные памятники). А. А. Иессен, выступая с небольшой проблемной статьей, располагал несколькими десятками фрагментированных обломков расписной керамики, за которыми он проникательно почувствовал новую культуру и новую эпоху.

В его выступлениях показаны современное состояние и перспективы исследования ряда основных направлений, разработка которых связана с именем этого ученого широкого профиля. Такова особенно близкая А. А. Иессену тематика, связанная с историей металлургии, этапами ее технологического прогресса и решающим воздействием на развитие культуры и общества в целом. Исследование археологических комплексов и культур в системе широких связей, из которых для Кавказа важнейшее значение имели взаимодействия, уходящие на Ближний Восток, также было существенно продвинуто работами А. А. Иессена, надежно обосновавшего в небольшой, но исключительно емкой работе (своего рода микромонографии) раннюю хронологию и ближневосточные связи майкопской культуры на Северном Кавказе. Представлены и первые итоги исследования новых опорных памятников, открытых на Кавказе и в прилегающей степной зоне Восточной Европы. Таковы, в частности, многослойные поселения Бериклдеebi в Грузии и Раздорское на Нижнем Дону. Они не только дали новые, яркие материалы, но и позволяют надежно разместить в системе хронологической последовательности комплексы, рисующие эволюцию древних культур. Все эти работы и изыскания демонстрируют дальнейшие успехи тематики и направлений, развитию, а порой и созданию которых уделял большое внимание видный отечественный исследователь и организатор науки Александр Александрович Иессен.

ЛИЧНЫЙ ФОНД А. А. ИЕССЕНА¹

(ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ)

Среди личных фондов Рукописного архива ЛОИА АН СССР фонд А. А. Иессена занимает одно из видных мест. Как любой личный фонд, он является прежде всего первоисточником для изучения научной и научно-организационной деятельности самого А. А. Иессена. Однако информативная насыщенность документов фонда, полнота и глубина заключенного в них фактического материала и, наконец, в известной степени уникальность содержания отдельных документов — все это придает фонду непреходящее значение для использования специалистами — археологами и историками.

Исходя из тематики, материалы фонда можно условно разделить на две группы. Это научные документы (рукописи трудов и материалы к ним) и документы научно-организационной деятельности.

В первой группе выделяются следующие документы: неопубликованные исследования и материалы к ним; отдельные опубликованные работы; материалы к опубликованным трудам, не вошедшие в издания; коллекция документов, условно названная нами «иессеновские подборки», дневники и записные книжки научного характера; полевая документация; рецензии и отзывы Иессена на труды разных лиц.

Неопубликованные исследования и материалы к ним представлены черновиками работ и сообщений, планами и набросками.

Значительная часть трудов сохранилась в рукописном виде. В основном это машинописные варианты. Подготовительные же материалы к работам в подавляющем большинстве автографы. Исследования находятся в разной степени завершенности. Среди них план и черновые наброски к плану диссертации «Северный Кавказ в медно-бронзовом веке» (1930—1932 гг.)² — работа должна была состоять из девяти глав — Введение, История исследования, Обзор материала, Неолит Северного Кавказа, Ранняя группа медного века, Среднекубанская группа, История развития культуры Северного Кавказа; вариант монографии «Греческая колонизация Северного Причерноморья» (1942 г.) — работа представляет собой машинописную рукопись с авторскими пометками и исправлениями, на обложке автограф: «Греческая колонизация. Свердловск 1942 г. Напечатано 1947 г.»; черновые наброски тезисов доклада «Древнее производство меди и бронзы на Урале» (1943 г.); план работы «История Урала», в частности план I раздела — «Древняя история Урала до эпохи русской колонизации» (1943 г.), план доклада «Древний период истории Урала» (1945 г.) и тезисы доклада «Памятники первобытного искусства на Урале» (1945 г.); план и черновые наброски работы «Древняя металлургия Урала и Казахстана» (1947 г.), черновая рукопись монографии о металле и металлообработке на Кавказе в эпоху бронзы (1930-е годы).

Материалы к неопубликованным работам представлены многочисленными записками из литературы и архивных источников, фотографиями и рисунками вещей, графическими документами — картами, планами, схемами и т. п. Среди них значительное место занимают подготовительные материалы к работам по Уралу и Казахстану (эпоха бронзы и железа), к сборнику «Археология Кабардино-Балкарии», к монографии «Греческая колонизация Северного Причерноморья», к статьям «Антропоморфные образы в скифском искусстве», «Ранние связи Приуралья с Ираном», подготовительные материалы по Майкопскому археологическому комплексу, Гиреевой могиле и келлермесским курганам.

Опубликованные работы представлены вариантами статей с авторской правкой, сделанной либо в процессе подготовки их к изданию, либо уже после появления их в печати, доклады, сообщения. В частности, оставлены на хранение тезисы доклада «Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа», прочитанного Иессеном в 1956 г. на Конференции по археологии Кавказа в Ереване. Спустя некоторое время он вновь возвращается к тексту доклада, уточняет отдельные мысли, вписывает новые абзацы, изменяет то, что по истечении времени уже стало не столь злободневно.

Материалы к опубликованным работам, не вошедшим в издания, представлены главным образом изобразительными документами (фотографиями и рисунками вещей, всевозможными схемами, таблицами и т. п.). Среди них следует отметить такие (ставшие теперь уникальными) документы, как карты археологических памятников Ставрополя, сделанные Иессеном до войны, картотека кладов металлических вещей на Украине и в Молдавии с подробным описанием вещей.

«Иессеновские подборки» составляют самую объемную часть фонда. Это коллекция документов, где собраны самые разнообразные сведения (от археологии до языкознания) по той или иной культуре, памятнику. Над коллекцией Иессен работал многие годы, о чем свидетельствуют пометки, отрывочные записи, вопросы и тут же ответы на них, сделанные им самим. «Подборки» тщательно отсистематизированы фондообразователем, что позволяет нам условно разделить их на две части: географическую и тематическую. «Географические» подборки регионально делятся на СССР и зарубежные страны. Территория СССР разделена на рубежи общепринятого административно-территориального деления страны: Украина, Крым, Приазовье, Предкавказье, Кавказ, Урал, Казахстан и т. д. В крупных регионах выделены более мелкие географические или административные области. В частности, раздел «Кавказ» подразделяется на Северный Кавказ, Кабарду, Осетию, Чечено-Ингушетию, Дагестан, Абхазию, Грузию, Азербайджан, Армению.

Раздел «Зарубежные страны» также делится на регионы, которые территориально обозначены либо названием континента, либо названием группы стран, объединенных в римскую эпоху, либо названием отдельных государств, скажем, «Археология, искусство и этнография Китая».

«Тематические подборки» скомпонованы по темам, название которых ярко свидетельствует о широте интересов ученого: «Происхождение человека, его производственная деятельность, искусство», «Снежный человек», «История техники (древняя техника, военная техника)», «Естественная среда, Атлантида», «Символика у разных народов», «Письмо, верования, мышление», «Этнография и антропология», подборки по методике археологических исследований и музейной работе, или «Хроника археологических исследований в разных странах за 1886—1957 гг.» и др.

Независимо от принципа систематизации «подборки», как правило, составлялись из однородных документов. Эти выписки из архивных источников, книжных и периодических изданий, изобразительный и графический материал (фотография, рисунки, карты, схемы, репродукции и т. п.), тематические карточки. Последние занимают особое место среди прочих документов. Тематические карточки заполнялись по следующей схеме: название памятников или вещей, место и время обнаружения, подробное описание с указанием места хранения и, наконец, наименование изданий, поместивших о нем сведения. Все это придает «подборкам» А. А. Иессена большое научное значение. А если учесть, что в ряде случаев здесь собраны данные о коллекциях или отдельных вещах, утерянных или погибших во время войны, то «подборки» становятся и ценнейшими уникальными документами. Одновременно «подборки» являются яркой иллюстрацией к изучению творческого метода Иессена,

основу которого составляет нетерпение пустоты, стремление всякому факту придать полную достоверность и завершенность. В качестве примера можно привести такой. В середине прошлого века в районе Пятигорска были найдены каменный топорик и глиняный сосуд. Проведя дополнительный поиск по истории данной находки, А. А. Иессен установил, что эти вещи куплены неким духовным лицом Афанасием в 1859 г. Но у него вызывает сомнение место обнаружения вещей. А. А. Иессен отмечает: «Пятигорск 1859 г., курган»... «неверно?» Ниже читаем: «Упоминание топора, поступившего в Музей АН в 1861 г. от архиепископа Астраханского...» И далее вопрос: «м. б. это пятигорские находки?» и, наконец, последняя запись, уже утвердительная: «В одном из небольших курганов Пятигорска».

Дневники и записные книжки составлены А. А. Иессеном во время его рекогносцировочных поездок по районам Ленинградской области, а также по музеям городов Северного Кавказа и центральных областей России в конце 20 — начале 30-х годов. Здесь можно встретить не только описание музейных коллекций в их довоенном состоянии, но и подробную характеристику отдельных памятников или вещей, что, так же как и «подборкам», придает «книжкам» А. А. Иессена непреходящее для современной науки значение.

Всего в фонде сохранилось 14 книжек. Среди них одна по Ленинградской области (1927 г.) и девять по музеям городов Северного Кавказа и Кубани (1924—1930 гг.).

Полевая документация представлена материалами азербайджанских экспедиций под руководством А. А. Иессена (1950-е годы). Это полевые дневники и чертежи, описи находок, инвентарные описи. В настоящее время данные материалы выделены из фонда А. А. Иессена и присоединены к фонду полевой документации ЛОИА (ф. 2,35).

Из рецензий и отзывов А. А. Иессена на труды разных лиц можно выделить отзывы на монографию С. С. Черникова «Степняк, Колбы и Каратау», «Древние районы металлов в Казахстане» (1935 г.) и монографию М. П. Грязнова «Пазырык — богатое погребение эпохи ранних кочевников на Алтае» (1939 г.); рецензии на диссертацию И. В. Фабрициус «Триполье и киммерийцы» (1949 г.) и сборник статей «Очерки по истории культуры античных городов Северного Причерноморья» (1951 г.), отзывы на статью Е. И. Крупнова «Киммерийцы на Северном Кавказе» (1955 г.) и А. А. Иерусалимской «Эпоха бронзы степного Предкавказья (предкавказский вариант катакомбной культуры», 1957 г.); на рукопись С. И. Руденко «Культура хуннов» (1961 г.) и др. Всего в фонде сохранилось 127 рецензий и отзывов. Рецензии А. А. Иессена с полным основанием можно отнести к научным трудам ученого. В них наглядно отразилась не только широта научных интересов его, но и глубина проникновения в проблематику исследований разных ученых, что придает каждой рецензии А. А. Иессена высоконаучный уровень.

Научно-организационная деятельность А. А. Иессена представлена небольшой группой документов, относящихся к «эрмитажному» периоду его деятельности. Среди них отчеты о командировках на Украину в 1930 и 1941 гг., личные производственные планы Иессена за 1933 и 1936 гг. и справки о их выполнении; докладные записки А. А. Иессена за 1937, 1950 и 1957 гг. о деятельности Отдела первобытной культуры Эрмитажа, путях реорганизации и научно-практических перспективах.

Переписка сохранилась в небольшом количестве. Она представлена как письмами самого Иессена, так и письмами к нему за 1926—1962 гг. Всего в фонде три письма Иессена и пятнадцать писем разных авторов к фондообразователю. Среди корреспондентов были М. Миллер и А. Лукин. Часть писем не подписаны или подписаны начальными буквами. В данном случае корреспондентов установить не удалось.

Кроме материалов А. А. Иессена, в его личном фонде отложились и документы других лиц. Это научные труды, главным образом статьи. Среди них статьи О. А. Абибуллаева «Раскопки на холме Кюль-тепе в 1953 г.», И. И. Аханова «Геленджикские подкурганые дольмены» (1957 г.), М. П. Грязнова и М. В. Воеводского «Островская палеолитическая стоянка (раскопки 1942 г.)», Б. Рабиновича «Этапы развития скифского звериного стиля в Причерноморье» (1940 г.).

¹ Археолог, историк. Род. 23 июля 1896 г., умер в 1964 г. в Ленинграде. Научный сотрудник ГАИМК — ЛОИА (1926—1963 гг.); с 1936 г. — старший научный сотрудник. Сотрудник Гос. Эрмитажа (1927—1952 гг.), с 1936 г. — зав. отделом истории первобытной

культуры. Профессор Уральского университета (1944—1945 гг.). Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

² Датируется нами по содержанию дневников и записных книжек Иессена.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Л.
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ИА — Институт археологии АН СССР
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИФЖ — Историко-филологический журнал
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии СПб., Пг.
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры. Государственный Эрмитаж
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СПАЗИ — Сессия, посвященная итогам археологических работ в 1963 г. АН Азербайджанской ССР. Институт истории
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ИГ — Труды Института геологии Дагестанского филиала АН СССР
ААН — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum hungaricae. Budapest
AFO — Archiv für Orientforschung
AJA — American Journal of Archaeology. Princeton
An. Or. — Analecta Orientalia
AMI — Archäologische Mitteilungen aus Iran. Berlin
АН — Archaeologia Hungarica. Budapest
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BAW — Bayensche Akademie der Wissenschaften
IA — Irania Antiqua
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin
NF — Neue Folge
OIP — Oriental Institute Publications
PZ — Prähistorische Zeitschrift. Berlin
RA — Revue archéologique. Paris
TAED — Turktarih arheologya ve etnografya degresi

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>К. Х. Кушнарева.</i> Значение Азербайджанской (Оренкалинской) экспедиции для археологии Кавказа	3
<i>М. Г. Гаджиев.</i> Древние очаги металлообработки в Дагестане	6
<i>Г. С. Исмаилов.</i> Этапы развития древнейшей металлургии и металлообработывающего производства на территории Азербайджана	14
<i>В. А. Трифонов.</i> Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры	18
<i>А. Д. Резепкин.</i> К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободная	26
<i>М. П. Чернопицкий.</i> Майкопский «балдахин»	33
<i>В. И. Қозенкова.</i> Датировка кобанской культуры в трудах А. А. Иессена (в свете последних археологических данных)	40
<i>Л. Н. Панцхава.</i> Некоторые вопросы изучения колхидской и кобанской культур	48
<i>Ю. В. Андреев.</i> Греция на пороге железного века	54
<i>А. И. Семенов.</i> К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Учтепе	59

Полевые исследования

<i>И. Г. Нариманов, Г. Ф. Джафаров.</i> Палеолитические находки из Борсунлу	67
<i>В. Я. Кияшко.</i> Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону .	73
<i>Л. И. Глonti, А. И. Джавахишвили.</i> Новые данные о многослойном памятнике эпохи энеолита — поздней бронзы в Шида Картли—Бериклдеби . .	80
<i>Э. С. Шарифутдинова.</i> Поселение Красногвардейское II — новый памятник начала эпохи раннего железа на Кубани	87
<i>Л. Т. Гюзальян.</i> Каменный столик-пресс из Двина	96

Хроника

<i>В. М. Массон.</i> Расширенное заседание сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА	98
<i>Р. В. Васильева.</i> Личный фонд А. А. Иессена (обзор документов) .	99
Список сокращений	103

Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей

КСИА, вып. 192

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян. Художественный редактор Г. П. Валлас

Технические редакторы Н. П. Переверза, А. М. Сатарова

Корректоры Л. А. Лебедева, М. Ф. Сафонова

ИБ № 36093

Сдано в набор 01.04.87. Подписано к печати 28.05.87. А-01815. Формат 70×108¹/₁₆
Бумага книжно-журнальная импортная. Гарнитура литературная. Печать высокая
Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр. отт. 9,5. Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 2150 экз. Тип. зак. 4110
Цена 1 р. 90 к.